

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№ 1 (7) 2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Оглавление

№ 1 Том 7 2020

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Достоевский: Россия и Европа

Некоторые размышления о литературных произведениях

Астута Дж...... 6-30

Поэтика и жанрово-стилистические особенности рутульских народных сказок

Махмудова С.М. 31-39

Психологический анализ антипсихологического романа: чтение «Преступления и наказания» Достоевского через призму психоанализа Выготского

Маркес П.Н. 40-48

Достоевский в англоязычной литературе

Головяшкина М.А. 49-56

П.Н. Медведев о методологических основах изучения творчества Ф.М. Достоевского

Баталова Т.П., Федянова Г.В...... 57-65

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Особенности перевода произведений Ф.М. Достоевского на немецкий язык

Киселева И.Д...... 66-75

Достоевский, западные писатели и ученые

Губанова Л.В., Петрова М.О., Вейбер Е.Н...... 76-82

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Федор Достоевский в польской литературе, театре и кино

Олтушук А.Б...... 82-89

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Достоевский в Твиттере: лингводидактический взгляд на феномен твиттературы

Бовшик А.С...... 90-100

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Достоевский в учебниках русского языка для американцев

Зенкевич И.В. 101-108

ЛабIALIZация в эгейских и нахско-дагестанских языках

Тардиво Дж. 109-120

Концепт «anger» в лексикографическом описании

Яровикова Ю.В...... 121-127

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международная научная конференция «Достоевский в Италии и славянский вопрос»

Махмудова С.М 128-129

Contents

№ 1 Volume 7 2020

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Dostoevskij: La Russia e l'Europa

Alcune Riflessioni sulle Opere Letterarie

Astuto Guiseppe 6-30

Poetics and Genre-Stylistic Features Rutulian Folk Tales

Svetlana M. Mahmudova..... 31-39

A Psychological Analysis of an Anti-Psychological Novel: Reading Dostoevsky's Crime and Punishment with Vygotskian Spectacles

Priscila N. Marques..... 40-48

Dostoevsky in English Literature

Marina A. Golovyashkina 49-56

P.N. Medvedev on the Methodological Foundations of the Study of the Work of F.M.

Dostoevsky

Tamara P. Batalova, Galina V. Fedyanova..... 57-65

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF LANGUAGES AND CULTURES

The Distinctive Features of the German Translations of Works by F.M. Dostoyevsky

Irina D. Kiselyova..... 66-75

Dostoevsky, Western Writers and Scholars

Larisa V. Gubanova, Marina O. Petrova, Evgenija N. Vejber..... 76-82

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND GLOBALIZATION ISSUES

Fedor Dostoevsky in Polish Literature, Theater and Cinema

Alina B. Oltuszyk..... 83-89

PROBLEMS OF MODERN LINGUISTICS

Dostoevsky on Twitter: Twitterfiction as a Learning Tool in SLA

Aleksandr S. Bovshik..... 90-100

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Dostoevsky in Russian Language Textbooks for Americans

Irina V. Zenkevich..... 101-108

Labialization in Ægean and Nakh-Daghestanian Languages

Tardivo Giampaolo..... 109-120

A Lexicographic Description of the Concept “Anger”

Yulia V. Yarovikova 121-127

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

International Scientific Conference

“Dostoevsky in Italy and the Slavic Question”

Svetlana M. Mahmudova..... 128-129

Достоевский: Россия и Европа Некоторые размышления о литературных произведениях

Астутто Дж.

Университет Катания, г. Катания, Итальянская Республика

ORCID: <https://orcid.org/0000-001-9848-5605>, e-mail: astuto@unict.it

В данной работе рассматриваются способы выражения концепций Достоевского, которые посредством использования «живой фантазии» переводят реальные отношения в системах художественных знаков с неизбежными внутренними проблемными и лейтативными структурами. Для славянофилов полярность концепта Россия-Европа принимает форму двух разных жизненных моделей. Напротив, Достоевский берет на себя напряженность, существующую в отношениях между Россией и Европой, например, между людьми и разумом, «истиной Христа» и индивидуалистическим произволом, и анализирует их с новой и оригинальной концептуальной основой. «Позитивный» элемент концепции «Достоевский» представлен социальным опытом и способностью чувствовать, именно благодаря его корням, «разрыв с прошлым» и кризис эпохи, в которой он живет. В рамках этого кризиса должны быть размещены драматические события "подпольного человека", семьи Раскольниковых и Карамазовых. По этим причинам можно утверждать, что Достоевскому, благодаря сравнению Европы и России и его гениально проницательному видению, удастся выявить фундаментальные конфликты и экзистенциальные напряженности современного человека, которые имеют укоренившуюся в прошлом «проблемную сущность», будущее. Отсюда и распространение популярности его творчества, и все это вне зависимости от аспектов, приписываемых всей социальной утопии.

Ключевые слова: Достоевский, произведения Достоевского, Европа, Россия, судьба России.

Для цитаты: Астутто Дж. Достоевский: Россия и Европа. Некоторые размышления о литературных произведениях [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С.6—30. DOI:10.17759/langt.20200700101

Dostoevskij: La Russia e l'Europa Alcune Riflessioni sulle Opere Letterarie

Astuto G.

University of Catania, Catania, Sicily, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9848-5605>, e-mail: astuto@unict.it

Cerco di capire le modalità di espressione delle concezioni di Dostoevskij che, per il tramite della «vivente fantasia», traducono i rapporti reali in sistemi di segni artistici, con le inevitabili strutture problematiche interne e le significative contraddizioni. Per gli slavofili, la polarità Russia-Europa si concretizza in due modelli di vita diversi. Dostoevskij, al contrario, riprende le tensioni presenti nel rapporto tra Russia ed Europa, per esempio quello tra popolo e intelligencija, «verità di Cristo» e arbitrio individualistico, e le analizza con un impianto concettuale nuovo e originale. L'elemento «positivo» della concezione dostoevskojana è rappresentato dall'esperienza sociale e dalla capacità di avvertire, proprio per questo suo radicamento, «la frattura con il passato» e la crisi dell'epoca in cui vive. Nell'ambito di tale crisi vanno collocate le drammatiche vicende dell'«uomo del sottosuolo», dei Roskol'nikov e della famiglia Karamzov. Per tali ragioni, si può sostenere che Dostoevskij, tramite il confronto tra Europa e Russia e con la sua visione genialmente penetrante, riesce a individuare i conflitti fondamentali e le tensioni esistenziali dell'uomo contemporaneo, che hanno le radici nel passato e si proiettano nell'essenza problematica del futuro. Da qui deriva anche la diffusione della popolarità della sua opera, e tutto ciò a prescindere dagli aspetti riconducibili all'utopia sociale.

Keywords: Dostoevsky, opere di Dostoevsky, Europa, Russia, il destino della Russia.

For citation: Astuto G. Dostoevskij: La Russia e l'Europa. Alcune riflessioni sulle opere letterarie. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 6—30. DOI:10.17759/langt.2020070101 (In Russ.).

Introduzione

Il rapporto tra la Russia e l'Europa è un tema centrale nella riflessione dell'Ottocento. Con una sorprendente ricchezza culturale, gli intellettuali russi, sia sul versante politico che su quello letterario, si sono interrogati sulla natura del loro Paese, individuandone un percorso simile a quello dell'Europa o evidenziandone una identità “altra”, a volte “totalmente altra”, fondata su realtà spirituali e culturali sostanzialmente diverse.

Anche la storiografia ha scrutato la Russia, un paese immenso e atipico, portatore di una cultura affascinante, ma sempre legato ad una logica particolare, difficile da comprendere. Si ritiene, secondo le interpretazioni dominanti, che questo Paese da secoli abbia cercato la via di una completa europeizzazione, ma alla fine abbia seguito un percorso del tutto peculiare, molto spesso tragico ma mai insignificante. Il suo rapporto con l'Europa è stato costantemente duplice e ambivalente, di attrazione e di ripulsa, di omogeneità e di alterità. Da qui deriva la tesi che la Russia è al tempo stesso Europa e Anti-Europa, Paese cristiano e “scismatico”, romantico e

illuminista, progressista e conservatore.

Su questi temi ho studiato negli anni Ottanta e Novanta del secolo scorso, durante un periodo trascorso a Mosca come borsista del ministero degli Esteri italiano. Li riprendo dopo qualche decennio, sollecitato dai colleghi russi, che mi hanno coinvolto prima nel progetto di ricerca su Dostoevskij e poi invitato a questo convegno. Nelle pagine seguenti, analizzo, tramite la lettura di alcune opere, le idee del romanziere sul rapporto Russia-Europa. L'obiettivo non è quello della ricostruzione integrale della visione del mondo dostevskijana e, tanto meno, della cosiddetta «substruttura filosofica» presente nel complesso del percorso letterario.

Lo storico, che assume le «visioni del mondo» come principio della «storia delle idee», deve cogliere lo specifico moto ideale nelle sue interne connessioni e individuarne l'inevitabile rapporto dialettico tra forma, contenuto e sostanza sociale. Con tale approccio, cerco di capire le modalità di espressione delle concezioni di Dostoevskij che, per il tramite della «vivente fantasia», traducono i rapporti reali in sistemi di segni artistici, con le inevitabili strutture problematiche interne e le significative contraddizioni.

Per gli slavofili, la polarità Russia-Europa si concretizza in due modelli di vita diversi. Dostoevskij, al contrario, riprende le tensioni presenti nel rapporto tra Russia ed Europa, per esempio quello tra popolo e intelligencija, «verità di Cristo» e arbitrio individualistico, e le analizza con un impianto concettuale nuovo e originale. L'elemento «positivo» della concezione dostoevskojana è rappresentato dall'esperienza sociale e dalla capacità di avvertire, proprio per questo suo radicamento, «la frattura con il passato» e la crisi dell'epoca in cui vive.

Rispetto agli slavofili, Dostoevskij non si racchiude solo nell'utopia ortodossa-popolare, ma cerca di capire la costellazione dei nuovi problemi e solleva un nuovo modo di vedere il mondo e porge interrogativi. Con la sua eccezionale sensibilità, lo scrittore coglie la crisi di tutti i valori tradizionali e la mancanza di nuove «idee unificatrici». «Il vincolo di un'idea che unisca gli uomini – dichiara uno dei protagonisti del romanzo *L'adolescente* [Podrostok] del 1875 – è scomparso completamente». Un altro personaggio della stessa opera, Andrej Versilov, osserva che, con la caduta del feudalesimo, il precedente legame di idee si è disgregato e ha prodotto l'affermazione dell'egoismo: «sono rimaste – afferma – solo le libere individualità».

Nell'ambito di tale crisi vanno collocate le drammatiche vicende dell'«uomo del sottosuolo», dei Roskol'nikov e della famiglia Karamzov. Per tali ragioni, si può sostenere che Dostoevskij, tramite il confronto tra Europa e Russia e con la sua visione genialmente penetrante, riesce a individuare i conflitti fondamentali e le tensioni esistenziali dell'uomo contemporaneo, che hanno le radici nel passato e si proiettano nell'essenza problematica del futuro. Da qui deriva anche la diffusione della popolarità della sua opera, e tutto ciò a prescindere dagli aspetti riconducibili all'utopia sociale.

Naturalmente, le riflessioni contenute in questo contributo sono provvisorie e richiedono ancora approfondimenti e verifiche. Le mie sono delle ipotesi, forse premature, che non hanno la pretesa di fornire delle risposte definitive. Allo storico importa, però, enunciare i problemi piuttosto che cercare di risolverli. Se alla fine, le ipotesi formulate risulteranno errate, come ha affermato Marc Bloc, potrò dire anch'io che «mi stimerò pienamente ripagato dalle mie fatiche».

1. *«Umiliati e offesi» e «Una storia sconveniente». Il tempo delle speranze e la crisi delle riforme*

Agli inizi degli anni Sessanta dell'Ottocento, la Russia si avvia verso il cambiamento, che

culmina il 18 febbraio 1861 nell'agognata liberazione dei contadini dal servaggio, voluta dal giovane zar Alessandro II. Si apre il tempo delle speranze, dell'allentamento della censura e della timida apparizione di nuovi strati sociali, orientati a far sentire la loro voce e a sollevare i problemi dell'ammodernamento del Paese. I sommovimenti si manifestano con la rovina economica delle tenute nobiliari in seguito all'abolizione della legge sul servaggio, con le modifiche del sistema giudiziario e con la legislazione sull'amministrazione locale, che prevede l'istituzione degli *zemstva* [Assemblee locali] e la partecipazione ai nuovi organismi di tutti i ceti. Si percepiscono anche la confusione e l'ambiguità del fervore riformatore, nato da una grande catastrofe nazionale (la disfatta di Crimea) e da un vuoto di potere interno (la rovina economica della nobiltà, ma anche dei contadini incapaci di fronteggiare le spese per il riscatto).

Tornato dall'esilio e sbarcato a San Pietroburgo nel dicembre 1859, Dostoevskij condivide la speranza nel rinnovamento sociale e partecipa al dibattito contemporaneo. Con il fratello Michail, fonda la rivista «Vremja» [Il Tempo], edita a partire dal gennaio 1861, che diventa l'organo di un gruppo di intellettuali, i cosiddetti *počvenniki* (sostenitori del «ritorno al suolo»), favorevoli alle riforme, ma lontani dalle posizioni radicali. Il programma, apparso ai contemporanei eclettico e generico, si incentra sull'unione fra *intelligencija* e popolo, occidentalismo e slavofilismo, Europa e Russia. Si cerca, insomma, una sintesi fra dinamismo conservatore e preservazione di istituti sociali antichi con potenzialità ancora inesprese.

La rivista «Vremja» inizia la sua attività, dedicando attenzione alle istituzioni e ai fenomeni tipici della storia russa, come il *Raskol'*, lo Scisma del secolo XVII, ancora fortemente avversato dagli ambienti governativi. Dostoevskij lo considera una ricchezza e la prova della capacità del popolo russo di creare una cultura originale e indipendente. «Il ritorno al suolo natio», altro tema della rivista, prevede l'avvicinamento del popolo e del ceto medio nell'ambito del nuovo quadro politico caratterizzato dalla partecipazione alla vita civile di milioni di contadini liberati dal servaggio. Questo processo assume tratti originali in Russia per l'assenza di conflitti tra i ceti, come era avvenuto in Occidente, e per la manifestazione di forme solidaristiche volte al rafforzamento della coesione sociale.

Ben presto, però, la liberazione dei contadini, senza terra e con il peso del pesante riscatto, provoca forti delusioni. Tra le fila dei *počvenniki* si percepisce che la riforma non contribuisce alla realizzazione dell'ideale di *soglasie* [armonia] e alle nuove forme di convivenza e cultura fondata sulla *narodnost'* [lo spirito popolare]. Già nell'estate del 1861, «Vremja» comincia a battersi per l'adozione di provvedimenti più concreti, quali l'alfabetizzazione, l'eliminazione delle barriere di ceto e l'educazione morale del popolo. Sul fronte letterario, Dostoevskij dimostra un particolare attivismo. Difende Aleksandr Puškin e le sue *Notti egiziane* e promuove traduzioni, come nel caso dei *Racconti* di Edgar Poe o *Notre Dame de Paris* di Victor Hugo. Questa pubblicazione si presenta opportuna a seguito del recente successo de *Les Misérables*. I fratelli Dostoevskij, con la loro febbrile attività, aumentano così in modo considerevole il numero degli abbonati alla rivista.

Nel 1861 «Vremja» pubblica il romanzo *Umiliati e offesi* [Unizennye i oskorblennye], accolto molto freddamente dalla critica, nel quale Dostoevskij descrive, con un aspro realismo, gli aspetti peggiori dell'animo umano, proiettandoci nella miseria e nella corruzione. Fra le pagine emerge anche una buona dose di autobiografismo nella figura del personaggio narratore, Vanja, scrittore che insegue un racconto da consegnare entro le scadenze editoriali. Si può sostenere che l'opera si muove su diversi registri, strettamente legati ai problemi degli anni Sessanta.

Il primo riguarda la severa critica nei confronti della nobiltà russa, avida e in crisi. Il principe Valkonsky assomma i caratteri di questa classe sociale che costituisce un anello

fondamentale nell'organizzazione sociale dell'autocrazia zarista. Apparentemente, favorisce il matrimonio del figlio Alëša con la povera Nataša, nei fatti ha mire economiche più ambiziose e vuole sposarlo con la ricca e nobile Katia. Tutti devono pagare il prezzo dell'arroganza del nobile Valkonsky: Nataša, ferita nei sentimenti; Alëša, forzato a un matrimonio d'interesse.

A questo punto, entra in scena Elena, che si trova con il vecchio visto morire sulla strada da Vanja (Dostoevskij) all'inizio del romanzo. La sua storia è tragica. La madre, appartenente a una famiglia facoltosa, ha sposato un mascalzone, che si impossessa di tutte le ricchezze e la abbandona sola con Elena. I genitori, precipitati nella miseria più nera, maledicono la figlia che, in cerca di aiuto, è tornata in patria. Il padre la misconosce e si rifiuta di incontrarla. Alla morte della madre, affetta da malattia tubercolare, Elena è presa in carico da una *maitresse*, che la vuole sfruttare come giovane prostituta. Con l'aiuto di un vecchio compagno di scuola, Vanja riesce a sottrarre la bambina e a tenerla a casa, nell'attesa di trovarle una sistemazione più adeguata e di fare luce sul suo passato. Entrata nell'ambiente familiare di Nataša, Elena, che si sta innamorando di Vanja, diventa gelosa. La situazione ha fine quando le due donne diventano amiche.

Il racconto si svolge tra donne oltreggiate e cadute nella vergogna e tra orgogli irriducibili che si macerano nella disperazione. Traspare la sofferenza, fisica e morale, che però lascia un messaggio finale positivo. La storia di Nataša, di Elena e di sua madre ci proiettano in un mondo di donne umiliate dalle costrizioni maschili. La madre di Elena non ha ricevuto il perdono del padre, il quale muore consumato dal dolore. Elena trova in Vanja un punto di riferimento per costruirsi una vita normale. Nataša decide di vivere liberamente la propria relazione d'amore. In tal modo, Dostoevskij dimostra che, se l'uomo antepone i sentimenti alla buona nomea e all'orgoglio, riesce a non essere distrutto dalle umiliazioni e dalle offese della vita. Sono, questi, temi che toccano la questione femminile in voga negli anni Cinquanta e Sessanta dell'Ottocento, sui quali lo scrittore è intervenuto con un articolo polemico proprio su «Vremja».

L'ultimo elemento da considerare riguarda l'autobiografia romanzata. Si tratta di un genere letterario tipico della prosa russa degli anni Cinquanta, che si è concretizzata nella trilogia *Infanzia, Adolescenza e Giovinezza*, e nei *Racconti di Sebastopoli* di Lev Tolstoj e nella *Cronaca* di Sergej Aksakov. Dostoevskij, andando oltre il racconto dell'esperienza personale, pone l'accento su tematiche oggettive, quali la diseguaglianza sociale, e da queste si muove per l'analisi delle questioni maledette che angustiano il cuore degli uomini. La letterarietà, semmai, contribuisce a rafforzare le condizioni sociali indagate e denunciate. Non a caso si ritiene che le opere dostoevskiane si muovano entro la polarità di letteratura e società. Collocato entro questa polarità, il romanzo è accolto con favore dagli influenti critici progressisti.

In quel periodo di grandi speranze, suscitate dalle riforme annunciate, non si delineano le polarità che si acuiranno nel decennio successivo. Dostoevskij è ancora legato agli ideali della sua gioventù, ma comincia a metterli in discussione. A metà del 1862, il quadro politico registra un arretramento a seguito degli attentati dinamitardi a Pietroburgo e di alcune rivolte contadine. Il governo zarista reagisce con l'adozione di forme restrittive sulla libertà di stampa, con la chiusura della rivista «Sovremennik» [Il Contemporaneo] e poi di «Vremja», che pur da posizioni moderate continua a difendere la libertà di stampa e la trasparenza. Dostoevskij comincia diffidare sull'impianto riformatore e, soprattutto, sulla sua gestione affidata al ceto dei burocrati.

Il romanzo *Una storia sconveniente* [Skvernyj anekdot], pubblicato nel novembre 1862, va collocato in questo contesto. La storia inizia con un amabile consesso di tre alti funzionari che disquisiscono sulle riforme imminenti. Il generale Ivan Il'ič Pralinskij si ritiene un uomo progressista e auspica un rapporto umano con i sottoposti. Le sue teorie non sono viste di buon

occhio dagli altri due, così Ivan Ilič lascia l'abitazione. Durante il ritorno, per l'allontanamento momentaneo del cocchiere, decide di partecipare ai festeggiamenti del matrimonio di un suo impiegato, a conferma delle sue formulazioni teoriche.

Questa scelta, imprevista e inopportuna, aggravata dall'ubriacatura (ha bevuto della vodka durante il precedente incontro), lo mette in una situazione sconveniente (*skvernyj*). La sbornia e il disarticolato discorso espongono Pralinskij al ludibrio dei convitati, che smascherano le sue vere intenzioni sulla realizzazione delle riforme. Da qui derivano inconvenienti e incomprensioni. L'astemio generale, già brillo, accetta senza indugio bicchieri di champagne e vodka e, addormentatosi improvvisamente a causa dell'alcool, è addirittura messo a letto, quello nuziale.

Tramite il ricorso alla satira, Dostoevskij non intravede uno sfondo ideale capace di tenere uniti i ceti, in contrapposizione alle sue concezioni progressiste degli anni Quaranta. Non nutre più la speranza di rinnovamento che ha preceduto e seguito le riforme. Qualche mese prima della pubblicazione del romanzo, nel suo secondo numero, «Vremja» pubblica un articolo dal titolo *Due campi di teorici* [Dva polja teoretikov] Dostoevskij polemizza sia con «Il Sovremennik», la rivista dei democratici radicali, sia contro «Den [Il Giorno]», organo degli slavofili. Entrambi sono accusati di avere teorie astratte nei confronti del popolo: «Se il popolo non ci capisce quando gli capitiamo davanti in guanti scamosciati dandogli del “Voi”, naturalmente è tutta colpa nostra [...]. Certo, questo fenomeno viene dal fatto che siamo separati dal popolo, che la storia ha scavato un abisso tra noi ed esso».

2. «Note invernali su impressioni estive». L'Europa fuori la Russia

Il rapporto con il popolo, come quello con l'Europa, è uno dei temi portanti nelle opere di Dostoevskij. Esasperato dalla chiusura della rivista, il romanziere decide di recarsi a Parigi per incontrare una giovane femminista che lo ammira, Apollinarija Suslova. Successivamente va con lei a Baden-Baden, dove alla roulette perde 3.000 franchi e, poi, a Ginevra gioca il restante denaro. Per la visita in Italia, deve impegnare l'orologio. Durante il ritorno è previsto un soggiorno a Berlino, dove Dostoevskij continua a giocare per il recupero delle perdite. La Suslova allora lo lascia e torna a Parigi, da dove gli spedisce una somma che gli consentirà di prendere un treno per Pietroburgo. Rientrato in patria, Dostoevskij scrive e poi pubblica, *Note invernali su impressioni estive* [Zimnie zametki o letnich vpečatatenjach], apparso nel 1863 nella rivista «Vremja».

In due mesi e mezzo nell'estate precedente, quasi a «volo di uccello», il romanziere ha visitato un impressionante numero di città tra Germania, Austria, Svizzera, Italia, Francia e Inghilterra. In realtà, l'impianto riprende la letteratura di viaggio, che Dostoevskij conosce molto bene (da Denis Fonvizin a Nikolaj Karamzin e ad Aleksandr Herzen). Al centro dell'attenzione del narratore sta la riflessione sul confine che sta attraversando e sulla patria che sta per lasciare. Dostoevskij sembra partire non dalla realtà immediata, bensì dalla rielaborazione letteraria.

Le note, a cavallo tra il là e il qui, tra l'estate e l'inverno, tra l'esperienza e la sua concettualizzazione, mettono in secondo piano ogni interesse turistico. Dostoevskij si vanta di non avere visitato a Londra St. Paul, perché lo interessa Pentonville, la prigione di Sua Maestà, un carcere moderno, fondato sulla separazione dei detenuti in celle singole. Emerge soprattutto la questione della Russia e del suo futuro: «ma ormai – scrive Dostoevskij – voi starete già pensando che al posto di Parigi mi sono dedicato alla letteratura russa?».

Proprio questa gli serve per trattare il tema della sua grande utopia, quella di una fratellanza che, legando tutti gli strati della società, ha permesso a Puškin di capire il lato più oscuro dello

spirito popolare e di penetrare nell'anima di Pugačëv, «grazie a quel qualcosa forse di chimico che lega un uomo alla sua terra». La fratellanza dello scrittore non si fonda su un patto sociale e legale, non sulla condivisione razionale di un'idea. Essa è lontana dagli ideali della Rivoluzione francese e dalla conseguente società moderna europea, alla quale egli dedica pagine di critica severa.

Dostoevskij, con la descrizione del proletariato urbano dei quartieri di Londra e con il suo mondo oscuro e sotterraneo, fornisce un quadro fosco. Lo descrive come il «tenebroso scantinato» della degradazione sociale, la cui rappresentazione fornirà le immagini simboliche per il «sottosuolo» dell'anima e del cosmo. Anche Parigi è investita dalla critica sarcastica sulla pervasività dell'ex glorioso *Tiers état*, divenuto il meschino *bourgeois* che nutre soltanto un'autocompiaciuta idolatria per il dio denaro. Tramite la denuncia dell'ipocrisia, Dostoevskij evidenzia i limiti e le contraddizioni dei grandi ideali moderni. Quale libertà, si chiede Dostoevskij, è possibile senza denaro, senza cioè la garanzia di una vita dignitosa? Quale chimerica uguaglianza si trova nei tribunali, oltre ai proclami delle leggi? Quale liberazione femminile è possibile, se il matrimonio si fonda su un mercimonio e non è diverso dalla prostituzione, più o meno d'alto bordo. Quale religione, se le Chiese hanno ormai gettato la maschera, diventando scopertamente «religione per i ricchi»?

La fratellanza di Dostoevskij non ha niente in comune con gli ideali illuministici, ormai fatti propri dall'Europa. Essa ha qualcosa di istintivo e di prerazionale, basata sul superamento del culto della persona isolata, autosufficiente, dell'Io, che si autodetermina e si percepisce «come distinto principio autonomo, perfettamente pari ed equivalente a tutto ciò che c'è al di là di se stesso». Lo scrittore, quindi, concepisce un altro tipo di persona che, tramite il proprio sacrificio volontario e perfettamente consapevole, si apre alla comunità e agli interessi della società intera. Questa apertura, fragile e minacciata dalle tentazioni dell'utile, appartiene al popolo russo «per natura», nonostante le sue traversie e la sua rozzezza.

Dostoevskij, come gli slavofili, oppone all'arbitrio e alla protesta individuale, tipici della civiltà occidentale, l'ideale di un'autentica e fraterna comunità, conservata sia nell'ortodossia e nelle tradizioni del popolo russo. Nell'ambito di questa società, l'individuo non si pone contro la collettività, ma vi si consacra totalmente, senza esigere salvaguardie e senza lasciarsi guidare da alcun calcolo. A sua volta, la collettività non accetta uno spirito di sacrificio troppo spinto, assicurando all'individuo una libertà e una sicurezza, garantite ambedue dall'amore fraterno. Una tale comunità, sostiene Dostoevskij, non è possibile immaginarla, crearla:

«Occorre – scrive – che istintivamente si aspiri alla fratellanza, alla comunità [*obščina*], all'accordo [*soglasie*], e ci si aspiri a dispetto di tutte di tutte le secolari sofferenze di una nazione, a dispetto della barbara rozzezza e dell'ignoranza che si sono radicate nella nazione, a dispetto del secolare asservimento alle invasioni straniere. Occorre, in una parola, che l'esistenza di una comunità fraterna sgorghi dalla natura stessa dell'uomo, che sia un'esigenza innata o creata dai secoli».

Si può ritenere che Dostoevskij sia arrivato a queste conclusioni indipendentemente dagli slavofili, ma non si può non cogliere lo stretto legame esistente con l'ecumenismo [*sobornost'*] e con gli ideali di Aleksej Chomjakov. Non stupisce che essi appaiono, proprio mentre la rivista «Vremja» pubblica le parti finali degli *Memorie dalla Casa dei morti* [*Zapiski iz mër'tvogo doma*], una testimonianza diretta della vita di una colonia penale, nella quale sono descritti le condizioni dei detenuti e i loro delitti, ma si può anche cogliere la condanna nei confronti degli intellettuali per la loro separazione dal popolo ostile.

Durante i primi anni Sessanta, la Russia vive un periodo contraddittorio per ragioni sociali,

ma anche Dostoevskij non ha ancora definito le sue convizioni. Lo scrittore si trova in bilico tra la simpatia nei confronti dei socialisti, con i quali ha condiviso ideali, e la sfiducia nel progresso e nella possibilità di un rinnovamento sociale. Le sue oscillazioni si manifestano già durante il viaggio in Europa e, soprattutto, durante l'incontro con Herzen a Londra. Dostoevskij cerca di convincerlo all'abbandono della rivoluzione, insistendo sul superamento delle divisioni classiste e sull'armonia tra i ceti, presente all'interno del popolo russo. Herzen considera, perciò, lo scrittore un innamorato del popolo, un ingenuo, anche se tanto «caro».

Cominciano così a crollare gli orizzonti entro cui si è formata l'idea della realizzazione di un nuovo ordine non solo in Occidente ma anche in Russia. A questo punto, il risveglio dell'Oriente assopito deve proporre qualcosa di nuovo rispetto ai «passati lustri» della ragione e dell'esercizio del diritto per assicurare la convivenza civile. In questo contesto va collocata la svolta di Dostoevskij, che si concretizza in un ideale comunitario, individuabile nel vissuto popolare e nella mutua integrazione tra individuale e sociale.

3. «Memorie del sottosuolo». La confessione dell'anima

Più o meno alla stessa epoca delle *Note invernali su impressioni estive*, Dostoevskij pubblica *Zapiski iz podpol'ja* [Memorie del sottosuolo] (1864), un'opera che sembra cadere nel vuoto. In quest'opera egli rappresenta un individuo completamente asociale, privo di qualsiasi legame con la collettività e in rabbiosa protesta contro ogni forma di subordinazione. Il protagonista appare come «un uomo del XIX secolo svincolato dai principi correnti», che contrappone il proprio «io» al mondo obiettivo, si rifiuta di essere «un tasto di pianoforte» pronto a suonare le leggi di natura, intende la libertà come arbitrio e vede «non la vita, ma il principio della morte».

Su questa base, si può ritenere che le *Memorie* non pongano più alcun problema nuovo. Il loro eroe si limita ad essere l'illustrazione vivente delle funeste conseguenze dell'individualismo. Il dato più rilevante consiste nelle critiche, che esprimono il pensiero dell'autore, sulla futura società razionalizzata: «Signori, non sarebbe una buona cosa distruggere con un colpo solo tutta questa razionalità, darci un calcio, ridurla in polvere, perché vadano al diavolo tutti quei logaritmi e noi si possa di nuovo vivere con la nostra stupida volontà».

Dostoevskij quindi si esprime non con l'individualismo del suo eroe, come ha sostenuto qualche studioso, ma con la critica al razionalismo presente nella vita sociale che si manifesta come un denominatore comune sia al capitalismo che al socialismo. Secondo lo scrittore, l'uomo non è una creatura razionale e vive una società razionalizzata come qualcosa di esterno e di estraneo. Nelle condizioni di una tale società, priva di un legame autentico, metarazionale, la protesta irrazionale dell'«uomo del sottosuolo» è qualcosa di giustificato e legittimo.

Malgrado le somiglianze e le convergenze con gli slavofili, l'utopia «antioccidentale» di Dostoevskij si differenzia notevolmente. Gli slavofili, intrisi di spirito nobile e conservatore, non sarebbero stati capaci di guardare *ab interno* alla problematica dell'«uomo del sottosuolo». Dostoevskij può farlo in quanto individuo declassato, figlio di una «famiglia declassata» (*raznočinec*), proveniente dall'inquieto ambiente urbano, tra umiliazioni e ambizioni insoddisfatte. Non a caso lo sfondo di quasi tutte le sue opere è Pietroburgo, che si presenta come la città delle nebbie e delle notti bianche. Pervasiva di una vita febbrile e affannosa, essa diventa spesso simbolo di quelle forze che hanno fatto irruzione dall'Occidente e che hanno distrutto la quiete dell'antica «santa Rus'».

L'utopia di Dostoevskij si racchiude in sostanza nella protesta romantica contro la civiltà capitalistica. A differenza dell'anticapitalismo degli slavofili, che hanno coniugato posizioni conservatrici e populiste, il pensiero dostoevskiano concentra l'attenzione sulle contraddizioni, sulle nuove condizioni di vita, sugli individui rosi dall'ambizione che possono trovare alimento solo nella dissoluzione della gerarchia sociale costituita. Sotto questo aspetto, molte delle considerazioni di Dostoevskij sono ispirate non tanto dagli slavofili, ma dalle idee di Herzen. Alcune convergenze tra conservatori e socialisti nella critica al capitalismo sono in effetti una delle costanti dell'evoluzione del pensiero sociale del secolo XIX.

Le *Memorie del sottosuolo* occupano un posto centrale all'interno della produzione dello scrittore. Cronologicamente, precedono i grandi romanzi e concludono la fase delle opere preparatorie e introduttive. Ideologicamente, rappresentano la prima incursione nel campo della filosofia e l'elaborazione, chiara e consapevole, del tema dell'«uomo del sottosuolo», ripreso e presente in tutte le opere successive. A differenza delle *Note invernali*, nelle quali lo scrittore ha prospettato l'amore cristiano e la fratellanza universale come possibile fondamento per le relazioni sociali, qui prevalgono il rifiuto della razionalità, l'egoismo assoluto e la lenta entropia del «sottosuolo» che si protrarrà per il resto della vita del protagonista.

Dostoevskij, per il momento, non affronta la prospettiva della palingenesi mistica, una via di uscita dal vicolo cieco della modernità. La risposta necessita di una prospettiva sotterologica che possa sottrarre l'uomo al sottosuolo. La riflessione dello scrittore entra in una fase nuova, che troverà una prima risposta nel romanzo *Delitto e castigo*.

4. «Il coccodrillo». *L'Europa dentro la Russia*

Proprio in quel periodo Dostoevskij vive un momento terribile. Il 15 aprile muore la moglie, il 10 luglio il fratello Michail, poche settimane dopo l'amico e prezioso collaboratore Anton Grigor'ev. Il grave dissesto finanziario ereditato in seguito alla morte del fratello determinerà la chiusura della rivista. L'ultimo numero del 22 marzo 1865 il racconto satirico *Krokodril. Neobynovennoe sobytie* [Il coccodrillo. Un avvenimento straordinario]. Non si tratta ancora di nuove visioni del mondo, di una ben definita poetica e di concrete pratiche narrative. Il racconto affronta il tema della polemica politico-letteraria, facendo riferimento al capitale straniero che divora il protagonista.

Nel romanzo si racconta lo strano caso di Ivan Matveič, che a passeggio con la moglie Elena osserva uno splendido esemplare di coccodrillo, portato dal capitale straniero in Russia. L'amico che li accompagna, Timofej Semënovič, assiste all'ingestione di Ivan Matveič. Il panico si diffonde a partire dalla moglie che, a intermittenza, evoca l'unica soluzione percorribile «Squartatelo! Squartatelo!». D'altra parte, il proprietario dell'animale e qualche avventore, dando ormai per spacciato il povero Ivan, difendono la vita del coccodrillo: «il nostro compianto Ivan Matveič sarà già morto».

Con la sua caustica rappresentazione farsesca, Dostoevskij denuncia il carattere speculativo del neocapitalismo russo e l'origine straniera dei capitali investiti. Il povero *činovnik* [impiegato dello Stato] Matveič pensa ai risultati benefici «di attirare in patria capitali stranieri». Ad analoghe considerazioni perviene l'amico Timofej Semënovič, che non intende tirarlo fuori dal ventre dell'animale, perché, essendo il Paese impegnato ad attrarre capitali stranieri, «il capitale del coccodrillo si è appena raddoppiato grazie a Ivan Matveič, e noi, invece di proteggere il proprietario straniero, ci mettiamo a sbudellare il capitale base».

A un tratto la voce di Ivan irrompe nella galleria. Non solo il rispettabile signore è vivo, ma non ha alcuna intenzione di uscire dal coccodrillo. Su Ivan, che ha raggiunto la fama, si puntano i riflettori. Egli comincia a parlare sul bene dell'umanità, sull'utilità delle scienze naturali e sull'inutilità dell'arte e della letteratura. Propone nuovi sistemi sociali («una nuova teoria tutta mia sui rapporti economici») fino a sentirsi «un nuovo Fourier». Abbagliato dalla possibilità di una celebrità, stranamente ottenuta, Ivan dichiara senza indugio: «Ora che un coccodrillo mi ha inghiottito, sarò finalmente conosciuto! Forse il proprietario acconsentirà qualche volta a trasportare me e il coccodrillo nel salotto di casa mia dove sarò al centro dell'attenzione». «Dal coccodrillo usciranno ora verità e luce».

Niente corrisponde alla realtà. L'Europa si manifesta con le sembianze di un coccodrillo, i capitali stranieri, che dovrebbero favorire la capacità produttiva della Russia contro «il veleno» dell'*obščina* [comunità] e del comunitarismo. Tutto si riduce alla meschina avarizia del proprietario tedesco. Senza scomodare Freud, nel romanzo tutti ingoiano tutto e l'appetito diventa metafora di desideri profondi e di oscure paure. I personaggi principali (Ivan, la moglie Elena, l'amico Timofej) sono paritari ed estremamente soli nei loro drammi e nella loro piccolezza. Solo il coccodrillo è muto, personificazione assurda di una mentalità per la quale l'unico valore è essere al centro dell'attenzione. «E il coccodrillo? Più o meno contento anche lui, a parte qualche dolore di pancia, che gli faceva versare ogni tanto una lacrimuccia, ovviamente, di coccodrillo».

Dopo la pubblicazione, i contemporanei leggono *Il coccodrillo* come una parodia su Nikolaj Černyševskij, il principale esponente in quel periodo del populismo russo, che, arrestato tre anni prima, si trova nelle viscere della Fortezza di San Pietro e Paolo di San Pietroburgo. La passione di Matveič per le scienze naturali allude alle problematiche affrontate dal populista. Nel complesso, il racconto intende criticare le idee utilitaristiche sostenute dai radicali e dai fourieristi e il ruolo del capitale straniero nell'economia, pronto a sfruttare le risorse del Paese dopo i cambiamenti introdotti con l'abolizione del servaggio.

Lo stesso Dostoevskij, proprio in quel periodo, sta sprofondando nelle fauci del coccodrillo. Sotto il peso della crisi finanziaria, che investe l'Europa e la Russia, gli abbonamenti alle riviste si riducono notevolmente. Per tutto il 1864 e l'anno successivo, lo scrittore deve lottare con i creditori, cercando di salvare «Vremja» senza riuscirci. Essendo alla disperata ricerca di denaro, egli è costretto a firmare un contratto capestro con l'editore Fëdor Stellovskij, impegnandosi a consegnare un romanzo entro il 1° novembre 1866. In caso contrario, questi potrà pubblicare tutte le sue opere future senza pagare alcun compenso. Ha inizio l'avventura di Dostoevskij, intessuta di vagabondaggio attraverso l'Europa, di gioco d'azzardo, di cupe meditazioni e di intenso lavoro per soddisfare i creditori con le scadenze editoriali.

5. «Delitto e castigo» e «I demoni». L'Occidente e il libero arbitrio

Completamente assorbito dalla scrittura del primo grande romanzo, *Delitto e castigo*, Dostoevskij non ha che un mese a disposizione, l'ottobre del 1866, per creare un racconto di almeno dodici fogli a stampa e per evitare una vera e propria catastrofe economica. La situazione disperata lo spinge, su consiglio di un amico, ad assumere una stenografa, Anna Grigor'evna Snitkina, vent'anni appena. Anche grazie al prezioso contributo della giovane donna, Dostoevskij riesce a consegnare il racconto, *Il giocatore*, entro il 31 ottobre, termine ultimo fissato dal contratto capestro. Al centro di questo romanzo breve, o racconto lungo, costituendone di fatto la forza motrice, sta la passione che agita e domina tutti i personaggi russi, scaraventati qua e là per

l'Europa.

Principale vittima della passione è, naturalmente, il protagonista del racconto, nonché il narratore in prima persona, Aleksej Ivanovič. Nell'ebbrezza e nel rischio della roulette trova un surrogato del suicidio, frutto evidentemente di un profondo sentimento di insoddisfazione nei confronti di se stesso e di vergogna nei confronti della sua natura poetica, romantica. Aleksej conduce la sua nomade vita disincantata alla ricerca della vincita finale e di una impossibile risurrezione. Ritorna il tema della rigenerazione e della risurrezione, intravista tra le piaghe del Male nella *Casa morta*, ma qui inseguita su base volontaristica («Posso ritrovare in me l'uomo, finché non è ancora perduto!»), con l'unico risultato di volatizzarsi nel nulla. Siamo nell'orbita di *Prestuplenie e nakazanie* [Delitto e castigo].

Frattanto la riflessione dostoevskiana, anche in seguito al contatto con l'Europa e alla sua cultura, si arricchisce di nuovi elementi. Emerge, infatti, il problema dello «iato» tra intelligencija europeizzata e popolo ortodosso, del distacco dal suolo natio, che spinge gli «Europei russi» verso la tragica dialettica del libero arbitrio. Secondo Dostoevskij, l'Europa occidentale ha respinto la strada di Cristo, Dio-uomo, per scegliere quella Uomo-dio, cioè la deificazione dell'essere umano. Lo scrittore forse ha ripreso questa idea, ampiamente sviluppata in molte opere, dalla filosofia di Feuerbach, che egli ha studiato in gioventù quale membro del circolo di Petraševskij. Nel corso degli anni Sessanta, tale concezione subirà dei cambiamenti. La religione dell'Uomo-dio, infatti, si trasformerà nella religione dell'arbitrio individualistico, destinata a sfociare nell'omicidio, nel suicidio e nel dispotismo. Nell'ambito di questa triade si sviluppano in effetti i destini dei suoi principali «eroi dell'arbitrio».

La prima variante, l'omicidio, è raccontata con la più tragica potenza in *Delitto e castigo*, pubblicato nel 1866 e ambientato a San Pietroburgo. Il romanzo narra la storia dello studente Raskol'nikov, che cerca una via di uscita dalla miseria, anche per aiutare la madre e la sorella, che vivono poveramente in provincia. Le sue condizioni sociali e la convinzione di potere agire liberamente lo spingono all'uccisione di una vecchia usuraia presso la quale egli ha impegnato vari oggetti e che considera inutile per la società. Pur non avendolo programmato, egli uccide anche la sorella della vecchia, in quanto ha assistito al delitto.

Si tratta dell'omicidio in forma «pura», dell'omicidio come «esperimento». Raskol'nikov uccide la donna allo scopo di verificare se è «un pidocchio come tutti gli altri», oppure un vero, libero uomo, un Napoleone che ha il diritto di infrangere le leggi morali, un diritto che gli deriva dall'illimitata autonomia dell'«io». Questa teoria si configura come una variante russa della filosofia ultraindividualistica di Max Stirner che, nella sua opera *L'unico e la sua proprietà* [Otto Wigand, Leipzig 1844], non riconosce nessuna istituzione, nessuna autorità, superiore all'Uomo-dio. L'unico, l'egoista persegue la propria soddisfazione e non conosce morale, non conosce legge, non conosce modello all'infuori di se stesso: egli è appunto l'*unico*. E nulla gli è sacro: «l'egoista compie spietatamente la *profanazione* estrema».

Alla fine, grazie all'aiuto morale di Sonja, figlia di un ubriacone, Semën Zacharovič Marmeladov, e incontrata in una bettola, si consegnerà spontaneamente alla giustizia. Proprio grazie al fatto di essersi costituito, Raskol'nikov non è giustiziato, ma deve scontare una pena in Siberia. Il castigo di Raskol'nikov non è il campo di lavoro, ma il tormento che deve sopportare nel corso della vita successiva all'omicidio. Questo tormento si manifesta man mano che matura la convinzione di non essere un «superuomo». La vera sconfitta del protagonista, però, costituisce una sorta di «prova indiretta» per dimostrare che l'uomo non è Dio, non tutto gli è lecito e le norme etiche sono infrangibili.

Il personaggio positivo, come in altri romanzi di Dostoevskij, è Sof'ja, chiamata anche Sonja o Sonečka. Alla morte del padre, Raskol'nikov manifesta la sua generosità verso la poverissima famiglia. Sonja quindi lo cerca e lo va a ringraziare. Raskol'nikov prova un'attrazione nei suoi confronti a tal punto da confessarle il delitto. Sonja lo sostiene; lo incoraggia a diventare credente e a confessare. Raskol'nikov accetta i consigli quando ormai il colpevole è stato individuato in altre persone. Dopo la confessione, Sonja lo segue in Siberia, dove vive nella stessa città della prigione. Qui trova un'occupazione come sarta e si rende anche utile ai detenuti. Nello stesso tempo, Raskol'nikov comincia la sua rinascita spirituale, quando finalmente comprende e accetta di amarla.

La seconda versione dell'«arbitrio» assoluto è costituito dal suicidio nel romanzo *Besy* [I demoni], pubblicato in volume per la prima volta nel 1873. In *Delitto e castigo* Dostoevskij ha sviscerato il tema della libertà individuale e delle nefaste conseguenze che si possono cogliere nei pensieri estremizzati del protagonista, Raskol'nikov. Con *I demoni*, il romanziere allarga il suo orizzonte, aggiungendo una visione d'insieme della società russa del suo tempo. Il male del libero arbitrio diventa metastasi collettiva. Non si tratta più di capire perché un'individuo diventi un assassino, bensì perché interi gruppi di persone («diavoli, posseduti, spiriti maligni») possano giungere a soluzioni violente, non sempre per ragioni di disperazione e di necessità.

Chi sono *I demoni*? Nel romanzo se ne possono individuare diversi, ma bisogna parlare di almeno cinque persone che compongono l'organizzazione terroristica di cui si parla nel racconto. Il “vecchio” protagonista è Pëtr Verchovenskij che, come Sergej Nečaev, porta avanti i suoi propositi rivoluzionari, reclutando e organizzando uomini per raggiungere il proprio scopo. Il “nuovo” protagonista è Nikolaj Stavrogin (o Stavroghin), figura che incarna un'altra tipologia di giovane, odiata dall'autore. È un uomo immorale, enigmatico e indifferente a tutto, attorno al quale ruotano, come satelliti, tante vittime del suo oscuro fascino. Insomma, siamo in presenza di un “demone” disposto a travalicare tutto e tutti in nome di una futura e improbabile realizzazione di ideali utopici. Il terzo, Aleksej Kirillov, fa paura per altri motivi. È fautore del suicidio logico, dell'uomo che ama talmente tanto gli altri uomini che vorrebbe insegnare loro ad avere il coraggio di vivere senza il ricorso a un Dio. Il quarto è il filosofo Šigalëv, il più evoluto dei membri, ma con una fisionomia nera e inquietante, alla quale corrisponde una mente altrettanto tetra e perturbante (nei personaggi di Dostoevskij c'è sempre una perfetta corrispondenza psico-fisica). L'“ultimo” è Ivan Šatov, uno studente che ha maturato convinzioni sovversive, ma è intimamente in lotta con se stesso.

Il nichilista Verchovenskij, capo della banda, ha pensato di assassinare proprio Ivan Šatov, sospetto traditore della propria organizzazione terrorista. Questo omicidio trova la partecipazione, volente o nolente, dell'intero gruppo, in una sorta di solenne giuramento di fedeltà alla causa. L'originalità di questo atto estremo risiede non tanto nel gesto efferato, quanto nell'utilizzo di Aleksej Kirillov come colpevole consenziente dell'omicidio. Costui, estraneo ai fatti, è ingaggiato dalla cellula per la sua intenzione di suicidarsi. Il legame di Aleksej con Nikolaj Stavrogin è chiaro solo a loro due. Si erano conosciuti a Pietroburgo, e qui Kirillov aveva fatto da testimone di nozze a Stavrogin quando questi aveva deciso di sposarsi clandestinamente. Si pone poi al servizio dell'associazione di Verchovenskij senza farne parte. Kirillov si uccide, prestando la sua causa ad altro, per dimostrare l'idea che per tutta la vita lo ossessiona. Il suo deve essere un esperimento che gli consente di affermare la libertà in un mondo senza Dio. Sparandosi diventerebbe l'uomo-Dio. Kirillov prende la decisione di uccidersi perché affermerebbe così il suo libero arbitrio e si libererebbe di Dio, del quale – se esistesse – non sarebbe che una marionetta.

«Se Dio non esiste, – afferma il protagonista – allora io sono Dio. Se Dio esiste, tutto si compie secondo la sua volontà, e io non posso nulla senza il suo permesso. [...] Io non capisco: come può aver saputo l'ateo finora che non ci fosse Dio e non essersi ucciso subito? Capire che non c'è Dio e non capire nello stesso momento d'esser diventato tu stesso un dio è un'assurdità, perché se no ti uccideresti assolutamente da te.

[...] Io proclamerò l'arbitrio, sono obbligato a credere di non credere. Io comincerò, e finirò, e aprirò la porta. E salverò. Solo questo salverà tutti gli uomini e già nella seguente generazione li rigenererà fisicamente; poiché con l'aspetto fisico presente, per quanto ho pensato, l'uomo non può fare a meno di Dio in nessun modo. Per tre anni ho cercato l'attributo della mia divinità e l'ho trovato: l'attributo della mia divinità è l'Arbitrio! È tutto ciò, con cui io posso mostrare nel punto principale la rivolta e la mia nuova paurosa libertà. Poiché essa è assai paurosa. Io mi uccido per mostrare la rivolta e la mia paurosa libertà».

Kirillov vuole distruggere, in questo modo, il terrore della morte e liberare l'umanità da Dio. In realtà, il suicidio sarà utilizzato da un piccolo gruppo di persone per i loro scopi. Questo è il risultato, a livello soggettivo, dell'esperimento sul tema del libero arbitrio. Su scala sociale, il prodotto finale, secondo Dostoevskij, può essere il dispotismo, come esito estremo del socialismo. A teorizzarlo è Šigalëv, lo studioso «della struttura sociale della futura società», il quale, partendo dall'idea della libertà illimitata, approda al dispotismo illimitato. Lo šigaliovismo si fonda sull'eliminazione totale dell'educazione e dell'istruzione, e sulla riduzione in schiavitù dell'intera società.

Questa visione dispotica degli equilibri sociali presuppone la divisione degli uomini in due parti. Una parte, il dieci per cento, possiede il potere illimitato, mentre il restante 90 per cento perde la personalità, ma raggiunge «la innocenza primigenia, qualcosa come un paradiso terrestre, con questa differenza che devono lavorare». In tal modo, si afferma un'assoluta uguaglianza che non assicura nemmeno la valorizzazione del talento: «A Cicerone si taglia la lingua, a Copernico si cavano gli occhi. Shakespeare viene lapidato, questo è lo scigaliovismo! Gli schiavi devono essere uguali: senza dispotismo non c'è ancora stata né libertà, né uguaglianza, ma nel gregge deve esserci uguaglianza, questo è lo scigaliovismo!».

A queste concezioni Dostoevskij-scrittore contrappone l'idea del ritorno al popolo e al «suolo natio», che ormai fa parte integrante delle sue concezioni, e la missione universale del popolo russo. Il suo messianismo traspare dalla figura di Šatov, il quarto protagonista del romanzo *I demoni*. Proteso alla realizzazione dei piani di distruzione della società del gruppo di Pëtr, il giovane continua ad esser combattuto. Sostiene di avere trovato la fede in Dio e di essere un fervente credente nella grande missione assegnata al popolo russo. Proprio per questo approdo, al centro del romanzo sta il suo assassinio. Il gruppo terroristico, temendo la denuncia dello studente, un tempo fedele alla causa rivoluzionaria, lo uccide.

Assai contrastata, è la religiosità contrastata di Šatov, il quale è forse l'unico eroe positivo del romanzo. Lo studente, in realtà, non crede in Dio, come è costretto ad ammettere in un serrato dialogo con Stavroghin, bensì nel popolo, che egli innalza al livello di Dio:

«Chi non ha popolo, non ha nemmeno Dio! Sappiate bene che tutti coloro che cessano di capire il proprio popolo e perdono il contatto con esso, perdono subito, nella stessa misura, anche la fede dei loro padri, e diventano o atei o indifferenti [...]. Il popolo è il corpo di Dio. Ogni popolo è popolo solo finché possiede il suo Dio particolare, e tutti gli altri Dei li esclude senza nessun compromesso [...]. Un popolo veramente grande [...] se perde questa fede già non è più un popolo. Ma la verità è una sola e, per conseguenza, uno solo fra i popoli può avere il vero Dio, anche se

gli altri popoli abbiano i loro Dei particolari e grandi. Il solo popolo “portatore di Dio” è il popolo russo».

La fede di Šatov è strettamente legata alla fiducia nel proprio popolo, portatore dell'autentico e puro messaggio cristiano. Per il giovane non è possibile scindere principio nazionale e fede, due concetti strettamente legati. Chi nega l'uno nega automaticamente l'altro. Si intravedono i tratti del messianismo russo, chiamato a svolgere una grande missione di fratellanza universale e di salvezza spirituale nel mondo. Dostoevskij, negli anni successivi, svilupperà questa concezione, evidenziando la possibile vocazione rinnovatrice del popolo russo all'interno della fede ortodossa, in contrapposizione al cattolicesimo e al protestantesimo, nella direzione di una “comprensione universale”.

A questa concezione, proprio in quegli anni, si oppone una critica eccezionalmente aspra e velenosa dell'intelligencija «sradicata» dal paese natio. Dostoevskij condanna il suo ateismo, che è in funzione del distacco dalla mentalità e dai costumi del popolo. «Lei è ateo – dice Šatov a Stravogin – perché è un “giovin signore”, l'ultimo “giovin signore”. Lei ha perso la capacità di distinguere il bene e il male, perché ha smesso di riconoscere il suo popolo». Anzi, lo scrittore collega questo atteggiamento all'origine sociale: «Si procuri Dio con il lavoro. Sta tutto qui. Oppure scomparirà come una vile muffa», dichiara Šatov. «Dio con il lavoro? Con quale lavoro?» domanda Stravogin. «Con quello del contadino», suona la risposta.

L'ideologia di Šatov-Dostoevskij appare allo stesso tempo nazionalista e antiintellettuale. Le idee espresse nei *Demoni* riflettono una visione parziale, condizionata dall'impressione immediata del processo Nečaev. Qualche anno dopo, questi temi saranno sviluppati e precisati, collegandoli al rapporto tra Russia ed Europa e prospettando qualche esperimento di conciliazione.

6. «L'adolescente». Quale via per il destino della Russia?

Prima della pubblicazione de *I demoni*, Dostoevskij ha già terminato a Firenze nel 1868 la scrittura de *L'idiota*. Egli si trova qui in compagnia della sua seconda moglie, la stenografa Anna Grigor'evna Snitkina, per sfuggire ai creditori. È uno dei periodi più bui della vita dello scrittore, tormentato dalla miseria, dal vizio del gioco e dall'epilessia. *L'idiota* si fonda su un'idea, «difficile e seducente», che consiste nella rappresentazione di «una natura pienamente bella», alla quale Dostoevskij si aggrappa, come ci si aggrappa a un salvagente durante un naufragio per non affogare. L'incarnazione di questa idea si trova nel principe Myškin, la «natura umana pienamente bella», che richiama la figura di Arkadij Dolgorukij de *L'adolescente* e di Alëša, de *I fratelli Karamazov*.

Dopo la pubblicazione di questi romanzi, Dostoevskij raggiunge una certa tranquillità economica. Rinuncia una volta per tutte al vizio del gioco e torna a San Pietroburgo, dove stringe amicizia con Konstantin Pobedonoscev, uno degli intellettuali più influenti e più conservatori di Russia. Nello stesso tempo, il principe Vladimir Meščerkij lo chiama ad assumere la direzione della rivista conservatrice «Gračdanin» [Il cittadino], dove inizia la pubblicazione fin dal 1873 della rubrica *Il Diario di uno scrittore*. In quegli anni Dostoevskij diventa anche amico del filosofo Vladimir Solov'ëv e inizia la stesura del romanzo *L'adolescente*.

Protagonista del romanzo è il giovane Arkadij Dolgorukij, figlio illegittimo di Andrej Versilov e della umile Sofia Andreevna. La donna, che vive in povertà, ha avuto dall'amante (il più delle volte assente) due figli, Arkadij e Liza. Quest'ultima ha sempre vissuto con la mamma, mentre Arkadij è stato messo in una pensione. Cosciente dell'abbandono, Arkadij medita una

rivincita che gli sembra realizzabile solo con l'isolamento e il potere. Appena diciannovenne, quando inizia la narrazione, è una coscienza in divenire, proprio come sarà Alëša Karamazov.

Ambedue presentano tratti comuni. Alëša oscilla tra lo *starec* [il monaco] Zosima, incarnazione del messaggio cristiano, e il fratello Ivan Karamazov, illustre esponente del sottosuolo. Arkadij, invece, oscilla tra Makar, suo padre legale e portatore anch'egli del verbo di Cristo, e Versilov, suo padre naturale, malato di un astrattismo nocivo per se stesso e per gli altri. Durante il suo totale e commovente stato di abbandono, di solitudine, di esclusione, Arkadij ha maturato un'idea propria, messa a dura, durissima prova dagli eventi, dal disordine che agita il mondo. A Dostoevskij interessa descrivere lo sviluppo morale dell'adolescente, reso complicato e tortuoso dall'ambiente in cui vive.

Non mancano i suoi segnali di cedimento. Il più importante riguarda la disperata ammirazione del giovane Arkadij per Versilov, odiato e ammirato allo stesso tempo, al cui destino burrascoso egli si trova legato proprio per i sentimenti che prova. Versilov è protagonista tanto quanto Arkadij. Uomo elegante, arguto e sensuale, egli è tragicamente diviso tra la passione per la bella Katerina, ricca e nobile, e l'affetto compassionevole che gli ispira Sofia Andreevna. Non mancano in lui slanci nobili, virtuosi, di generosità e altruismo, ma prevale la predisposizione all'astrattismo, che rischia di condurlo più volte alla rovina. Versilov è un «uomo libresco», appartenente alla categoria degli «uomini di carta stampata» e con un approccio fondamentalmente astratto alla vita, dal quale scaturiscono spesso pensieri radicali ed estremi.

Sotto questo aspetto, Versilov è, sorprendentemente, vicino a Stavrogin, il funesto demiurgo de *I demoni*, un uomo tutt'altro che astratto, ma diabolicamente pratico. Entrambi i personaggi concepiscono lo stesso sogno, il sogno dell'età dell'oro: «la più inverosimile – così parla lo stesso protagonista – di tutte le fantasticherie che siano mai esistite, e tuttavia per essa gli uomini davano tutta la loro vita e tutte le loro forze, per essa morivano e venivano uccisi i profeti, senza di essa i popoli non vogliono vivere e non possono nemmeno morire!». Rispetto a Stavrogin, Versilov carica il suo sogno di implicazioni politiche ed ideologiche. Per tali ragioni egli si mostra parente di Stepan Trofimovič Verchovenskij, il nobile liberale ed occidentalista padre ideale dei demoni.

L'utopia di Versilov si rivolge al passato e si intravede in essa un'amara riflessione sugli eventi del 1870, prodotti dalla guerra franco-prussiana. I mutamenti sconvolgenti, con la Comune di Parigi e con l'incendio delle Tuileries, hanno acceso tutta l'Europa. Emerge il suo essere un «comunista parigino», come lo definisce sprezzantemente Nikolaj Semënovič. In realtà, Versilov si ritiene portatore della suprema idea russa, individuata nella «conciliazione generale delle idee». Non sarebbe neppure un messaggio negativo, distante dalla missione conciliatrice, appunto, veicolata dal vangelo, che Dostoevskij dona al popolo russo, ultimo baluardo degli insegnamenti di Cristo. Versilov, però, è avvelenato alla radice dagli influssi socialisti e da quel malsano astrattismo di cui è vittima, in quanto «uomo libresco». A tutto ciò bisogna aggiungere i tratti caratteriali intrinseci di superbia e di arroganza che lo spingono a inserirsi nel novero degli eletti chiamati a salvare la Russia:

«Con i secoli da noi si è creato un tipo superiore di uomo colto, mai visto altrove e che non esiste in tutto il resto del mondo: il tipo che prova sofferenza universale per tutti. È un tipo russo, ma siccome è preso nello strato culturale superiore del popolo russo, di conseguenza io ho l'onore di appartenergli. Esso serba in sé l'avvenire della Russia. Forse siamo solo un migliaio – forse più, forse meno – ma tutta la Russia sinora è vissuta solo per produrre questo migliaio. Diranno che è poco, s'indigneranno che per mille persone siano stati spesi tanti secoli e tanti milioni di gente.

Secondo me, non è посо».

Il protagonista, così, rifiuta la prospettiva di Dostoevskij che, dopo aver subito il fascino giovanile dell'occidentalismo e del socialismo, si è convinto che solo il popolo russo può salvare la Russia e l'Europa. Versilov, però, non è un personaggio completamente negativo, come Ivan Karamzov. Pur definendosi un «teista filosofico», egli confessa di non saper rinunciare a Cristo, di non potere fare a meno di Lui e di non poterlo immaginare «tra gli uomini divenuti orfani». «Egli veniva a loro, – sono le parole di Versilov – stendeva verso di loro le mani e diceva: “Come avete potuto dimenticarlo?”. E qui era come se una benda fosse caduta da tutti gli occhi e risuonava il grande inno solenne della nuova ed ultima resurrezione». Alla fine del romanzo, Versilov sfiora il delitto e sprofonda nella follia. Nikolaj Semënovič, l'ex precettore di Arkadij, così fotografa il suo carattere:

«È un nobile di antichissima discendenza e, nello stesso tempo, un comunista parigino. È un vero poeta e ama la Russia, ma in compenso anche la nega totalmente. È privo di ogni religione, ma è quasi pronto a morire per qualcosa d'indefinito, a cui non sa nemmeno dare un nome, ma in cui crede appassionatamente, sull'esempio di una quantità di civilizzatori europei russi del periodo pietroburghese della storia russa».

Versilov si sente un «civilizzatore russo», un Russo-Europeo, che appartiene a quei «mille vagabondi», per i quali Dostoevskij nutre simpatia. Questi, dopo essersi umiliati al cospetto della «verità popolare», potrebbero trovare la quiete tramite il superamento del dualismo interiore, prodotto dal distacco del suolo natio. Sotto questo aspetto, assume un significato simbolico la scena in cui Versilov spezza la vecchia icona del pellegrino Makar. Si tratta di un *esperimento* con il quale il padre di Arkadij vuole verificare se l'icona sbattuta contro l'angolo della stufa si spezzerà in due parti identiche. Di fronte alla riuscita, il viso di Versilov diventa «tutto rosso, quasi purpureo, e ogni piccolo tratto è scosso da tremito». «Sonia, – esclama Versilov – non prenderlo per un'allegoria [...]. Non ho voluto spezzare l'eredità di Makar (il primo marito, ormai morto), ma solo così per distruggere. In ogni caso ritornerò a te, ultimo angio! Del resto, se vuoi, puoi prenderlo come un'allegoria, in realtà si è trattato veramente di questo».

Il significato simbolico è trasparente. Versilov preannuncia il superamento del dualismo interiore e il ritorno al popolo per mezzo di Sonja, donna del popolo. Il loro matrimonio attesta la futura riconciliazione, l'unione tra l'intelligencija individualistica e il popolo, che un tempo essa ha abbandonato. Quel popolo, malgrado le tentazioni subite (la seduzione di Sonia da parte di Versilov), si è mantenuto fedele ai suoi ideali morali, conservando incontaminata, nella sua ortodossia, l'immagine del Cristo. Queste concezioni saranno sviluppate da Dostoevskij negli anni successivi, raggiungendo il punto più alto nel suo capolavoro *I fratelli Karamzov*.

7. «*I fratelli Karamzov*» e «*la Leggenda del Grande Inquisitore*». *Tra libertà e autorità*

Si può convenire che *I fratelli Karamzov* [Brat'ja Karamazovy], pubblicato sul «Russkij Vestnik» [*Il messaggero russo*] tra il 1879 e il 1880, sia di gran lunga il romanzo più articolato e complesso di Dostoevskij. Le vicende si svolgono a Skotoprignon'evsk nella seconda metà degli anni Sessanta. Il periodo storico non è una semplice cornice temporale. Proprio in quegli anni, il periodo post-riforme, si delinea una intensa riflessione sui destini della Russia, alla quale dedicherà tanta parte Dostoevskij negli ultimi anni della sua vita.

Nel romanzo si ricostruiscono le vicende della famiglia Karamzov, composta dal padre

Fëdor, proprietario terriero lussuoso e guidato dalla smodata ricerca del piacere e del denaro, e dai figli, avuti da varie mogli e lasciati a loro stessi. Dmitrij, libertino quanto il padre ma con un fondo di moralità a lui sconosciuto e incomprensibile, ne condivide la passione per una donna, Grušen'ka. Ivan, razionale e diviso tra la volontà di credere in Dio e il rifiuto della fede, è una figura tipicamente dostoevskiana di intellettuale tormentato. Alëša, il più giovane, è novizio in monastero e puro fino all'ingenuità, di cui Dostoevskij avrebbe voluto raccontare la vita in un futuro romanzo. C'è poi un quarto figlio Smerdjakov, epilettico e crudele, nato da una relazione illegittima di Fëdor con una demente e relegato al ruolo di servo. Con l'eccezione di Alëša, che in ogni caso non riesce ad amarlo, tutti odiano il padre.

Il racconto si apre con una lite furibonda per questioni di eredità tra Dmitrij e Fëdor e ha il proprio epicentro nell'omicidio di quest'ultimo per mano di Smerdjakov, che ha agito incoraggiato dai discorsi parricidi di Ivan. Tutti i fratelli, in qualche modo, sono colpevoli o corresponsabili della morte del padre. Dmitrij per averla desiderata, Alëša per non aver saputo, nella sua purezza, scorgere l'incombenza della tragedia, Ivan per essere stato il mandante indiretto dell'omicidio con le sue teorie sull'inesistenza di Dio e sul «tutto è permesso». I tre fratelli costituiscono dunque una sorta di «unità morale», una personalità collettiva, di cui ognuno rappresenta un aspetto: la passione, la ragione, l'amore cieco. Del delitto è accusato Dmitrij, che la notte dell'omicidio si era introdotto in casa di Fëdor con un pestello. Mentre inizia il processo, Smerdjakov, abbandonato da Ivan, si uccide.

Il processo di elaborazione della colpa, – uno dei temi centrali del romanzo – è molto diverso per ognuno dei fratelli. Ivan, ammalatosi di una specie di febbre cerebrale, capisce presto di essere il vero assassino, racconta ad Alëša, in uno dei capitoli più celebri della letteratura di tutti i tempi, una leggenda scritta di suo pugno: quella del Grande Inquisitore. Alëša, un mistico incapace di intervenire sul mondo, si innamora della giovane Liza, che lo accuserà di essere stato un vile per non avere saputo mettere un freno alla spirale di violenza. Infine, Dmitrij, conscio del proprio desiderio omicida, si fa carico della colpa di tutti e accetta la condanna ai lavori forzati, perché «noi tutti siamo colpevoli per tutti [...]. E io andrò là per tutti, perché bisogna pure che qualcuno vada là per tutti [...]. Noi saremo in catene, noi non avremo più la libertà, ma proprio allora, nel nostro grande dolore, rinasceremo alla gioia».

I temi principali sono la colpa, l'accettazione della sofferenza, la ricerca dell'amore universale, la libertà di scelta, l'esistenza di Dio. L'opera, definita un «grande romanzo polifonico», contiene la summa del pensiero dostoevskijano. Fondamentale per la sua comprensione è l'epigrafe tratta dal Vangelo di Giovanni: «In verità, in verità vi dico: se il chicco di grano che cade nella terra non morrà resterà solo; ma se morrà, darà molti frutti». Con ciò Dostoevskij allude alla grande trasformazione spirituale e morale che accompagna i tre fratelli, i quali, percorrendo vie diverse, arrivano alla rigenerazione e si avvicinano all'idea di un amore universale, che è alla base dei grandi romanzi dostoevskiani. Ecco le parole di Dmitrij:

«Noi siamo nature vaste, capaci di riunire in sé tutti i contrasti possibili e di contemplare contemporaneamente tutti e due gli abissi, l'abisso che è al di sopra di noi, cioè quello dei supremi ideali, e l'abisso che è sotto di noi, cioè quello della più abietta e più fetida degradazione. [...] Siamo vasti, vasti come la nostra amata madre Russia, noi mettiamo tutto insieme e conviviamo con tutto!».

Il racconto di Ivan al fratello Alëša, la *Leggenda del Grande Inquisitore* [Velikij Inkvizitor] rappresenta il vertice del pensiero di Dostoevskij. In modo più incisivo e analitico, il romanziere riprende e sviluppa la questione del libero arbitrio e il contrasto tra la libertà e l'autorità. Nella

Leggenda, Gesù riappare sulla terra a Siviglia ai tempi della Santa Inquisizione ed è imprigionato come eretico. Il Grande Inquisitore si reca da lui nella notte e lo apostrofa lungamente sul problema del valore della libertà per l'uomo. Alla libertà, dono terribile che Dio ha voluto fare agli uomini, il Grande Inquisitore oppone il miracolo, il mistero e l'autorità.

L'Inquisitore, nel suo ruolo salvifico, cela, dietro una immagine esangue, quasi a competere con le sofferenze del Cristo, la fredda determinazione dell'uomo di potere. Lo accusa di avere promesso «la libertà, che gli uomini nella loro semplicità non possono concepire», e «il pane celeste», inconciliabile con il pane terreno in abbondanza per tutti.

Tu non scendesti dalla croce quando per schernirti e provocarti Ti gridavano “Scendi dalla croce e crederemo che sei proprio Tu”. Non scendesti perché non volevi rendere schiavo l'uomo con un miracolo, perché avevi sete di una fede nata *dalla libertà e non dal miracolo*. Desideravi un amore libero, e non i servili entusiasmi dello schiavo al cospetto del potere che lo ha terrorizzato per sempre. Ma anche in questo caso hai avuto un'opinione troppo alta degli uomini: benché nati ribelli, essi sono schiavi. 34

[...] L'anima debole ha forse colpa se non è in grado di accogliere in sé doni così tremendi? O forse sei venuto davvero soltanto per gli eletti, dagli eletti? Se è così, si tratta di un mistero a noi incomprensibile. E se è un mistero, anche noi avevamo dunque il diritto di predicare il mistero e di insegnare agli uomini che non la libera decisione dei cuori né l'amore sono importanti, ma il mistero, a cui devono rassegnarsi ciecamente, anche contro la propria coscienza. Così abbiamo fatto. Noi abbiamo corretto la Tua opera, l'abbiamo basata *sul miracolo, sul mistero e sull'autorità*.

Da qui deriva l'insistenza sulla necessità di una correzione dell'opera divina, che sia più compassionevole nei confronti degli uomini deboli, i non eletti, quelli che non «hanno la forza di disprezzare il pane terreno per quello celeste», gli uomini schiacciati dal determinismo delle condizioni. Paradossalmente, il Grande Inquisitore denuncia una mancanza d'amore nel dono di questa terribile libertà. La salvezza, per essere davvero pietosa, deve riguardare tutti gli uomini, i forti e i deboli. L'ordine del mondo è troppo prezioso per metterlo a rischio con il ritorno delle parole del Cristo.

L'Inquisitore, in tal modo, svolge un ruolo apparentemente benigno, perché salva l'uomo dal pericolo ma, nel contempo, lo priva della libertà. «L'umanità – sostiene - va gestita come un gregge e noi questo lo sappiamo fare e tu non puoi disturbare questo nostro progetto. La tua possibilità l'hai avuta ora tocca a noi». Egli sa che l'uomo è una creatura fragile, e perciò lo affranca dal peso della libertà, dal fardello della propria coscienza e della responsabilità personale. Sostituisce la libertà con l'autorità, l'unità nella libertà con quella basata sulla costrizione.

Alla fine l'Inquisitore emana la condanna al rogo: «vedrai questo gregge obbediente, che al mio primo cenno si precipiterà ad attizzare i carboni ardenti». Arriva il colpo di scena. Cristo ha sempre ascoltato in silenzio, ma ora l'Inquisitore «vorrebbe che dicesse qualcosa, sia pure di amaro, di terribile». «Ma egli tutt'a un tratto si avvicina al vecchio in silenzio e lo bacia piano sulle esangui labbra novantenni». Cristo lo ha perdonato. Il bacio, però, non è un atto unilaterale. L'Inquisitore sussulta e le sue labbra hanno un tremito, a dimostrazione che tra i due avviene una comunicazione. Cristo è liberato, a patto che non ritorni mai più e non vada da dove è venuto, ma «per le buie vie della città», cioè in mezzo agli uomini.

Molto si è discusso e si discute sulla *Leggenda* e sul finale (da Romano Guarini a Nikolaj Berdjaev, a Vasilij Rozanov e a Gustavo Zagrebelsky). I temi affrontati, quali il rapporto tra fede e libertà di scelta, tra la responsabilità individuale e quella collettiva, tra giustizia, peccato e redenzione, non riguardano, secondo gli studiosi, la Russia ortodossa del secolo XIX, in cui si

svolge il dramma dei fratelli Karamzov, ma l'essere umano di ogni tempo e luogo.

Accanto alle tante e interessanti riflessioni della *Leggenda*, si può anche ipotizzare che, con il bacio di Cristo al Grande Inquisitore, si realizzi un accordo o, forse, un compromesso. Cristo è liberato a condizione di andare “per le vie oscure della città”, cioè di stare vicino al popolo e di stabilire un rapporto tra intelligencija, religione e popolo. In tal modo, secondo Dostoevskij, si potrebbe arrivare al superamento del conflitto tra libertà e autorità e alla vittoria morale del Dio-uomo sull'uomo-Dio. Su questi temi, assieme a quello del rapporto Russia-Europa, lo scrittore ritorna negli ultimi anni della sua vita, producendo le riflessioni apparse nel *Diario di uno scrittore*.

8. «*Diario di uno scrittore*».

L'appello alla conciliazione e alla fratellanza

Nel dicembre del 1872, Dostoevskij accetta la proposta del principe Meščerkij, editore e pubblicitista, di diventare direttore della rivista «Gračdanin» [Il cittadino]. Inizia così la rubrica *Diario di uno scrittore*, per la quale lo scrittore continua a impegnarsi dopo avere lasciato la direzione nel 1874. Il *Diario*, pubblicato mensilmente, esce con successo per tutto il 1876 e il 1877. Interrotto durante la stesura de *I fratelli Karamzov*, riprende nel fascicolo di agosto del 1880, mentre l'ultimo numero (8 gennaio 1881) esce il giorno dei funerali di Dostoevskij. «Un quaderno degli appunti», che per volere dello stesso autore saranno raccolti in volume.

Quest'opera coniuga svariate tecniche scritte, sulle quali ha molto insistito la storiografia. Ormai si ritiene che non si possa parlare di un'opera unitaria e trovare per essa una collocazione nel sistema dei generi. Non ha fondamento neanche il dilemma, sollevato già dai contemporanei, se il *Diario* rientri nell'attività giornalistica o nell'attività artistica. Sin dagli anni Sessanta nelle riviste di Dostoevskij sono apparsi articoli critici di letteratura e di politica e romanzi veri e propri. Va anche evidenziato che nelle oltre mille pagine, assieme ai fatti di cronaca, alle recensioni, ai racconti, si incontrano molte riflessioni sulla Russia e sul rapporto con l'Europa.

Parecchie delle idee di quegli anni, basate sulla teoria del *počvenničestvo*, non solo ritornano nel *Diario*, ma trovano un loro sviluppo. Pertanto, Dostoevskij introduce delle modifiche in ordine al suo atteggiamento di fronte all'Europa ma anche di fronte alla stessa Russia. Già nella rivista «Vremja», egli ha individuato la peculiarità del messianesimo che non respinge gli «dei stranieri», ma attribuisce al popolo russo il compito supremo di una riconciliazione universale: riconciliazione dell'Europa con la Russia, dell'intelligencija con il popolo. Nel 1877 le stesse idee sono così sviluppate nelle riflessioni del *Diario* dal titolo *Confessioni di uno slavofilo*:

«Oh se sapeste – così egli scrive nel 1877 – quanto è cara a noi, sognatori-slavofili, l'Europa, quella stessa Europa che, secondo voi, noi odiamo, quel “paese dei sacri prodigi”. Se sapeste come ci sono cari quei prodigi, quanto amiamo e onoriamo le grandi stirpi che la popolano, e tutte le loro grandi e splendide opere. [...] Ma voi, nostri europei e occidentalisti, avete amato tanto l'Europa come noi sognatori-slavofili che, secondo voi ne saremmo i secolari nemici! No, ci è caro questo paese e la futura pacifica vittoria del grande spirito cristiano, che si è conservato in Oriente [...]. Temiamo che l'Europa non ci capisca e come prima, come sempre, ci accolga con alterigia e disprezzo e con la sua spada, come barbari selvaggi, indegni di parlare davanti a lei».

Dostoevskij si ritiene «slavofilo sognatore», ma reagisce contro le accuse di slavofilismo formulate nei suoi confronti. Le parole utilizzate hanno una sfumatura ironica, tanto più che nel *Diario* i suoi giudizi negativi sugli slavofili si incontrano a piene mani: «Gli slavofili hanno una rara qualità di non riconoscere i propri e di non capire nulla della realtà contemporanea». La

contrapposizione tra slavofilismo e occidentalismo si incontra molto frequente, pur nell'ambito del programma del 1861 che per Dostoevskij mantiene sempre la sua attualità: «Che forse gli occidentalisti non hanno la stessa intuizione dello spirito e della nazionalità russa che hanno gli slavofili?». Con ciò, lo scrittore vuole evidenziare l'elemento paradossale che porta lo slavofilismo a non riconoscere i propri simili e a rompere con la realtà.

«In ogni caso, – scrive Dostoevskij – l'occidentalismo era sempre più reale dello slavofilismo e, nonostante tutti i suoi errori, tuttavia è andato più lontano, è rimasto in movimento, mentre lo slavofilismo non si è mosso di un un palmo e se n'è fatto vanto [...]. Noi, da parte nostra, affermiamo come un fatto, e crediamo fermamente che nell'odierno quasi universale ritorno al popolo, consapevole e inconsapevole, l'influenza degli slavofili ha avuto una parte molto scarsa, o magari non ne ha avuta alcuna».

Queste considerazioni mostrano l'eccezionale importanza del *Diario*, nel quale il contrasto tra Russia ed Europa ha un particolare posto, indispensabile per la comprensione del comportamento di diversi protagonisti dei romanzi dostoevskijani. Nella veste di giornalista, lo scrittore non si allontana dai temi degli anni Sessanta. Egli non può mutare radicalmente atteggiamento senza rinnegare quella fede nella Russia che gli dettano le parole del gennaio 1877, scritte nella sua rubrica con il titolo *Un sogno di conciliazione fuori della scienza*, e meritevoli di essere poste come epigrafe del *Diario*: «Ogni grande popolo crede e deve credere, se vuole restare a lungo in vita, che in lui, e soltanto in lui è racchiusa la salvezza del mondo e che vive per essere alla testa dei popoli, attrarli tutti a sé e portarli in un coro armonico, a uno scopo definitivo, a loro tutti predestinato».

Il *Diario*, quindi, offre molti elementi per la comprensione della personalità di Dostoevskij. Una sintesi delle sue ventennali meditazioni si trova nella famosa orazione su *Puškin*, pronunciata l'8 giugno 1880, in occasione dell'inaugurazione del monumento al poeta, a Mosca. In quel discorso, considerato unanimemente il suo testamento spirituale, Dostoevskij riprende e sviluppa l'idea di Apollon Grigor'ev su Puškin come espressione sintetica dello spirito russo e come fenomeno «profetico», che aveva indicato alla nazione la sua missione. Nell'interpretazione dostoevskiana, il grande poeta ha individuato in Aleko, protagonista dell'opera gli *Zingari*, quel tipo di «vagabondo infelice», che va a cercare presso gli accampamenti degli zingari e nel loro selvaggio modo di vivere «gli ideali universali e il riposo».

Lo stesso filo conduttore si trova in *Evgenij Onegin*. Il giovane *dandy* ozioso, «l'eterno vagabondo» disilluso dalla vita, trova nell'amore per Tat'jana, legata alle tradizioni spirituali natie e al popolo, la soluzione alla disperazione e ai dubbi. Puškin, nel confronto incessante tra i «vagabondi russi» e la «verità popolare», indica una soluzione: «Se ti vincerai e ti umilierai, diventerai libero, come non hai mai immaginato che si possa essere, e inizierai la grande opera di dare la libertà agli altri, e conoscerai la felicità, perché la tua vita si riempirà e tu comprenderai finalmente il tuo popolo e la tua santa verità». Tutta l'opera puškiniana appare a Dostoevskij come un confronto incessante tra i «vagabondi russi» e la «verità popolare», che presuppone la necessità di avvicinarsi al popolo.

Il «ritorno alla patria», però, non comporta la rinuncia a un ideale universalistico. Puškin è scrittore profondamente nazionale, ma capace di incarnarsi in una nazionalità straniera. Questa sensibilità egli la condivide con il popolo: essere un vero Russo equivale a diventare, come risultato ultimo, fratello di tutti gli uomini, uomo universale. Ne consegue che la divisione fra slavofili e occidentalisti è solo un equivoco, anche se un equivoco storicamente necessario e legittimo. Il senso riposto delle riforme di Pietro il Grande sta proprio in ciò, nell'allargamento

delle relazioni della Russia con i popoli europei. «Perché? – si chiede lo scrittore – cosa ha fatto politicamente la Russia durante tutti questi due secoli se non servire l'Europa, servirla, forse, meglio più di se stessa?».

Dostoevskij, nel suo discorso, ha scelto la via della pacificazione e cita gli avversari con cui da anni è in competizione (Turgenev, Nekrasov e anche Tolstoj). Come ai tempi di «Vremja», tenta di conciliare slavofili e occidentalisti, indicando in Puškin «un grande mistero» e un'eredità. Indica, quindi, la sintesi profetica tra patriottismo autoctono e apertura all'Europa.

«Sì, la missione dell'uomo russo è indubbiamente paneuropea e universale. Diventare un russo autentico, diventare pienamente russo, forse, significa solo diventare di tutti gli uomini, paneuropeo, se volete. [...] A un vero russo l'Europa e il destino di tutta la grande razza ariana stanno a cuore quanto la Russia stessa, quanto il destino del proprio paese, perché *il nostro destino è l'universalità, acquistata non con la spada, ma con la forza dell'aspirazione fraterna nell'unione di tutti gli uomini* [il corsivo è mio].

[...] I popoli d'Europa non lo sanno neppure, quanto essi ci sono cari! E più tardi, ne ho piena fede, noi, cioè coloro che verranno, i futuri russi, comprenderanno tutti, dal primo all'ultimo, che *diventare un vero russo significherà precisamente aspirare alla definitiva riconciliazione delle contraddizioni europee, mostrare la via di uscita alla tristezza europea*. L'animo russo, profondamente umano, saprà abbracciare con amore fraterno tutti i nostri fratelli e, alla fine, forse, dirà la definitiva parola della grande armonia universale, dell'accordo definitivo fraterno di tutte le razze, secondo la legge evangelica di Cristo!».

Dostoevskij, con questo discorso, sembra convinto che sia arrivato il momento della riconciliazione generale all'interno del Paese e tra la Russia e l'Europa sulla base della comune fratellanza. È, questa, un'utopia o una sfida, che resta ancora aperta, come tanti altri problemi sollevati da Dostoevskij nella sua opera letteraria.

Литература

1. Алое С. Италия в биографии Ф. М. Достоевского: Несколько вводных заметок по поводу архивных находок Валентины Супино [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2019. № 1. С. 3-9. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3801
2. Астутто Дж. Кавелин о происхождении Российской государственности [Электронный ресурс] // История философии. 2002. №9. С. 144-149. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH83e7f6990e02a9fd3b8c58> (дата обращения: 16.01.2020)
3. Астутто Дж., Дергачева И.В. По следам Ф.М. Достоевского во Флоренции [Электронный ресурс] // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 130-148. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4022
4. Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. 1962. М.: Государственное издательство художественной литературы. 512 с.
5. Дергачева И.В. «А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 4. С. 9–13. DOI:10.17759/langt.2018050402
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Крокодил. Необыкновенное событие или Пассаж в Пассаже, 1979. Л.: Наука. С. 180-207.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. Ответ «Русскому Вестнику», 1979. Л.: Наука. С. 91-104.
8. Захаров В.Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях»

- Достоевского [Электронный ресурс] // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 180-200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-hronotopa-v-zimnih-zametkah-o-letnih-vpечatleniyah-dostoevskogo> (дата обращения: 16.01.2020)
9. *Захаров В.Н.* Проблемы изучения Достоевского: Учеб. пособие по спецкурсу. 1978. П.: Изд-во ПГУ. 110 с.
  10. *Захаров В.Н.* Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. 1985. Л.: Изд-во ЛГУ. 209 с.
  11. *Захаров В.Н.* Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109-114. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=308&Itemid=52 (дата обращения: 16.01.2020)
  12. *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и Апокалипсис. 2009. М.: Фолио. С. 231.
  13. *Луначарский А.В.* О «многоголосности» Достоевского // Ф. М. Достоевский в русской критике. 1956. М.: Гослитиздат. 471 с.
  14. *Фокин П.Е.* К вопросу о генезисе "Дневника писателя" 1876-1877 гг. Ф.М. Достоевского: биографический аспект // Достоевский в конце XX века. 1996. М.: Классика плюс. С. 369-377.
  15. *Aloe S.* La "narodnost" come categoria fondamentale della concezione di F.M. Dostoevskij // Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore. 2012. N.: La scuola di Pitagora editrice. P. 109-116.
  16. *Bachtin M.* Dostoevskij. Poetica e stilistica. 1968. T.: Einaudi. 355 p.
  17. *Bazzanelli E.* Introduzione a M.F. Dostoevskij «L'adolescente». 2018. M.: Rizzoli. P. 7-32.
  18. *Bazzarelli E.* Introduzione a F. Dostoevskij // L'adolescente. 2011. M.: Rizzoli. P. 7-32.
  19. *Berdjaev N.* La concezione di Dostoevskij. 2002. T.: Einaudi. 179 p.
  20. *Carpi G.* Verso Roskol'nikov. Dostoevskij fra letteratura e politica 1856-1865. 2008. P.: Tipogtafia Editrice Pisana. P. 1-3.
  21. *Carpi G.* Verso Roskol'nikov. Dostoevskij tra letteratura e politica 1856-1865. 2008. P.: Tipogtafia Editrice Pisana. P. 181.
  22. *Carpi G.* Verso Roskol'nikov. Dostoevskij tra letteratura e politica 1856-1865. 2008. P.: Tipogtafia Editrice Pisana. P. 214-215.
  23. *Desroche H.* Dieux d'hommes. Dictionnaire des messianismes et millénarismes de l'ère chrétienne. 1969. M.: La Haye. 281 p.
  24. *Dostoevskij F.M.* Umiliati e offesi. 2013. M.: Rizzoli. 454 p.
  25. *Dostoevskij F.M.* Diario di uno scrittore: trad. Gatto E. Lo. 2017. M.: Bompiani. 1402 p.
  26. *Dostoevskij F.M.* Il Grande Inquisitore: trad. di Vitale S. 2019. M.: Salani editore. P. 33-36.
  27. *Dostoevskij F.M.* Lettere sulla creatività, traduzione e cura di Gianlorenzo Pacini. 1991. M.: Feltrinelli. P. 81-83.
  28. *Dostoevskij F.M.* Memorie del sottosuolo. 2014. T.: Einaudi. 179 p.
  29. *Dostoevskij M.F.* Note invernali su impressioni estive: trad. di Prina S. 2017. M.: Feltrinelli. 144 p.
  30. *Dostoevskij F.M.* I demoni. 2012. M.: Garzanti. 800 p.
  31. *Frank J.* Dostevsky. The Stir of Liberation, 1860-1865. 1980. P.: Princeton Univ. Press. 364 p.
  32. *Freitag S.* Exiles from European Revolution: Refugees in Mid-Victorian England. 2003. L.: Berghahan Books. 256 p.
  33. *Ghidini M.C.* Dostoevskij. 2017. R.: Salerno Editrice. 318 p.
  34. *Girard R.* Dostoevskij dal doppio all'unità. 2005. M.: SE. 114 p.

35. Givone S. Dostoevskij e la filosofia. 2006. R.-B.: Laterza. 169 p.
36. Guardini R. Il mondo religioso di Dostoevskij. 1951. B.: Morcelliana. P. 118-124.
37. Guariglia G. Il messianismo russo. 1956. R.: U. Studium. 186 p.
38. Jackson R.L. Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature. 1958. The H.: Moutoun and co. P. 14
39. Malcovati F. Introduzione a Dostoevskij. 1995. R.-B.: Laterza. 135 p.
40. Malcovati F. Introduzione a F.M. Dostevskij // Memorie del sottosuolo. 1992. M.: Garzanti. P. 25.
41. Masaryk T.G. La Russia e l'Europa. Studi sulle correnti spirituali in Russia: trad. E. Lo Gatto 1925. R.: Istituto Romano Orientale. 336 p.
42. Pacini G. Fëdor M. Dostoevskij. 2002. M.: Mondadori. 119 p.
43. Pareyson L. Dostoevskij. Filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. 1993. T.: Einaudi. 237 p.
44. Rozanov V. La Leggenda del Grande Inquisitore. 2008. G.: Marietti. 155 p.
45. Russo M. La dialettica della libertà in Nietzsche e Dostoevskij. 2014. S. PD: Il Prato. 104 p.
46. Sciacca E. La Russia e l'Europa nella concezione storica di B.N. Čičerin // L'Europa e le sue regioni. 1993. S.: Arnaldo Lombardi Editore. P. 36-62.;
47. Seton-Watson H. Storia dell'Impero russo (1801-1917). 1971. T.: Einaudi. 287 p.
48. Stirner M. L'unico e la sua proprietà. 2006. M.: Adelphi. 423 p.
49. Supino V. I soggiorni di Dostoevskij in Europa e la loro influenza sulla sua opera. 2016. F.: LoGisma. 136 p.
50. Zagrebelsky G. Liberi servi. Il Grande inquisitore e l'enigma del potere. 2015. T.: Einaudi. 312 p.

References

1. Aloe S. Italiya v biografii F. M. Dostoevskogo: Neskol'ko vvodnykh zametok po povodu arkhivnykh nakhodok Valentiny Supino [Italy in the Biography of F. M. Dostoevsky: Several Introductory Notes About the Archival Finds of Valentina Supino]. *Neizvestnyj Dostoevskij=Unknown Dostoevsky*, 2019, no. 1, pp. 3-9. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3801 (In Russ.).
2. Astuto G. Kavelin o proiskhozhdenii Rossijskoj gosudarstvennosti. *Istoriya filosofii=History of philosophy*, 2002, no. 9, pp. 144-149. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH83e7f6990e02a9fd3b8c58> (Accessed: 16.01.2020). (In Russ.).
3. Astuto G., Dergacheva I.V. Po sledam F.M. Dostoevskogo vo Florencii [In the Footsteps of Dostoevsky in Florence]. *Neizvestnyj Dostoevskij=Unknown Dostoevsky*, 2019, no. 2, pp. 130-148. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4022. (In Russ.).
4. Gus M. Idei i obrazy F. M. Dostoevskogo, 1962. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 512 p. (In Russ.).
5. Dergacheva I.V. «A mne Rossiya nuzhna...»: mysli F.M. Dostoevskogo o Rodine [“And I need Russia ...”: thoughts of F.M. Dostoevsky about the motherland]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 4, pp. 9–13. DOI:10.17759/langt.2018050402. (In Russ.).
6. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 5. Krokodil. Neobyknovennoe sobytie ili Passazh v Passazhe, 1979. Leningrad: Nauka, pp. 180-207. (In Russ.).
7. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 19. Otvet «Russkomu Vestniku», 1979. Leningrad: Nauka, pp. 91-104. (In Russ.).
8. Zakharov V.N. Poetika hronotopa v «Zimnih zametkah o letnih vpechatleniyah» Dostoevskogo

[The poetics of the chronotope in winter notes on summer impressions by dostoevsky]. *Problemy istoricheskoi poetiki=The problems of historical poetics*, 2013, no. 11, pp. 180-200. DOI: 10.15393/j9.art.2013.379. (In Russ.).

9. Zakharov V.N. Problemy izucheniya Dostoevskogo: Ucheb. posobie po speckursu, 1978, Petrograd: Publ. PGU, 110 p. (In Russ.).

10. Zakharov V.N. Sistema zhanrov Dostoevskogo: Tipologiya i poetika, 1985, Leningrad: Publ. LGU, 209 p. (In Russ.).

11. Zakharov V.N. Skol'ko budet dvazhdy dva, ili Neochevidnost' ochevidnogo v poetike Dostoevskogo. *Voprosy filosofii=Philosophy Issues*, 2011, no. 4, pp. 109-114. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=308&Itemid=52 (Accessed 15.01.2020). (In Russ.).

12. Karyakin Yu.F. Dostoevskii i Apokalipsis. 2009. Moscow: Folio, 231 p. (In Russ.).

13. Lunacharskii A.V. O «mnogogolosnosti» Dostoevskogo. *F. M. Dostoevskii v russkoi kritike*. 1956. Moscow: Goslitizdat, 471 p. (In Russ.).

14. Fokin P.E. K voprosu o genezise "Dnevnika pisatelya" 1876-1877 gg. F.M. Dostoevskogo: biograficheskii aspect. *Dostoevskii v kontse XX veka*. 1996. Moscow: Klassika plus, pp. 369-377. (In Russ.).

15. Aloe S. La "narodnost" come categoria fondamentale della concezione di F.M. Dostoevskij. *Su Fëdor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore*, 2012. Napoli: La scuola di Pitagora editrice, pp. 109-116.

16. Bachtin M. Dostoevskij. Poetica e stilistica, 1968. Torino: Einaudi, 355 p.

17. Bazzanelli E. Introduzione a M.F. Dostoevskij «L'adolescente», 2018. Milano: Rizzoli, pp. 7-32.

18. Bazzarelli E. Introduzione a F. Dostoevskij. *L'adolescente*, 2011. Milano: Rizzoli, pp. 7-32.

19. Berdjaev N. La concezione di Dostoevskij, 2002. Torino: Einaudi, 179 p.

20. Carpi G. Verso Roskol'nikov. Dostoevskij fra letteratura e politica 1856-1865, 2008. Pisa: Tipogtafia Editrice Pisana, pp. 1-3.

21. Carpi G. Verso Roskol'nikov. Dostoevskij tra letteratura e politica 1856-1865, 2008. Pisa: Tipogtafia Editrice Pisana, pp. 181.

22. Carpi G. Verso Roskol'nikov. Dostoevskij tra letteratura e politica 1856-1865, 2008. Pisa: Tipogtafia Editrice Pisana, pp. 214-215.

23. Desroche H. Dieux d'hommes. Dictionnaire des messianismes et millénarismes de l'ère chrétienne, 1969. Mouton: La Haye, 281 p.

24. Dostoevskij F.M. Umiliati e offesi, 2013. Milano: Rizzoli, 454 p.

25. Dostoevskij F.M. Diario di uno scrittore: trad. di Gatto E. Lo, 2017. Milano: Bompiani, 1402 p.

26. Dostoevskij F.M. Il Grande Inquisitore / Trad. di Vitale S, 2019. Milano: Salani editore, pp. 33-36.

27. Dostoevskij F.M. Lettere sulla creatività, traduzione e cura di Gianlorenzo Pacini, 1991. Milano: Feltrinelli, pp. 81-83.

28. Dostoevskij F.M. Memorie del sottosuolo, 2014. Torino: Einaudi, 179 p.

29. Dostoevskij M.F. Note invernali su impressioni estive: trad. di Prina S, 2017. Milano: Feltrinelli, 144 p.

30. Dostoevskij F.M. I demoni, 2012. Garzanti, Milano, 800 p.

31. Frank J. Dostevsky. The Stir of Liberation, 1860-1865, 1980. Princeton: Princeton Univ. Press,

364 p.

32. Freitag S. *Exiles from European Revolution: Refugees in Mid-Victorian England*, 2003. London: Berghahan Books, 256 p.
33. Ghidini M.C. *Dostoevskij*, 2017. Roma: Salerno Editrice, 318 p.
34. Girard R. *Dostoevskij dal doppio all'unità*, 2005. Milano: SE, 114 p.
35. Givone S. *Dostoevskij e la filosofia*, 2006. Roma-Bari: Laterza, 169 p.
36. Guardini R. *Il mondo religioso di Dostoevskij*, 1951. Brescia: Morcelliana, pp. 118-124.
37. Guariglia G. *Il messianismo russo*, 1956. Roma: U. Studium, 186 p.
38. Jackson R.L. *Dostoevsky's Underground Man in Russian Literature*, 1958. The Hague: Moutoun and co, pp. 14
39. Malcovati F. *Introduzione a Dostoevskij*, 1995. Roma-Bari: Laterza, 135 p.
40. Malcovati F. *Introduzione a F.M. Dostevskij. Memorie del sottosuolo*, 1992. Milano: Garzanti, pp. 25.
41. Masaryk T.G. *La Russia e l'Europa. Studi sulle correnti spirituali in Russia*: trad. di E. Lo Gatto, 1925. Roma: Istituto Romano Orientale, 336 p.
42. Pacini G. *Fëdor M. Dostoevskij*, 2002. Milano: Mondadori, 119 p.
43. Pareyson L. *Dostoevskij. Filosofia, romanzo ed esperienza religiosa*, 1993. Torino: Einaudi, 237 p.
44. Rozanov V. *La Leggenda del Grande Inquisitore*, 2008. Genova: Marietti, 155 p.
45. Russo M. *La dialettica della libertà in Nietzsche e Dostoevskij*, 2014. Saonara PD: Il Prato, 104 p.
46. Sciacca E. *La Russia e l'Europa nella concezione storica di B.N. Čičerin. L'Europa e le sue regioni*, 1993. Siracusa: Arnaldo Lombardi Editore, pp. 36-62.;
47. Seton-Watson H. *Storia dell'Impero russo (1801-1917)*, 1971. Torino: Einaudi, 287 p.
48. Stirner M. *L'unico e la sua proprietà*, 2006. Milano: Adelphi, 423 p.
49. Supino V. *I soggiorni di Dostoevskij in Europa e la loro influenza sulla sua opera*, 2016. Firenze: LoGisma, 136 p.
50. Zagrebelsky G. *Liberi servi. Il Grande inquisitore e l'enigma del potere*, 2015. Torino: Einaudi, 312 p.

Информация об авторах

Астутто Джузеппе, кандидат наук, профессор университета Катания, г.Катания, Итальянская Республика, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9848-5605>, e-mail: astuto@unict.it

Information about the authors

Astuto Giuseppe, Candidate of Sciences, Professor of University of Catania, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9848-5605>, e-mail: astuto@unict.it

Получена 05.03.2020

Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020

Accepted 13.03.2020

Поэтика и жанрово-стилистические особенности рутульских народных сказок

Махмудова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Рутулы – это один из древнейших народов - обитателей Кавказа, история, фольклор и культура которого не изучены в должной мере. Тем не менее, устное народное творчество, бережно передаваемое от одного поколения к другому, поражает богатством форм и жанров. Это и двустишия – настоящие жемчужины поэтического слога, подчиняющиеся строгим законам – два стиха – это противопоставление: в первой строке содержится картина природы, во второй – душевные состояния лирического героя; имеют рифму; обе строки состоят из 8 слогов, например: Гъай джан дуйнйаа, дад адишды, Дерд гъухъус духул гидишды. Счастливых мир не создает, Моя печаль скалу взорвет. Былахад хъед маа хъыгадий, Вахта ул ливес йигадий. Глоток воды б из родника, хоть раз взглянуть бы на тебя. (Перевод наш). Нам удалось издать сборник пословиц рутулов, однако материал, встречающийся в речи носителей языка, заставляет думать, что не собрано и пятой части пословичного фонда. Так же богато представлен и сказочный материал. Рутульские сказки не были опубликованы до сих пор и не служили предметом научного анализа. Настоящая работа является первой попыткой специального анализа художественного своеобразия рутульской сказки - фольклорного жанра, который представляет собой литературное наследие и отражает национальную специфику литературного мышления народа, сложившегося в течение тысячелетий.

Ключевые слова: Рутульский язык, рутульское устное народное творчество, рутульские сказки, богатство сказочного фонда, древний фольклорный жанр, волшебные сказки, бытовые сказки, сказки о животных, притчи, отражение национального менталитета.

Для цитаты: Махмудова С.М. Поэтика и жанрово-стилистические особенности рутульских народных сказок [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 31–39. DOI: <https://10.17759/langt.2020070102>

Poetics and Genre-Stylistic Features Rutulian Folk Tales

Svetlana M. Mahmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Rutuli is one of the most ancient peoples - inhabitants of the Caucasus, whose history, folklore, and culture are not adequately studied. Nevertheless, oral folk art, carefully transmitted from one generation to another, is striking in its richness of forms and genres. These are couplets — the real pearls of a poetic syllable that obey strict laws — two verses are a contrast: the first line contains a picture of nature, the second contains the mental states of the lyrical hero; have a rhyme; both lines consist of 8 syllables, for example: Гъай джан дуньйаа, дад адишды, Дерд гъухъус духул гидишды. The world does not make happy, my sorrow will blow rock. Былахад хъед маа хъыгадий, Вахда ул ливес йигадий. A sip of water used from a spring, At least once to look at you. (Our translation). We managed to publish a collection of proverbs of rutules, but the material found in the speech of native speakers makes us think that not a fifth of the proverbial collection has been collected. Fairy-tale material is also richly presented. Rutulian tales have not been published so far and have not served as the subject of scientific analysis. This work is the first attempt at a special analysis of the artistic originality of the Rutulian fairy tale - the folklore genre, which represents a literary heritage and reflects the national specificity of the literary thinking of the people that has developed over millennia.

Keywords: Rutul language, Rutul folklore, Rutul fairy tales, wealth of the fairy tale fund, ancient folklore genre, fairy tales, everyday tales, animal tales, parables, reflection of national mentality.

For citation: Mahmudova S.M. Poetics and Genre-Stylistic Features Rutulian Folk Tales. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 31–39. DOI:10.17759/langt.2020070102 (In Russ.).

Введение

Рутулы – один из миноритарных народов Дагестана, насчитывающий по официальным данным немногим более 35 тысяч человек, проживающих в России. Однако несколько крупных селений рутулов также располагаются на своей исконной исторической территории, которая составляла значительную часть Кавказской Албании, вошли после распада Советского Союза в состав современного Азербайджана. Северных рутулов, проживающих в России, немногим более 35 тысяч, как мы уже отмечали, южных рутулов, проживающих в современном Азербайджане, около 20 тысяч, хотя официально их национальность указана как азербайджанцы.

Рутулы были бесписьменными до 1991 года, хотя есть свидетельства, что они имели письменность – албанское письмо, на котором написаны палимпсесты, обнаруженные в монастыре на горе Синай в конце XX века [1,9].

Тем не менее, рутулы имеют достаточно обширную литературу, начинающуюся с имени поэтессы Зейнаб Хинави, жившей на рубеже XI-XII веков. Один из крупных поэтов Рутула – известный на всем Востоке в XIX веке ашуг Кюр-Раджаб, вошедший в число десяти лучших ашугов Азербайджана, считающийся классиком трех литератур – рутульской, азербайджанской и лезгинской [7]. В 2008 году, после утверждения алфавита на кириллице и издания учебников по рутульскому языку, была издана монография “Рутульская литература”, куда вошли стихотворения лучших авторов, сохранившиеся в памяти народа и передающиеся из уст в уста, фольклорные произведения, некоторые пословицы и поговорки [4]. Пословицы,

поговорки и загадки рутульского народа также составляют обширный список, вошедший в монографию объемом 150 страниц [5]. Только наиболее часто употребляющиеся фразеологизмы рутульского языка были опубликованы в виде “Фразеологического словаря рутульского языка” из 215 страниц [6].

При такой любви к литературе, художественному слову и богатстве устного народного творчества рутульский народ не мог не иметь сказочного эпоса, выражающего этические и эстетические установки, нравственные и моральные ценности, народное мировоззрение и наиболее яркие представления языковой картины мира.

Несколько рутульских сказок послужили предметом научного интереса А.М. Дирра и опубликованы им в монографии “Рутульский язык”. Сказки собирались в рутульских селениях Ф.М. Ибрагимовой, сотрудником Дагестанского Научного центра; В.М. Махмудовой, З. Магомедовой, Б.И. Гусейновой, М. Рамазановым и другими студентами филологического факультета Дагестанского государственного университета, проходившими в 70-80 годы XX века фольклорную практику под руководством А. Ф. Назаревича, сыгравшего огромную роль в деле сохранения фольклорных произведений дагестанских народов [8]; Э. Ильдаровой, аспирантом ДНЦ РАН, обобщившей собранный фольклорный материал, куда входили и сказки, в диссертации и в монографии [3].

Кроме того, известный французский лингвист Жиль Отье много лет посвятил сбору рутульского фольклора в южных рутульских селениях, где в основном сосредоточен крупный по числу носителей борчинско-хновский диалект, - в Шорсу, Кахе, Шине, Айдынбулаке, Гейбулаке, Кайнаре, Кише, Ак-Булаке, а также в городе Шеки, подавляющее большинство населения которого исторически было рутульским, и представил ценный фольклорный материал – сказки, пословицы, поговорки и песни южных рутулов [13].

Рутульские сказки были собраны также студентами русско-дагестанского отделения филологического факультета ДГУ З. Магомедовой в селении Ихрек, А. Мазукаевой в селении Киче, С. Ильясовой в селении Хнюх и другими в первое десятилетие XXI века.

Рутульские сказки, как у всех дагестанских народов, делятся на несколько типов – волшебные сказки, бытовые сказки, сказки о животных и литературные (авторские) сказки.

В рутульских селениях были сказочники – в основном пожилые люди, знавшие удивительно длинные сказки. По традиции, зимними длинными ночами вокруг такого сказочника собирались семья и соседи, и под потрескивание огня в очаге начиналась сказка. Самые маленькие слушатели садились к рассказчику на колени или на тулуп – длинную шубу из обработанной овчины и там и засыпали.

Обычно сказка рассказывалась до тех пор, пока не заснут все дети. Таким образом детей знакомили с эпосом родного народа, с самим родным языком и красотой художественного слога. Вторая цель подобного семейного собрания – отвлечение детей от всегда занятых родителей. Для этой цели в сказках существовали своеобразные повторы – монотонное проговаривание какого-либо слова или словосочетания. Например, одним из таких приемов было повторение глагола, обозначающего движение, которое при таком употреблении передавало долготу действия:

дуруъу-ра, дуруъура, дуруъура, дуруъура, дуруъура

идти-наст.вр.

ми-быр, ледыркья-ра са шегьер-ди

этот-мн.ч. дойти- наст.вр. один город-ин-эсс.

Идут, идут, идут, идут, идут, идут они, доходят до одного города.

Интересно, что рассказчик может разбить множество повторяющихся глаголов на две группы, вставив между двумя частями тех же повторяющихся слов междометие гьей, в данном случае обозначающее протяженность во времени, которое тоже может быть повторено перед еще одной группой тех же повторяющихся слов, - используя тем самым стилистический прием, передающий семантику долготы действия:

диъи-на а,
идти-деепр. есть-наст.вр.
диъина а, диъина а, диъина а, диъина а, диъина а,
гье-е-е-ей, диъина а, диъина а, диъина а, диъина а, диъина а...
Идут, идут, идут, идут, идут...

Стилистический повтор используется также для передачи семантики какого-либо долгого отрезка времени:

йывды йыгъа на йывды выше
семь день-ин-эсс и семь ночь-ин-эсс
в-ырыхыI-ре наIчагъа-ра ми-биши-с дават
бить-3 кл., наст.вр. царь-эрг. этот-мн.ч.-дат. свадьба –ед.ч.
Семь дней и семь ночей играл свадьбу для них царь.

Сакральное число “семь”, по-видимому, имеет особое значение для рутулов: в сказках свадьбу играют семь дней и семь ночей; семь лет теряет память сын царя; семь лет царевич спит, а за ним семь лет ухаживает девушка; на седьмое небо возносит единственную дочь-красавицу бедняка лестница; юноше встречается семь дэвов; у бедняка рождается семеро сыновей; семь раз зовет отец дочь и т.д.

Рутульские сказки отличаются наличием нескольких типов зачина. В Рутуле зачином сказки всегда служит выражение:

Авал-авал а-й-а-диш-ий...
Давно-давно быть-прош.вр. быть-отриц.-прош.вр.
Давно-давно был-не был...

В ихрекских и хновских сказках (Ихрек и Хнов – крупные селения рутулов, по названиям которых определены два диалекта – ихрекско-мюхрекский и хновско-борчинский), а также в сказках южных рутулов, проживающих в селениях, входящих в состав современного Азербайджана, где материал был собран Жилем Отье, зачином обычно служит выражение –

Са йиъи-й, рухъу-ра, са
один есть-прош.вр. говорить-наст.вр. один
диш-ий, рухъу-ра...
есть-отриц.-прош.вр. говорить-наст.вр.
Одно было, говорят, одно не было...

Один из известных дискурсивных приемов рутульской сказки – прием перехода к другому событию или прием переключения внимания слушателя, которому подчинено выражение –

Хабар гыляа вы-с?
рассказ-ин-эсс.,ед.ч. откуда дать-инф.
Хабар гадий-ед нини-кляа вы-си.
рассказ-ин-эсс.,ед.ч. юноша-притяж.ф. мать-ад-эсс. дать-буд.вр.

Рассказ откуда дать? Рассказ о матери юноше дам.

Интересной особенностью рутульских сказок является частое отсутствие собственных

имен, если сказка относится к фольклору. Только в литературной авторской сказке, жанровую разновидность которой можно определить как философскую, (сказка Кирхбаган на тутул “Нищий и свирель” М.М. Махмудова) [2] главные герои имеют имена. Однако излюбленным приемом в рутульской сказке является то, что сказочник в процессе рассказа мог давать положительным главным героям имена тех детей, которые сидели около него. Если же рядом со сказочником сидел ребенок, который плохо себя вел днем, или же все слушающие знали ребенка из соседей, который известен плохими поступками, то отрицательному герою давалось его имя. Если же сегодня положительный герой сказки был назван именем мальчика или девочки, которые завтра не будут слушаться старших, то в тот день вечером их имя получает отрицательный герой. На наш взгляд, подобное называние сказочных персонажей реальными именами служило своеобразным методом направления поведения, воспитания в детях этики, которое у рутулов имело название Абыр – своеобразный кодекс чести, свод общепризнанных законов, принятых рутулами [7]. Кроме того, прием наречения героев сказки именами реальных детей окунало детей в сказку, заставляя переживать за героев как за реальных людей, что само по себе также составляло эстетическую ценность, служащую особым средством воспитания детей путем примерки своей социальной роли в обществе, направляющим поведение и самооценку человека, то есть этот прием служит и своеобразным каналом воздействия на психику и сознание представителей юного поколения.

Сказки закладывали в детях ценностную шкалу и моральные приоритеты: в них в качестве положительных качеств приводились (и таким образом закладывались в мышление) красота (авторская сказка “Нищий и свирель”), добро, щедрость, смелость, находчивость, порицались как отрицательные качества жадность, глупость, лесть, несправедливость, зло и т.д.

Особым методом воспитания художественного мышления юных слушателей в рутульской сказочной традиции служит прием передачи роли сказочника: дедушка или бабушка, рассказывающие сказку, могли передать на самом интересном месте эстафету повествования кому-нибудь из детей, который тут же должен был придумать линию развития сюжета и продолжить сказку, которую до тех пор не слышал. Затем эстафета передавалась по очереди каждому ребенку, который сам продолжал сказку так, как это позволяет его фантазия. Если повествование шло удачно, старшие только управляли, если сюжет заходил в тупик, то главные сказочники могли или предложить вариант развития сюжета, или досказать сами. Данный метод служил мощным стимулом развития художественного мышления, словарного запаса, а также умения использовать элементы фольклора в своей речи. Это являлось также приемом проверки усвоения ребенком нравственно-эстетических установок народа, ценнейшим методом приобщения юного поколения к морально-этическим ценностям своего народа.

Следует отметить, что собранный материал продемонстрировал факт наличия различных вариантов сюжета сказок рутулов в разных селениях даже независимо от диалекта, - это может служить доказательством древности данного жанра.

Особое стилистическое отличие рутульских сказок состоит в их ритмико-интонационной организации, - часто сказки содержат текст, который произносится в особом ритме и особой интонацией для передачи накала действия, при этом в подобном тексте часто содержатся повторы:

За-хда м-а!гъв, зы
Я-пост-эсс. идти-отриц. я-номин.,ед.ч.

хIаIбаIхъаIне-д рыш р-иъи!
чабан –притяж. дочь-номин.,ед.ч. 2кл.есть-наст.вр.

Захда маIгъв, зы хIаIбаIхъаIнед рыш риъи! (Сказка о девушке и дэве)

Не подходи ко мне, я дочь чабана.

/-/-/-/-/-/

/-/-/-/-/-/

ГъуIри-ГъуIри нин-ды, ГъуIри-Пери нинды,
Хури-Хури мать-притяж. Хури-Пери мать-притяж.
гъаъ гъугъара а, гъаъ
снаружи дождь идти-наст.вр. есть-наст.вр. наружу

га-р-акъ!

смотреть-имп.,2кл. (Сказка о Йымел-Абъйе)

Хури-Хури мамина, Хури-Пери мамина, на улице дождь, выгляни.

-/-/-/-/-/-/

-/---/--

Дал ха-д й-ыкъа,
Палка-номин.-едч.ч. иметься-прич. 1кл.-прийти-имп.

руIх-аI а-д йыкъа!
мельница-ин-эсс.-ед.ч. иметься-прич. 1кл.-прийти-имп.

Дал хад йыкъа, руIхаI а-д йыкъа! (Сказка о царевиче с седьмого неба)

Выходи кто с палкой, выходи, кто на мельнице!

/--/-/-/-/

/--/-/-/-/

Заканчивается рутульская сказка устойчивым выражением –

ДжваIр тини мада-й, зы
они-номин. там оставаться-прош.вр. я-номин.

миди хъиркъыри!

сюда вернуться-прош.в.р.

Они там остались, я сюда вернуться.

Так как сказки всегда имеют счастливый конец, сказочник может добавить еще, что ему тоже герои подарили золото//мешок золота//вьюк золота на осле, но он потерял его, когда переходил через гору//реку (называются те топонимы, которые все знают), что также создает впечатление достоверности.

На случай, если дети-слушатели не отстают и после конца сказки просят рассказать еще одну, в рутульской сказочной традиции существует устойчивое выражение –

Бала махвыр гыгъыйне, нахвыр
много сказок делать-если сено-мн.ч.

лаабтIуд и //лаатIуси //лаабтIура
заканчиваться-прич. есть //закончиться-буд.вр. //заканчиваться-наст.вр.

Если много сказок рассказывать, то сено заканчивается

которое основано на созвучии слов *махв* “сказка” – *нахв* “сено, фураж”.

В рутульской сказочной традиции строго соблюдался главный принцип – повествование сказки только ночью, перед сном, причем рассказ должен был вестись неторопливо, спокойным голосом, в удобной располагающей обстановке, что, на наш взгляд, имело психотерапевтическую цель – снятие дневного напряжения, расслабление, создание у ребенка положительных эмоций, что должно было способствовать крепкому здоровому сну.

Сказка имеет также историческую ценность: одним из основных персонажей рутульской сказки служит паачагь. Данная лексема сохраняет семантику “царь”, хотя в обозримом историческом прошлом царей уже не было, однако наличие данной лексемы в языке позволяет думать, что институт государства и паачагь как правитель были известны рутулам. И интересно, что образ царя здесь всегда положительный – это добрый, справедливый правитель, собравший вокруг себя мудрых визирей и справедливо решающий все конфликты.

Только в рутульской сказке встречается образ гьамгьд халбыр “хрустальный дом”, гьамгьд маГьаГдбыр “хрустальные лестницы”, тогда как в современном рутульском языке слово гьамг “хрусталь” уже настолько давно утеряно, что даже в качестве архаизмов привести не представляется возможным. Однако наличие данного исконного термина опять же свидетельствует о знакомстве народа с денотатом.

Сказка и ее мифопоэтические образы служили основным методом художественного воздействия на ум маленького слушателя, которого в ненавязчивой, увлекательной форме приобщали к нравственно-этическим основам менталитета народа, развивали в нем фантазию, расширяли словарный запас и умение использовать в своей речи художественные обороты, составляющие особую красоту и национальное своеобразие языка, тем самым формируя личность человека.

Таким образом, сказка служит ярким художественным феноменом, важным пластом культуры, воспитывающим в маленьком человеке гуманиста, эстета и носителя нравственно-эстетического кода своего народа, формирующим духовный мир и закладывающим глубинные морально-этические основы человека.

Значимость культурно-психологического влияния феномена сказки на молодое поколение трудно переоценить, но вместе с тем трудно и недооценить моральный и эстетический ущерб для народа, потерявшего в силу разных исторических причин такой важный пласт фольклора, как сказка, воспитывающий человека в психолого-философском поле национального менталитета своего народа, в матрице самосознания как представителя своего этноса. Сказка закладывает духовные основы человека, приобщает его к этическим и эстетическим кодам культуры своего народа, в связи с чем потеря сказки без всякого преувеличения означает потерю духовных скрепов самого народа.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 1979. М.: Искусство. 444 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. 1991. М.: Искусство. 366 с.
3. Ильдарова Э.Ш. Мифологические персонажи в прозаическом фольклоре фольклоре рутульцев: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 2007. М. 21 с.
4. Ибрагимова Ф.М. Мыхалбишды фольклор на гьаГшыкьашды теснифбыр (Рутульский фольклор и ашугские теснифы). 2008. М., 169 с.

5. Кирсанов А.И. С. Хантингтон о "Столкновении цивилизаций" в контексте глобальных трансформаций [Электронный ресурс] // *Философия и общество*. 2008. Том 51. № 3. С. 32-43. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130197/> (дата обращения: 10.02.2020)
6. Кирсанов А.И. Наркомания и наркобизнес как глобальная угроза. 2008. М.: МГАДА, 207 с.
7. Майсак Т. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря. [Электронный ресурс] // *Вопросы языкознания*. 2010. № 6. С. 88—107. URL: <http://www.lingvarium.org/maisak/publ/Maisak-VJa-2010-6.pdf> (дата обращения: 29.12.2019).
8. Махмудов М.М., Махмудова С.М. Юноша и свирель // *Рутульцы. История. Культура. Традиции*. 2015. М.: Эпоха. С.38-43.
9. Махмудова С.М., Курбанов С.М. Кюр-Раджаб – классик рутульской, лезгинской и азербайджанской поэзии. 2012. М.: Изд-во ДГУ. 236 с.
10. Махмудова С.М. Рутульская литература. 2008. М.: Народы Дагестана. 423 с.
11. Махмудова С.М. Жемчужины рутульской мысли. Пословицы, поговорки и загадки рутульского народа. 2014. М.: Эпоха. 151 с.
12. Махмудова С. М. Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха. 215 с.
13. Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов [Электронный ресурс] // *Язык и текст*. 2018. Том 5. № 2. С. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213
14. Назаревич А.Ф. В мире горской народной сказки. 1962. М.: Дагкнигоиздат. 366 с.
15. Отье Ж. Рукописи сказок.
16. Павлютенкова И.В. Сказка: философско-культурологический анализ. Дисс. ... канд. философ. наук. 2003. Р.-на-Д. 135 с.
17. Пропп В.Я. Морфология сказки. 1969. М.: Наука. 170 с.
18. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2002. М.: Лабиринт. 333 с.
19. Сартр Ж.-П. Воображение. Феноменологическая психология воображения. 2001. СПб.: Наука. 318 с.
20. Schulze G. W., Aleksidze Z. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai: in 2 vol. J.-P. Mahé (eds). 2009. T.: Brepols Publishers. 530 p.

References

1. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*, 1979. Moscow: Iskusstvo, 444 p. (In Russ.).
2. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo*, 1991. Moscow: Iskusstvo, 366 p. (In Russ.).
3. Il'darova E.SH. *Mifologicheskie personazhi v prozaicheskom fol'klоре fol'klоре rutul'cev*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk, 2007. Mahachkala, 21 с. (In Russ.).
4. Ibragimova F.M. *MyhaIbishdy fol'klor na g'aIshyk'ashdy tesnifbyr (Rutul'skij fol'klor i ashugskie tesnify)*. 2008. Mahachkala, 169 p. (In Russ.).
5. Kirsanov A.I. S. *Khantington o "Stolknovenii tsivilizatsii" v kontekste global'nykh transformatsii. Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*, 2008. Vol. 51, no. 3, pp. 32-43. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130197/> (Accessed: 10.02.2020). (In Russ.).
6. Kirsanov A.I. *Narkomaniya i narkobiznes kak global'naya ugroza*, 2008. Moscow: MGADA, 207 p. (In Russ.).
7. Majsak T. *K publikacii kavkazsko-albanskih palimpsestov iz Sinajskogo monastyrya. Voprosy yazykoznaniya = Linguistics Issues*, 2010, no. 6. pp. 88—107. Available at: <http://www.lingvarium.org/maisak/publ/Maisak-VJa-2010-6.pdf> (Accessed: 29.12.2019). (In Russ.).

8. Mahmudov M.M., Mahmudova S.M. YUnosha i svirel'. *Rutul'cy. Istoriya. Kul'tura. Tradicii*, 2015. Mahachkala: Epoha, pp. 38-43. (In Russ.).
9. Mahmudova S.M., Kurbanov S.M. Kyur-Radzhab – klassika rutul'skoj, lezginskoj i azerbajdzhanskoj poezii, 2012. Mahachkala: Publ. DGU, 236 p. (In Russ.).
10. Mahmudova S.M. Rutul'skaya literatura, 2008. Mahachkala: Narody Dagestana, 423 p. (In Russ.).
11. Mahmudova S.M. ZHemchuzhiny rutul'skoj mysli. Poslovicy, pogovorki i zagadki rutul'skogo naroda, 2014. Mahachkala: Epoha, 151 p. (In Russ.).
12. Mahmudova S.M. Frazеologicheskij slovar' rutul'skogo yazyka, 2016. Mahachkala: Epoha, 215 p. (In Russ.).
13. Mahmudova S.M. YAzykovaya reprezentaciya aksiologicheskoy dominanty koncepta “Etika” (“Abyr”) v nacional'noj kartine mira rutulov. *Yazyk i tekst=Language and text*, 2018. Vol. 5, no. 2, pp. 75-81. DOI:10.17759/langt.2018050213 (In Russ.).
14. Nazarevich A.F. V mire gorskoj narodnoj skazki, 1962. Mahachkala: Dagknigoizdat, 366 p. (In Russ.).
15. Ot'e ZH. Rukopisi skazok. (In Russ.).
16. Pavlyutenkova I.V. Skazka: filosofsko-kul'turologicheskij analiz. Diss. kand. filosof. nauk. 2003. Rostov-na-Donu, 135 p. (In Russ.).
17. Propp V.YA. Morfologiya skazki, 1969. Moscow: Nauka, 170 p. (In Russ.).
18. Propp V.YA. Istoricheskie korni volshebnoj skazki, 2002. Moscow: Labirint, 333 p. (In Russ.).
19. Sartr ZH.-P. Voobrazhenie. Fenomenologicheskaya psihologiya voobrazheniya, 2001. Sankt-Peterburg: Nauka, 318 p. (In Russ.).
20. Schulze G. W., Aleksidze Z. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai: in 2 vol. *J.-P. Mahé* (eds), 2009. Turnhout: Brepols Publishers, 530 p.

Информация об авторах

Махмудова Светлана Мусаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Information about the authors

Svetlana M. Mahmudova, Doctor of Philology, Professor of Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

Психологический анализ антипсихологического романа: чтение «Преступления и наказания» Достоевского через призму психоанализа Выготского

Маркес П.Н.

Университет Сан-Пауло, г. Сан-Пауло, Бразилия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7111-6372>, e-mail: priscilanm@gmail.com

В данной статье произведение Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» рассматривается как роман, расширяющий границы психологического анализа в литературе. Следуя подходу Л. С. Выготского к психологии искусства, автор намеревается углубиться в структуру романа, чтобы найти уникальную психологическую перспективу, которая заложена в нем. Анализ фокусируется на противопоставлении фрагментации и единства в структуре романа и изображении персонажей, а также на эпилоге как моменте повествования, полностью раскрывающем антипсихологическую природу этого литературного произведения. В статье представлено изображение глубинной реальности, которую невозможно постичь линейным биографическим или научным пониманием личности. Данная глубинная реальность одновременно является уникальной сутью психологии романа, охватывающей метафизическое и духовное царство, в котором Богоявление находит свое значение. Наконец, мы надеемся, что эти аналитические и разумные усилия могут как-то способствовать обогащению контактов с литературой Достоевского, опытом, который сам по себе незаменим.

Ключевые слова: Психология искусства, русская литература XIX века, Л. С. Выготский, Ф. М. Достоевский.

Финансирование: Настоящий документ основан на двух исследовательских проектах, финансируемых Исследовательским фондом Сан-Паулу (FAPESP 07 / 52450-9 и FAPESP 2015 / 17830-1).

Для цитаты: Маркес П.Н. Психологический анализ антипсихологического романа: чтение «Преступления и наказания» Достоевского через призму психоанализа Выготского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2020070103>

Маркес П.Н.
Психологический анализ антипсихологического
романа: чтение «Преступления и наказания»
Достоевского через призму психоанализа
Выготского
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 40–48.

Marques P.N.
A Psychological Analysis of an Anti-Psychological
Novel: Reading Dostoevsky's Crime and Punishment
with Vygotskian Spectacles
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 40–48.

A Psychological Analysis of an Anti-Psychological Novel: Reading Dostoevsky's Crime and Punishment with Vygotskian Spectacles

Priscila N. Marques

University of São Paulo, São Paulo, Brazil,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7111-6372>, e-mail: priscilanm@gmail.com

The present paper discusses Dostoevsky's Crime and Punishment as a novel that pushes the boundaries of psychological analysis in literature. Following L. S. Vygotsky's approach to psychology of art, the commentary intends to delve into the structure of the novel to find the unique psychological perspective that is embedded in it. The analysis focuses on the opposition between fragmentation and unity in the novel's structure and character portrayal, as well as on the epilogue as a moment in the narrative that fully unveils the anti-psychological nature of this literary work. The depiction of a deeper reality that cannot be grasped by a linear biographical-scientific understanding of personality is simultaneously the core of the novel's anti-psychologism and its unique psychology, one that encompasses a metaphysical and spiritual realm in which epiphany finds its meaning. Lastly, we hope that this analytic and sensible effort can somehow contribute to enriching the contact with Dostoevsky's literature, an experience that is in itself irreplaceable.

Keywords: Psychology of Art, 19th Century Russian Literature, L. S. Vygotsky, F. M. Dostoevsky, Close Reading.

Funding: This paper is based on two research projects funded by São Paulo Research Foundation (FAPESP 07/52450-9 and FAPESP 2015/17830-1).

For citation: Marques P.N. A Psychological Analysis of an Anti-Psychological Novel: Reading Dostoevsky's Crime and Punishment with Vygotskian Spectacles. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 40—48. DOI: <https://doi.org/10.17759/langt.2020070103>. (In Russ.)

Introduction

With utter realism to find the man in man... They call me a psychologist; that is not true. I am merely a realist in the higher sense, that is I portray all the depths of the human soul.

F. M. Dostoevsky

Russia's contribution to world prose literature in the 19th century has been unmistakably categorized under the label of Realism. However, it has been often argued that this tradition provided a unique type of realistic literature, not to be mistaken for the scientism and positivism of French realism. The uncovering of Russian literature by Eugène-Melchior de Vogüé [4] is very eloquent at

pointing out the breath of fresh air that novels by Turgenev and Tolstoy provided to the dry and “soulless” belletrists of France.

For De Vogüé the religiousness and in-depth sight of the inner world made Russian literature original and relevant for the further development of this art. Later in the 20th century these traits were read as constituting the so-called psychological realism, a type of literature that is concerned with unveiling motivations, describing emotions and portraying character development, with obvious predominance of round characters over flat ones. Feodor Mikhailovich Dostoevsky (1821-1881) is considered to be one of the leading names of this canon.

The present paper aims at challenging the seemingly self-evident notion that Dostoevsky's novels are all examples of psychological literature, through a commentary on *Crime and Punishment*. To pursue this objective, we propose the approach developed by Lev Semenovich Vygotsky (1896-1934). In *The Psychology of Art* [18], Vygotsky presented a highly original and still little explored understanding and methodology to the study of works of art. The objective analytic method requires the investigator to delve into the structure of the artistic object (i.e. its form) in order to reconstruct potential targeted effects on the receptor. This approach does not depart from a prior understanding of psychology but derives one from art itself. According to this perspective, all types of art are embedded with a certain psychology, not only those forms that are explicitly marked by a psychological content.

Based on an examination of *Crime and Punishment's* formal traits, particularly the polyphonic construction and the dialogism that marks the characters' voice [2], this paper intends to reconstruct the psychology of the novel, which, as we intend to demonstrate, is in a certain sense an anti-psychology.

Fragmentation versus totality

One of the most remarkable traits of *Crime and Punishment* is its careful architecture around the protagonist. Raskolnikov appears in almost every moment of the narrative, and every element of the plot is connected to him. This provides the novel with a highly developed sense of unity. Every aspect of the novel's composition, from the narrative perspective to the etymology of the characters' names, constitutes a totality in the storytelling of a double murder and its consequences. This striving for totality is, according to Lukács, an essential feature of the novel: “The novel is the epic of an age in which the extensive totality of life is no longer directly given, in which the immanence of meaning in life has become a problem, yet which still thinks in terms of totality” [8].

Such sense of narrative unity, on the other hand, contrasts with the multiplicity of the character himself: “There is Raskolnikov the altruist and there is Raskolnikov the egoist, ‘a despot by nature’; there is the crypto-revolutionary Raskolnikov and there is the self-styled genius who demands power as his right and as the guaranty of his freedom; then of course there is the neurotic who acts out his illness through a murder intellectually rationalized but inexplicable except in terms of an unconscious drive” [11, p. 424].

Dostoevsky's realism has been described by the novelist himself as a “realism in the higher sense”, inasmuch as it does not aim at a documental portrayal of either the objective or the subjective realities. In that sense, Ortega y Gasset claims that Dostoevsky conveys reality not in its content, but in its form: “Dostoevsky's ‘realism’ – let's call it this way not to complicate things – is not in the things and facts refereed by it, but in the way the reader is forced to treat them. It is not the material

of life that constitutes his 'realism', but its form. With his strategy of misleading the reader, Dostoevsky gets to the point of cruelty. Not only does he avoid clarifying the characters through defining anticipations of who they are, but also the way characters behave varies from one stage to another, revealing different facets of a person that seem to be gradually formed and integrated before our eyes" [10, p. 247-8].

The unity of character in a literary work can be drawn from a psychological explanation that encloses and justifies all traits of the individuals portrayed in it. Dauner, for instance, sees *Crime and Punishment* as a "psychic odyssey" [3, p. 199] constituted by an individuation process in four stages, as conceived by Carl Jung – confession, explanation, education, and transformation. Nevertheless, it is arguable that such stages could be actually found in the novel. While it may somehow correspond to the second half of the novel, the attempt to identify clear phases of the process of unveiling and understanding the character disregards the fact that the narrative is dominated by a moment of crisis, that is, a process that does not evolve linearly and is marked by discontinuities and coexistence of contradictory states. Considering such a multifaceted character, one of the ways to unveil the protagonist is to examine him in his interpersonal relations, so that the "I" is revealed not in itself, but in the exchanges with the "Other".

A closer examination reveals that Raskolnikov can hardly be grasped by rigid biographical frameworks, or by a linear plot of character development. Throughout the novel, the protagonist is revealed by the invisible third person narrator – an instance that relates dreams and internal monologues – examples of proto flows of consciousness [11] – and most importantly by clashes with other characters-ideas [9]. In this dialogue with the other, inconsistencies and ambiguities are brought to light.

It is noteworthy that, within his typology of the novel, Bakhtin links Dostoevsky's characters to adventure novels, and not to social-psychological, familiar, costumes. While in a socio-psychological, biographical narrative the hero appears as "someone fully embodied and strictly localized in life, as someone dressed in the concrete and impenetrable garb of his class or social station, his Family position, his age, his life and biographical goals" [2, p. 104], in the adventure novel the character does not have a fixed position, he is placed in "extraordinary positions that expose and provoke him, it connects him and make him collide with other people under unusual and unexpected conditions precisely for the purpose of testing the idea and the man of the idea, that is, for testing 'man in man'" [2, p. 105]. Therefore, working with elements of the adventure novel, Dostoevsky reconfigured Realism in his own way: "As a precursor of modern fiction, Dostoevsky created works in which the rupture with causal determinism of XIX century resulted in a prose that is oddly close to poetry, rich in contrasts and leaps, where sublime and ignoble are mixed, and elevated ideas are combined with the petty everyday life" [13, p. 58].

Terras claims that in Dostoevsky time is predominantly romantic, since it is dominated by *kairos*, not *chronos*, "Time is seen as the creator of values, its flow is goal-directed, it is emotionally and aesthetically charged" [15, p. 39]. The author also observes that Dostoevsky's novels do not represent or explain life but produce a symbolic counterpart to it.

In an attempt to incorporate an ethereal sphere of existence, Dostoevsky confronts the reader with the limitations of rational and psychological understanding. While *Crime and Punishment* provides input for tentative psychological analyses, it exposes the character in manners that reveal layers and levels of his personality that are far beyond rigid cause and consequence explications. For

Terras [15, p. 44], in this novel psychological analysis reaches its apex, but it is also “exposed for what is it, and left, as it where, in the antechamber of a higher level of human understanding”.

Nietzsche's famous statement about having learned psychology more from Dostoevsky than from any scientist, is discussed by Todorov within a tradition that “reads the psychological, the philosophical, and the social in the literary realm – but not literature itself, or discourse; a tradition that fails to see that Dostoevsky's innovation is far greater on the symbolic level than on the psychological one, which is only one element among others. Dostoevsky alters our ideas of ideas and our representation of representation” [17, p. 80].

Hence, following Vygotsky's lead to uncover the psychology that is embedded in the text, in analyzing *Crime and Punishment* one must abandon linear thought, that might suffice to explain bourgeoisie psychism, but fails to uncover Raskolnikov. No conventional psychological theory can fully encompass the complexity of this protagonist, if the analyst is to be honest and consistent with the aesthetic procedures of the character revelation deployed by Dostoevsky.

This unique example of crime novel does not pose the question “whodunit”. The murder's identity is known to the reader, it is rather the perpetrator's quest for self-identity. Raskolnikov tries to figure out who he is (ordinary or extraordinary), and why he committed the crime. He attempts to retell his own story – for example, his reenacting of the crime (in dreams or by visiting the crime scene) – are ways of organizing the events in an intelligible way.

The experiments that the protagonist conducts upon himself make way to the surfacing of unwelcome emotions. The crime that was designed to be an experiment to validate a theory (of ordinary and extraordinary beings), becomes the story of a man struggling with going beyond himself and being open to contact the other, struggling to reconcile with the realm of sensibility. Raskolnikov constantly seeks the other, but remains unable to be genuinely affected, which he considers a sign of weakness.

By committing the crime, he takes a step towards self-affirmation, and that requires the negation/annihilation of the other, according to his self-master logic. But Dostoevsky's carnivalistic cosmivision, according to Bakhtin, allowed the author to overcome ethic and gnoseological solipsism as well as to “extend the narrow scene of a personal life in one specific limited epoch to a maximally universal mystery play scene, applicable to all humanity” [2, p. 177].

The idea of a “literary determination of the modern individual” [7, p. 88] according to which the understanding of the “I” is to be found not in social or psychological motives, but in literature itself, provides one possible key to reading *Crime and Punishment*.

Despite granting literary unity to the depicted universe, the novel's narrator, unlike the traditional omniscient narrator, is not capable of explaining characters' actions or providing a sense to them, he removes the “comforting illusion of unity, coherence in everyone's life, as well as a certain logic causality for the acts and choices made in one's lifetime” [7, p. 85].

The acknowledgement of this trait makes Adorno express his famous appreciation of Dostoevsky: “[...] to the extent to which there is any psychology in his works at all, it is a psychology of intelligible character, of essence, and not a psychology of empirical character, of human beings as we find them. It is precisely in this respect that Dostoevsky is advanced” [1, p. 54].

Although Dostoevsky operates with certain immateriality, concrete life and materiality is a strong trait of his fiction. His ideas are always incarnated in concrete human beings, and derive their strength from “from the unity between the intelligible and the sensible (as striven by Hegel), from the

capacity of turning ideas into something vital and everyday that has to do with each one of us” [14, p. 247].

The different dimensions of a split self are presented through literary procedures that are carefully devised and chosen to cast the reader into the very core of the conflict of an individual that seeks to go beyond himself. Such aspiration corresponds to the all too human need for transcendence, that in Dostoevsky appears as a crisis, as a struggle between the objective and the subjective that pervaded of a deep feeling of inadequacy. Therefore, Dostoevsky provides a perspective of “the man in man”, the backstage of the consciousness and the constitution of subjectivity.

Some remarks about the epilogue

The epilogue of *Crime and Punishment* has often been considered as a moment of religious conversion, and the appearance of Sonia has been interpreted as the apparition of an icon. However, Rosenshield sees it as a change in the direction of Raskolnikov's life, a first step to a gradual and long-lasting renovation process. Holding Sonia's Bible, Raskolnikov fancies “Could not her beliefs become my beliefs now? Her feelings, her aspirations, at least...” [5, p 464]. This indicates the seeds of a transformation in the mode of living, which used to be analytical and becomes emotional [12, p. 120], however the story of this renovation is “the subject of a new tale” [5, p. 465].

The presence of a transcendent realm is found in some characters of the novel (mainly Marmeladov and Sonia). Throughout the narrative, Raskolnikov is faced with this realm and, for the most time, rejects and mocks it. The very crime forces him to contact finitude, the passing to “the other side”. However, it is in the epilogue that this reality is fully unveiled to him. The acknowledgement of this line of force, which was already part of his inner world, allows the reconstruction of the schismatic self. This process is not opposed to the polyphonic form: “Thus to link Bakhtin solely to the atheistic and anti-metaphysical movements of semiotics and deconstruction, or to dismiss him as antithetical to Dostoevsky's high moral seriousness, it to ignore Bakhtin's deep spirituality. Perhaps Bakhtin's celebration of the ‘I’ in communion with others can help to bridge the gap between the traditional and Bakhtinian interpretations of Dostoevsky, and show that dialogism and the carnivalesque are not incompatible with moral purpose. We can remember the existential maxim that not to take a position is to take a position. Not to judge monologically is to make a serious statement about the worth and dignity of the individual and to celebrate the birth, not the death, of the ‘I’, which is - or can be - the result of its spiritual communion with others” [16, p. 206].

Thaden's arguments offers an interesting counterargument to critics of Bakhtin's theory, such as Wellek [19]. By incorporating the transcendent aspect of the subjectivity, Dostoevsky provides a novelty to the realistic literature. Rosenshield, like Holquist, found in the dialogue of literary genres an answer to this novelty. He identifies elements of the romance [6] in *Crime and Punishment* [12, p. 128]. While the novel is traditionally based on objective reality, “the romancer does not attempt to create ‘real people’ so much as stylized figures which expand into psychological archetypes [...]. That is why the romance so often radiates a glow of subjective intensity that the novel lacks, and why a suggestion of allegory is constantly creeping in around its fringes. Certain elements of the character are released in the romance which naturally makes it a more revolutionary form than the novel” [6, p. 304-5].

The identification of a metaphysical sphere in Dostoevsky makes Vygotsky draw parallels between Raskolnikov and Hamlet, and between Dostoevsky and Shakespeare, both were for

Vyacheslav Ivanov “servants of supreme revelations” [18, p. 27]. *Crime and Punishment* and *Hamlet* are united by a sensation of decisive catastrophe, by a mystical character and tragic automatism. About the protagonists, Vygotsky claims: “Raskolnikov, who does not distinguish reality, dream and delusion, who mixes real and mystical, is in many aspects close to Hamlet. Some otherworldliness of what happens, a special otherworldly light saturates the whole novel, as it happens with Hamlet” [18, p. 99].

In this sense, the epilogue appears as a moment in which material and transcendental planes unite, as an instance that validates and provides meaning to the conflicts developed in the six parts of the novel. Such unity of the planes happens more specifically in the epiphanic scene that starts with the dream and culminates in the encounter between Raskolnikov and Sonia, when he finally becomes able to establish an affective relation to the other, opening himself and allowing to be affected by her.

The conflict is only to be resolved through epiphany, since an unmaterial, ethereal realm could not be portrayed in the framework of rational experimentation (as it happens in the novel itself). The novel ends with a cabal rejection of a story that unfolds within biographic of historic standards. The poetics deployed in the novel reveals an understanding of subjectivity that fails the expectations of a reader that is used to psychologization. We are left with the mystery, with a deeper psychology, that reaches the unconsciousness and strives further towards the imponderable.

The novel presents the idea that the process of overcoming or transcending oneself is realized within and by means of human relations, that is, through the affirmation – not the negation – of the other. This is not an absolute truth that annihilates all others, but rather the very condition for the existence of multiple truths. All this speaks very closely to the contemporary individual, a creature that has favored rationality but constantly grapples with its limitations. To a certain extent this explains the fascination that *Crime and Punishment* has exerted in readership worldwide but does not exhaust the infinite interpretations that each new reading of the novel can produce.

Lastly, we hope that this analytic and sensible effort can somehow contribute to enriching the contact with Dostoevsky's literature, an experience that is in itself irreplaceable.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Анализ эстетического реакции: Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира и Психология искусства. 2001. М.: Лабиринт. 477 с.
2. *Дергачева И.В.* Образы Италии в художественном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 4. С. 16–23. doi:10.17759/langt.2019060403
3. *Adorno T.* Notes to Literature. 1991. N. Y.: Columbia University Press, 350 p.
4. *Bakhtin M.* Problems of Dostoevsky's Poetics. 1984. M.: University of Minnesota Press, 384 p.
5. *Dauner L.* Raskolnikov in search of a soul // Modern Fiction Studies. 1958. Vol. 4. № 3. P. 199-210. URL: www.jstor.org/stable/26277179 (Accessed 19.12.2019).
6. *De Vogüé E.M.* Le Roman Russe. 1886. P.: Librairie Plon, 351 p.
7. *Dostoevsky F.M.* Crime and Punishment. 1989. L.: W.W. Norton & Company, 704 p.
8. *Frye N.* Anatomy of Criticism: Four Essays. 1975. P.: Princeton University Press, 383 p.
9. *Kehl M.R.* Um romance: Crime e castigo, a vingança deslocada [A Novel: Crime and Punishment, a displaced revenge] // Ressentimento [Resentment]. 2004. S. P.: Casa do Psicólogo, P. 159-172.

Маркес П.Н.
Психологический анализ антипсихологического романа: чтение «Преступления и наказания» Достоевского через призму психоанализа Выготского
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 40–48.

Marques P.N.
A Psychological Analysis of an Anti-Psychological Novel: Reading Dostoevsky's Crime and Punishment with Vygotskian Spectacles
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 40–48.

10. Lukács G. *The Theory of the Novel: A Historico-Philosophical Essay on the Forms of Great Epic Literature*. 1971. C., M.: The MIT Press, 160 p.
11. Marques, P.N. *Polifonia e Emoções: um estudo sobre a construção da subjetividade em Crime e castigo de Dostoiévski [Polyphony and Emotions: A Study of the Construction of Subjectivity in Dostoevsky's Crime and Punishment]*. Thesis (Master's Degree in Russian Culture and Literature). 2010. S. P.: University of São Paulo, 324 p.
12. Ortega y Gasset J. *Dostojewsky y Proust*. In *Obras Completas Tomo III*. 1942. B.: Penguin Random House, P. 890-893.
13. Rahv P. Dostoevsky in "Crime and Punishment" // *Partisan Review*. 1960. Vol. 27. № 3. P. 393-425.
14. Rosenshield G. *Crime and Punishment: The techniques of the omniscient author*. 1978. L.: The Peter Ridder Press, 138 p.
15. Schnaiderman B. *Dostoiévski Prosa Poesia [Dostoevsky Prose Poetry]*. 1982. S. P.: Perspectiva, 153 p.
16. Schnaiderman B. *Dostoiévski: a ficção como pensamento [Dostoevsky: Fiction as Thought]*. In Novaes A. *Artepensamento [Art-thought]*. 1994. S. P.: Companhia das Letras, P. 241-248
17. Terras V. *Reading Dostoevsky*. 1998. W.: The University of Wisconsin Press, 184 p.
18. Thaden B.Z. Bakhtin, Dostoevsky, and the Status of the "I" // *Dostoevsky Studies*. 1987. № 8. pp. 199-207.
19. Todorov T. *Genres in Discourse*. 1990. N. Y.: Cambridge University Press, 148 p.
20. Wellek R. Bakhtin's View of Dostoevsky: "Poliphony" and "Carnavalesque" // *Dostoevsky Studies*. 1980. № 1. P. 31-41.

References

1. Vygotsky L.S. *Analiz esteticeskoi reaktsii: Tragediia o Gamlete, printse Datskom U. Shekspira i Psikhologiiia iskusstva [Analysis of the aesthetic reaction: The tragedy of Hamlet, prince of Denmark, by W. Shakespeare, and Psychology of Art]*, 2001. Moscow: Labirint, 477 p. (In Russ.).
2. Dergacheva I.V. *Obrazy Italii v khudozhestvennom nasledii Dostoevskogo [Images of Italy in the artistic heritage of Dostoevsky]*. *Yazyk i tekst=Language and text*, 2019. Vol. 6, no, 4, pp. 16–23. DOI:10.17759/langt.2019060403. (In Russ.).
3. Adorno T. *Notes to Literature*, 1991. New York: Columbia University Press, 350 p.
4. Bakhtin M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*, 1984. Minneapolis: University of Minnesota Press, 384 p.
5. Dauner L. Raskolnikov in search of a soul. *Modern Fiction Studies*, 1958. Vol. 4, no. 3, pp. 199-210. Available at: www.jstor.org/stable/26277179 (Accessed 19.12.2019).
6. De Vogüé E.M. *Le Roman Russe*, 1886. Paris: Librairie Plon, 351 p.
7. Dostoevsky F.M. *Crime and Punishment*, 1989. London: W.W. Norton & Company, 704 p.
8. Frye N. *Anatomy of Criticism: Four Essays*, 1975. Princeton: Princeton University Press, 383 p.
9. Kehl M.R. *Um romance: Crime e castigo, a vingança deslocada [A Novel: Crime and Punishment, a displaced revenge]*, *Ressentimento [Resentment]*. 2004. São Paulo: Casa do Psicólogo, pp. 159-172.
10. Lukács G. *The Theory of the Novel: A Historico-Philosophical Essay on the Forms of Great Epic Literature*, 1971. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 160 p.

Маркес П.Н.
Психологический анализ антипсихологического романа: чтение «Преступления и наказания» Достоевского через призму психоанализа Выготского
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 40–48.

Marques P.N.
A Psychological Analysis of an Anti-Psychological Novel: Reading Dostoevsky's Crime and Punishment with Vygotskian Spectacles
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 40–48.

11. Marques, P.N. Polifonia e Emoções: um estudo sobre a construção da subjetividade em Crime e castigo de Dostoiévski [Polyphony and Emotions: A Study of the Construction of Subjectivity in Dostoevsky's Crime and Punishment]. Thesis (Master's Degree in Russian Culture and Literature), 2010. São Paulo: University of São Paulo, 324 p.
12. Ortega y Gasset J. Dostojewsky y Proust. In Obras Completas Tomo III, 1942. Barcelona: Penguin Random House, pp. 890-893.
13. Rahv P. Dostoevsky in "Crime and Punishment". *Partisan Review*, 1960. Vol. 27. № 3. pp. 393-425.
14. Rosenshield G. Crime and Punishment: The techniques of the omniscient author, 1978. Lisse: The Peter Ridder Press, 138 p.
15. Schnaiderman B. Dostoiévski Prosa Poesia [Dostoevsky Prose Poetry], 1982. São Paulo: Perspectiva, 153 p.
16. Schnaiderman B. Dostoiévski: a ficção como pensamento [Dostoevsky: Fiction as Thought]. In Novaes A. Artepensamento [Art-thought], 1994. São Paulo: Companhia das Letras, pp. 241-248
17. Terras V. Reading Dostoevsky, 1998. Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 184 p.
18. Thaden B.Z. Bakhtin, Dostoevsky, and the Status of the "I". *Dostoevsky Studies*. 1987. № 8. pp. 199-207.
19. Todorov T. Genres in Discourse, 1990. New York: Cambridge University Press, 148 p.
20. Wellek R. Bakhtin's View of Dostoevsky: "Poliphony" and "Carnavalesque". *Dostoevsky Studies*. 1980. № 1. pp. 31-41.

Информация об авторах

Присцила Насцименто Маркес, доктор философии по русской культуре и литературе и аспирант в Университете Сан-Паулу по исследованию ранних работ Выготского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7111-6372>, e-mail: priscilanm@gmail.com

Information about the authors

Priscila Nascimento Marques, PhD in Russian Culture and Literature and post-doctoral fellow at University of São Paulo with a research on Vygotsky's early writings, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7111-6372>, e-mail: priscilanm@gmail.com

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

Достоевский в англоязычной литературе

Головяшкина М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9451-7101>, e-mail: golovyashkinama@mgppu.ru

В статье ставится задача изучить степень влияния известных произведений Ф.М. Достоевского на англоязычную литературу и культуру в целом. Приведены высказывания великих англоязычных литературных классиков о произведениях Достоевского и русскоязычном романе. Кроме того, в статье представлен перечень спецкурсов, которые изучаются в настоящий момент в университетах и колледжах США и Великобритании, посвящённых Достоевскому. Автор рассматривает основные критические статьи, очерки и диссертации, касаемые работ Достоевского, которые были написаны известными англоязычными писателями-романистами и литературными критиками той эпохи и последователями. Среди них: Мэтью Арнольд, Джордж Гиссинг, Джордж Мередит, Оскар Уайлд и другие. В статье описывается трактовка их мнения о работах великого русского писателя и о степени влияния творчества Достоевского на литературные тенденции его современников. Приводится сравнение между образами героев романов Достоевского и других англоязычных авторов, которые порой поразительны.

Ключевые слова: российская и зарубежная литература, англоязычная литература, произведения Достоевского.

Для цитаты: Головяшкина М.А. Достоевский в англоязычной литературе [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 49—56. DOI:10.17759/langt.2020070104

Dostoevsky in English Literature

Marina A. Golovyashkina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9451-7101>, e-mail: golovyashkinama@mgppu.ru

There is the task of studying the degree of influence of the famous works of F.M. Dostoevsky on English-language literature and culture in general. Statements are given and the opinion of the great English-speaking literary classics about the works of Dostoevsky and the Russian-language novel is described. The author considers the main critical articles, essays and theses related to the Dostoevsky and his works, written by famous English-speaking novelists and literary critics of that era and the next one. Among them: Matthew Arnold, George Gissing, George Meredith, Oscar Wilde and others. The article describes the interpretation of their opinions about the

great Russian writer's works and on the degree of his influence on the literary trends of his contemporaries. The author gives a comparison between the images of the characters of the Dostoevsky novels and other English-speaking authors, which is sometimes amazing. In addition, the article presents a list of special courses that are currently being studied at universities and colleges in the USA and Great Britain dedicated to Dostoevsky.

Keywords: Russian and Foreign Literature, English-Language Literature, Works of Dostoevsky.

For citation: Golovyashkina M.A. Dostoevsky in English Literature. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 49—56. DOI:10.17759/langt.2020070104 (In Russ.).

В многовековой истории российских и зарубежных литературных связей особое внимание уделяется мировому признанию русской литературы. Как показывает исследование подобных литературных отношений, с каждым поколением проявляется все больший взаимный интерес к зарубежной классике как со стороны российской, так и со стороны англоязычной литературы. Предметом нашего исследования стала литература на английском языке и произведения Достоевского как часть данной культуры.

В список произведений, необходимых для обязательного изучения каждому образованному жителю Британии и Америки, входят: И. Тургенев «Отцы и дети», Ф. Достоевский «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» [1].

За последние годы написаны докторские диссертации в контексте литературного прогресса в Англии о восприятии творчества Достоевского и Тургенева и выпущены на данную тему монографии [1]. Вопрос творческого наследия русских классиков — Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Шолохова, Горького — и его значение для известных романистов Англии XIX–XX вв. требует пристального внимания и дальнейшего исследования оценки английскими писателями литературной современности и русской классики. Так, этим исследованиям посвящены такие труды академика М.П. Алексева, как «Мировое значение «Записок охотника»» (1955), «Мировое значение Гоголя» (1954), «Из истории английской литературы. Этюды. Очерки. Исследования» (1960), а также его докторская диссертация «Очерки из истории англо-русских отношений XI–XVII веков».

Присущий российской литературе реализм вызывал интерес у английских писателей непрерывающимся поиском объективного изображения правды, выразительностью национального характера, широтой жизненных образов, самобытностью авторской позиции, демократизмом и гуманизмом идейного содержания. Русские классические произведения привлекали внимание англичан и американцев оригинальностью описаний природы, жанровым своеобразием и мастерством сюжетных композиций.

Мэтью Арнольд, критик и публицист, в статье «Граф Лев Толстой» (1887 год) писал, что английские произведения уже вышли из-под настойчивого влияния французских произведений и заметным становится поворот в сторону русского романа. М. Арнольд писал: «Русский роман получает теперь известность и заслуживает этого. Если новые произведения окажутся на уровне этой популярности и даже увеличат ее, то нам всем придется изучать русский язык».

Еще один яркий пример подобных литературных преобразований, но уже основанный на диалоге русского писателя с английским романистом: Джордж Гиссинг сравнивает Диккенса с Достоевским в книге о Чарлзе Диккенсе (1898г.) и отмечает сходство Диккенса в

подаче характеров и образов героев с Достоевским, что, по его мнению, проявляется и в особенностях юмора, и в сочувственной симпатии по отношению к угнетенным детям, и в чудаковатости героев. Гиссинг, сопоставляя работы этих писателей, останавливается также на их различиях, заключающихся в оценке жизненных трагедий. В романах Диккенса печальные есть истории, в которых автор нигде не прибегает к основам подлинного трагизма, лишь иногда в сентиментальной чувствительности растворяется все печальное. А вот романы Достоевского, по мнению Гиссинга, являются истинно трагедийными [5].

Этический гуманизм и психологическая глубина романов Достоевского поражали и других писателей англоязычной литературы. В творчестве Джорджа Мередита (1828–1909), английского романиста, прослеживается связь сатирической традиции с поисками иных путей и новых принципов поэтической изобразительности: приближение структуры романа к драматическим произведениям и принцип драматизации повествования, смесь комедии с трагедией. Мередит проявляет попытки к обогащению структуры романа необычными формами диалога, выражает себя в мастерстве ярких и запоминающихся сцен драматической напряженности. [2].

В своей любви к драматизации жанра, вслед за Достоевским, Мередит был не одинок. Так, в работах Джозефа Конрада, Томаса Гарди, Джорджа Мура и других проявились характерные для литературного процесса на рубеже XIX–XX вв. тенденции, чему в большей степени способствовало знакомство англоязычных авторов с романами Достоевского. Мередит признавал и приветствовал «пробудившийся дух России».

Творчество Достоевского, влияющее на англоязычную литературу XX столетия, наметило тенденцию в развитии интеллектуального, драматического, психологического романа. Признание и интерес к русской классике привел к творческим изысканиям, характерным для многих английских писателей различных литературных направлений — натурализма, реализма, эстетизма. Джордж Гиссинг, писатель натуралист (1857–1903), проявлял изрядный интерес к творчеству Толстого, Тургенева, Достоевского, и в 1881 году он наладил долгосрочные литературные связи с журналом «Вестник Европы». Также в некоторых романах Джозефа Конрада (1857–1924) явно выделяется тенденция к неоромантизму, в которой явно прослеживается влияние Достоевского. Это проявляется также и в романе «На взгляд Запада», который Конрад написал в 1911 году, несмотря на отрицательные отзывы, которые автор данного романа публиковал о Достоевском. Сюжет произведения «На взгляд Запада» Конрада дублирует ключевую линию сюжета романа «Преступления и наказания» Достоевского [3].

Оба героя этих романов являются студентами. Они совершают жестокое преступление, глубоко переживают и терзаются, а в завершение каются в содеянном. В обоих романах это была исповедь, обращенная к возлюбленной. В романах Достоевского и Конрада читаются схожие образы Раскольников и Разумова. Также в обоих романах преступник может остаться безнаказанным.

Подобное очевидное сходство Разумова и Раскольника по большому счету только внешнее, так как природа их характеров различна. В отличие от гуманистического оттенка романов Достоевского, который осуждает эгоизм и индивидуалистическую подноготную героев, показывает тяготы и трагичность жизни оскорбленных и униженных, Конрад нацелен на передачу образа западного человека через раскрытие сложных судеб определенных личностей. Во время психолого-философских размышлений Достоевского о неизбежности человеческого протеста и негодования при встрече с несправедливостью и злом общества, Конрад делает акцент на бессмысленном унынии, провоцируемом нерациональной тиранией.

В романе Конрада ярко прослеживается скептическое отношение к межличностной борьбе и протестному фатализму. Конрад взывал к человечности и внутреннему миру личности, при этом оставаясь психологом, художником-маринистом и мастером-импрессионистом.

Оскар Уайлд выдвигал культ прекрасного как антипод филистерства буржуазной действительности. Имея стойкое нежелание быть причастным к реализму, Уайлд высоко оценивал некоторых российских писателей, таких как Достоевский, Тургенев и Толстой. Парадоксально и неожиданно его заявление, что литература — это царство лжи. В этом отражается эстетизм и гедонистическая позиция автора. Уайлд проявлял заинтересованность в творчестве Достоевского, в частности, и в русской литературе, в целом. Переплетая ноты красоты с трагизмом, автор объяснял это своим интересом к произведению «Униженные и оскорбленные». Глубокий анализ этого произведения Достоевского отражается в статье «Новые романы» Уайлда в 1887 году. В ней отмечается свойственная Достоевскому напряженная страсть, мастерское распознавание глубинных тайн и скрытых психологических сторон жизни, а также глубокомысленность импульсивных терзаний души [3].

Нельзя обойти вниманием «Братьев Карамазовых», где Уайлд подчеркивает проблемы добра и зла. В своем анализе Уайлд обращает внимание читателей на эстетическую сторону романа Достоевского. Отсюда суждение автора о том, что Достоевский с одинаковым гуманным состраданием относится к каждому герою своих романов – и к тем, кто творит зло, и к тем, кто терпит это зло на себе.

Анализ романа, данный Уайлдом, противоречив. В некоторых статьях преобладает индивидуализм и эстетство, в других он выражает недовольство буржуазной Англией и критикует излишнюю сочувственность в отношении к социалистическим идеям. Он писал в статье 1891 г., что расцвет личности наступит при социализме.

Находясь под влиянием идей Достоевского, Уайльд часто нарочито преодолевал аморализм и эстетство в своем литературном творчестве, выражая это в своих диалогах и статьях. В данном плане иллюстративны сказки Уайльда, которые стали частью сборника «Гранатовый домик» (1891г.) и «Счастливый принц и другие сказки» (1888г.). Уайльд рисует в своих литературных сказках яркий мир, искрящийся всеми цветами радуги. Он соединяет приоритеты красоты с этикой, избегая циничную позицию гедониста.

Большую заинтересованность к русской литературе демонстрировали и писатели-модернисты Англии, такие как Вирджиния Вулф (1882–1941), Дэвид Герберт Лоуренс (1885–1930). Они жили в то время, когда интерес к русской литературе стал распространенным явлением в Англии. Рубеж XIX–XX вв. сыграл решающую роль в приобщении англичан к русской культуре, «русской душе» и особенностям национального характера. В данный период привлекает внимание особенность национальной идентичности как писателей и экспертов гуманитарных наук, так и самих читателей. В этот период появляется такое явление как имагология, которое сейчас приобрело большую популярность и в литературоведении стало одним из течений, которое перетекло в специальную дисциплину, которую изучают в университетах Англии и не только. Имагология обладает своими определенными целями и задачами, контактируя при этом с выявлением межлитературных компонентов: образа человека и его образного восприятия народа и страны в целом, а также особенности национального характера [3].

Голсуорси писал в статье «Русский англичанин» о русскоязычной литературе: «Поразительная искренность и правдивость Чехова, Гоголя, Достоевского, Тургенева и Толстого позволили мне проникнуть в некоторые тайны русской души <...> Ваша литература, во всяком случае за два последних десятилетия, сильно повлияла на нашу. Русская проза

ваших мастеров — это самая мощная животворная струя в море современной литературы. Ваши писатели внесли в художественную литературу <...> прямоту в изображении увиденного, искренность, удивительную для всех западных стран» [4].

В эпоху все большего увеличения интереса англоязычных писателей к русской литературе Дэвид Герберт Лоуренс хорошо отзывался о романах Достоевского, имел его книги у себя в библиотеке и много писал о них в дневниковых записках и других переписках. Он помогал переводить на английский язык книги русских писателей своему другу Котельянскому. Письма Лоуренса доказывают тот факт, что автор проявлял живую заинтересованность в новых произведениях многих русскоязычных современников, делился своим мнением об их работах с родными и близкими людьми, спешил узнать их лично. Он часто восхищался «определенной моральной схемой», которая присуща многим русским писателям. Автор находил истинную жизнь именно в подобного рода творчестве.

Форстер вступает в конфликт с эстетикой модернизма в «Аспектах романа». Истинно выдающимися романистами-виртуозами Форстер считает тех, кто имеет дар воссоздания многогранных человеческих характеров. Такими писателями он считает Достоевского, Флобера и Филдинга (1924) [3].

Несомненным фактом является признание англоязычными писателями и критиками непревзойденного таланта Достоевского, и это в некоторой степени повлияло на основные тенденции писательства того времени. Что же касается современности, то мы и здесь ощущаем большой интерес и признание русской классической литературы как части мировой и англоязычной культуры.

В Columbic University, East Michigan University, University of Adelaide Library, Valparaiso University, Wheaton College проходит курс «Russian literature» («Русская литература»), где изучается Достоевский наряду с другими русскими писателями. Boston University предоставляет спецкурс «Comparative Russian Literature» («Сравнительная русская литература»), где изучаются ключевые произведения русских классиков. На спецкурсе «World writers» («Мировые писатели») в Northwestern Connecticut Community College студенты имеют возможность изучать Достоевского, и др. писателей и поэтов. В Reed College проводится «Russia Course», где Достоевский изучается наряду с другими разделами (политика, история, культура, география и др.) и позволяет студентам данного колледжа получить довольно обстоятельное представление о России.

В заключение отметим, что Ф.М. Достоевский, как и многие другие русские писатели, широко известен в англоговорящих странах, русская литература стала частью общей мировой художественной культуры за рубежом.

Изучением творчества русских писателей занимаются многие литературные критики зарубежных стран, Англии и Америки в том числе. Таким образом, русская литература становится неотъемлемой частью знаний англоговорящих людей о России и русской литературе.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2016. СПб.: Азбука-Аттикус, 300 с.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. 1965. М.: Художественная литература. 219 с.
3. *Бузина Т.В.* Достоевский в американской культуре и литературоведении // Достоевский и XX век: в 2 т. Т. 2. / под ред. Т.А. Касаткиной. 2007. М.: ИМЛИ РАН. С. 317-335.

4. Вулф В. Обыкновенный читатель. 2012. М.: Наука, 723 с.
5. Вулф В. Современная художественная проза // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. 1986. М.: Прогресс, 640 с.
6. Голсуорси Дж. Собрание сочинений: в 16 т. Т.16. 1962. М.: Правда, С. 370–372.
7. Джерманович Т. Достоевский между Россией и Западом: пер. с исп. Зориной-Карякиной И. 2013. М.: Центр книги Рудомино, 352 с.
8. Зенкевич И.В. Состояние русистики в США в XXI веке: место русского языка в системе американского образования [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Том 184. № 7. С. 117-123. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-117-123
9. Махмудова С.М. Поэтика Флоренции в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 2. С. 17–22. DOI:10.17759/langt.2019060203
10. Николукин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США. 2012. М.: Наука. 352 с.
11. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. 2014. В., 39 с.
12. Хаджикосев С. Д. Западноевропейская литература. Ч. 6. 2010. С.: Сиела. 416с.
13. Хуснулина Р.Р. Английский роман XX века и наследие Ф.М. Достоевского. 2005. К.: Изд-во Казанского университета. 260 с.
14. *Dostoevsky F.* Notes from the Underground and the Gambler: trans. Jane Kentish. 2008. O.: Oxford University Press. 284 p.
15. *Dostoevsky F.* The House of the Dead and The Gambler: trans. Constance Garnett. 2010. W., H.: Wordsworth Edition. 454 p.
16. *Dostoevsky F.* The Grand Inquisitor: trans. Blavatsky H. P. [Электронный ресурс]. 2005. PG: Language and Literatures: Slavic. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/8578>. (Дата обращения 27.02.2020)
17. *Dostoyevsky F.* The Idiot: trans. Martin E. [Электронный ресурс]. 2005. PG: Language and Literatures: Slavic. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2638>. (Дата обращения 27.02.2020)
18. *Dostoyevsky, F.* The Brothers Karamazov: trans. Garnett C. [Электронный ресурс]. 2005. PG: Language and Literatures: Slavic. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/28054>. (Дата обращения 27.02.020)
19. *Hirsch E.D. Jr.* Cultural Literacy. What every American needs to know. 1987. B.: Houghton Mifflin Company. 252 p.
20. *Paris B.J.* Dostoevsky's Greatest Characters: A New Approach to "Notes from the Underground", "Crime and Punishment", and "The Brothers Karamazov". 2008. US: Palgrave Macmillan. 233 p. DOI: 10.1057/9780230610569

References

1. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo, 2016. Saint-Petersburg: Azbuka-Attikus, 300 p. (In Russ.).
2. Boborykin P.D. Vospominaniya: v 2 t. Т. 2. 1965. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 219 p. (In Russ.).
3. Buzina T.V. Dostoevskii v amerikanskoj kul'ture i literaturovedenii // Dostoevskii i XX vek: v 2 t. Т. 2. In Kasatkinoi T.A. (ed.). 2007. Moscow: IMLI RAN. pp. 317-335. (In Russ.).
4. Vulf V. Obyknovennyi chitatel'. 2012. Moscow: Nauka, 723 p. (In Russ.).

5. Vulf V. *Sovremennaya khudozhestvennaya proza. Nazyvay' veshchi svoimi imenami. Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeiskoi literatury XX veka*. 1986. Moscow: Progress, 640 c. (In Russ.).
6. Golsuorsi Dzh. *Sobranie sochinenii: v 16 t. T.16*. 1962. Moscow: Pravda, pp. 370–372. (In Russ.).
7. Dzhermanovich T. *Dostoevskii mezhdru Rossiei i Zapadom: per. s isp. Zorinoi-Karyakinoi I*. 2013. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 352 p. (In Russ.).
8. Zenkevich I.V. *Sostoyanie rusistiki v SShA v XXI veke: mesto russkogo yazyka v sisteme amerikanskogo obrazovaniya [Russian studies in the USA in the XXI century: the Russian language in American education]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta= Tomsk state pedagogical university bulletin*, 2017. Vol 184, no. 7, pp. 117-123. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-117-123. (In Russ.).
9. Makhmudova S.M. *Poetika Florentsii v tvorchestve Dostoevskogo [Poetics of Florence in the works of Dostoevsky]*. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 2, pp. 17–22. DOI:10.17759/langt.2019060203. (In Russ.).
10. Nikolyukin A.N. *Vzaimosvyazi literatur Rossii i SShA*. 2012. Moscow: Nauka. 352 p. (In Russ.).
11. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk. 2014. Volgograd, 39 p. (In Russ.).
12. Khadzhikosev S. D. *Zapadnoevropeiskaya literatura*. Ch. 6. 2010. Sofia: Siela. 416 p. (In Russ.).
13. Khusnulina R.R. *Angliiskii roman KhKh veka i nasledie F.M. Dostoevskogo*. 2005. K.: Publ. Kazanskogo universiteta. 260 p. (In Russ.).
14. Dostoevsky F. *Notes from the Underground and the Gambler*: trans. Jane Kentish. 2008. Oxford: Oxford University Press. 284 p.
15. Dostoevsky F. *The House of the Dead and The Gambler*: trans. Constance Garnett. 2010. Ware, Herts: Wordsworth Edition. 454 p.
16. Dostoevsky F. *The Grand Inquisitor*: trans. Blavatsky H. P. [Elektronnyi resurs]. 2005. PG: Language and Literatures: Slavic. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/8578>. (Accessed 27.02.2020)
17. Dostoyevsky F. *The Idiot*: trans. Martin E. [Elektronnyi resurs]. 2005. PG: Language and Literatures: Slavic. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/2638>. (Accessed 27.02.2020)
18. Dostoyevsky, F. *The Brothers Karamazov*: trans. Garnett C. [Elektronnyi resurs]. 2005. PG: Language and Literatures: Slavic. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks/28054>. (Accessed 27.02.020)
19. Hirsch E.D. Jr. *Cultural Literacy. What every American needs to know*. 1987. Boston: Houghton Mifflin Company. 252 p.
20. Paris B.J. *Dostoevsky's Greatest Characters: A New Approach to "Notes from the Underground", "Crime and Punishment", and "The Brothers Karamazov"*. 2008. US: Palgrave Macmillan. 233 p. DOI: 10.1057/9780230610569

Информация об авторах

Головяшкіна Марина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9451-7101>, e-mail: golovyashkinama@mgppu.ru

Головяшкина М.А.
Достоевский в англоязычной литературе
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 49–56.

Golovyashkina M.A.
Dostoevsky in English Literature
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 49–56.

Information about the authors

Golovyashkina Marina Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9451-7101>, e-mail: Golovyashkinama@mgppu.ru

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

П.Н. Медведев о методологических основах изучения творчества Ф.М. Достоевского

Баталова Т.П.

Государственный социально-гуманитарный университет (ГСГУ), г. Коломна, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4282-3756>, e-mail: batalovatp@yandex.ru

Федянова Г.В.

Государственный социально-гуманитарный университет (ГСГУ), г. Коломна, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1146-5618>, e-mail: batalovatp@yandex.ru

В предлагаемой статье анализируются методологические принципы изучения творчества Достоевского, разработанные выдающимся литературоведом, критиком и публицистом 1920 – 1930-х гг. Павлом Николаевичем Медведевым, репрессированного по фальсифицированному политическому обвинению и расстрелянного НКВД в 1938 г. Главный труд учёного - «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» - в 1973 году незаконно был приписан М. М. Бахтину, а его имя - превращено в литературную «маску» М. М. Бахтина. Работы П. Н. Медведева 1920-30-х гг., опубликованные в настоящее время в двухтомном «Собрании сочинений» П. Н. Медведева, (СПб.: «Росток» 2018), доказывают необходимость изучения его исследований о «жанре», идее автора, которая в произведениях Достоевского связана с Православным воззрением. Результаты проведённого исследования показывают оригинальность методологических принципов П. Н. Медведева и доказывают необходимость возвращения в науку имени этого выдающегося учёного и его трудов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, П.Н. Медведев, роман, идея, герой, творчество, жанр.

Для цитаты: Баталова Т.П., Федянова Г.В. П.Н. Медведев о методологических основах изучения творчества Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 57—65. DOI:10.17759/langt.2020070105

P.N. Medvedev on the Methodological Foundations of the Study of the Work of F.M. Dostoevsky

Tamara P. Batalova

State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4282-3756>, e-mail: batalovatp@yandex.ru

Galina V. Fedyanova

State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1146-5618>, e-mail: batalovatp@yandex.ru

This article considers the methodological principles of studying the work of Dostoevsky, developed by an outstanding literary critic, critic and publicist of the 1920s and 1930s. Pavel Nikolayevich Medvedev, who was repressed on falsified political charges and shot by the NKVD in 1938. The scientist's main work is “The formal method in literary criticism. A Critical Introduction to Sociological Poetics”- in 1973 it was illegally attributed to M. M. Bakhtin, and his name was turned into a literary “mask” by M. M. Bakhtin. The works of P. N. Medvedev of the 1920s and 30s, currently published in the two-volume Collected Works of P. N. Medvedev, (St. Petersburg: Rostock 2018), prove the need to study his research on the “genre”, the idea of the author, which in the works of Dostoevsky is associated with the Orthodox view. The results of the study show the originality of the methodological principles of P. N. Medvedev and prove the need to return to science the name of this outstanding scientist and his works.

Keywords: F.M. Dostoevsky, P.N. Medvedev, Novel, Idea, Hero, Creativity, Genre.

For citation: Batalova T.P., Fedyanova G.V. P.N. Medvedev on the Methodological Foundations of the Study of the Work of F.M. Dostoevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 57—65. DOI:10.17759/langt.2020070105 (In Russ.).

В начале 2019 г. вышло в свет двухтомное «Собрание сочинений» Павла Николаевича Медведева (1891 – 1938). Эта книга восстанавливает, выводит из забвения имя выдающегося учёного, литературоведа, критика 1920 – 1930-х гг., репрессированного и расстрелянного по фальсифицированному политическому обвинению и позднее реабилитированного. Но в 1973 г. имя П.Н. Медведева, так же, как и имя В.Н. Волошинова, было превращено в литературную «маску» М.М. Бахтина.

Авторское имя П.Н. Медведева ждало своей реабилитации до выхода вышеназванного двухтомника. Павел Николаевич Медведев – литературовед, критик, общественный деятель. Научная проблема, которую он разрабатывал – методологические основы литературоведения. Главные его труды – «Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» (1928) и «В лаборатории писателя» (1933).

Главным предметом исследования этого учёного были закономерности развития русской литературы, методология его изучения. В «Собрании сочинений» П.Н. Медведева опубликована лишь треть выявленных на сегодня его работ. Это работы о русских классиках – Пушкине, Гоголе, Льве Толстом, Тургеневе, Достоевском - и о современных ему писателях - Ал. Блоке, А. Белом, С. Есенине, Ф. Сологубе, И. Анненском, О. Форш. Медведев писал и о новых литературных направлениях, и о современных ему критиках. В методологическом отношении он критиковал формальный метод, противопоставляя его социологической поэтике.

В январе 1917 г., П.Н. Медведев писал: «...самим ходом своего развития, силою традиций и властью малокультурности русская критическая мысль двинута по ложному пути, <...>. Воспитанная на механическом мирозерцании, она и в область искусства внесла его губительные навыки и методы. Строительство критической мысли было подчинено

принципам инженерного мастерства» [Медведев: 1,178].

Таким образом, своими работами П.Н. Медведев направлял развитие критики, а через неё – и развитие литературы.

П.Н. Медведев читал лекции о Достоевском, написал ряд статей о творчестве писателя, по поводу появившихся тогда изданий. И хотя у Медведева нет монографии, посвящённой Достоевскому, всё, написанное им о Достоевском, – лаконично, точно, выверено и глубоко. Здесь учёный выделяет основные методологические принципы изучения творчества Достоевского.

Большое внимание П.Н. Медведев уделял проблеме гениальности. Собранный им и систематизированный материал позволяет выделить особый репрезентативный ряд в искусстве: Данте, Микеланджело, Шекспир, Байрон, Гёте, Бах, Скрябин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой и многие другие объединены своей значимостью в мировой культуре.

Непосредственно имя Достоевского включено в, так сказать, Русский литературный ряд, представляющий в то же время мировую литературу. П.Н. Медведев писал: «Именно на примере Гоголя, как и Толстого и Достоевского, ясно видно, что гений всегда больше и полнее, чем художник, каким бы исключительным талантом певучей силы последний не был бы одарён. Удел таланта, удел только художника – творчество новых мыслей, новых слов, новых книг. Удел гения – творчество или, по крайней мере, алкание новых форм жизни, нового бытия» [Медведев: 1,191].

Медведев отмечал особое место Достоевского не только в развитии русской литературы, но и культуры, общественной жизни: «До революции не для одного поколения русской интеллигенции Достоевский был подлинным властителем дум» [Медведев: 245].

Эффект воздействия художественного произведения на читателя выясняется П.Н. Медведевым через его учение о жанре: «Жанр», по Медведеву, — это конкретная художественная форма овладения и завершения данным писателем объективной действительности [Медведев:2,198-211].

При создании художественного произведения писатель через жанр видит действительность.

Применяя это положение к нашему восприятию романного наследия Достоевского, в частности, «Бесов», мы должны согласиться, что через жанр своего романа Достоевский видел «бесноватость» «сбившихся с пути» предводителей потерявшей веру молодёжи. Исторически эта ситуация усложнилась, переросла в революцию 1917 г. Русская интеллигенция приняла это обстоятельство за реализацию романа «Бесы».

В 1918 г. Н.А. Бердяев трактует роман Достоевского «Бесы» как предвидение русской революции. «Когда в дни осуществляющейся революции перечитываешь «Бесы», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было всё так предвидеть и предсказать <...> «Бесы» - книга пророческая. Достоевский видел духовным зрением, что русская революция будет именно такой и иной быть не может. Он предвидел неизбежность беснования в революции» [Бердяев: 61]. О тяжёлых впечатлениях, возникающих при сопоставлении романа «Бесы» и революционных событий, в том же 1918 г. пишет С.С. Борщевский: «Жуткие образы Липутина, Верховенского и присных обрели своё выражение в злобе нашего дня, воплотились в живых людей современности. И Россия, в массе безграмотная, читает, не ведая того, пророческие страницы “Бесов”» [Борщевский:21].

Особое место в этом отношении занимает написанная в январе 1918 г. поэма Ал. Блока «Двенадцать». Можно полагать, что в образах Двенадцати нашли своё развитие Федька

Каторжный и Фомка Шпигулинский («Бесы»).

Интерес к Достоевскому усилился в связи с отмечаемым в 1921 г. столетием со дня рождения писателя. «Литературные круги готовятся к чествованию памяти Достоевского. Пушкинский Дом в Петрограде устраивает <...> выставку и торжественное собрание с участием литературных организаций. То же в более широких размерах предположено в Москве» [ВЛИТ:10.18].

Существовавшее в обществе противоречивое отношение к Достоевскому отразилось на страницах журнала Русского библиологического общества «Вестник литературы» (ВЛИТ). В журнале опубликованы статьи с позитивной оценкой Достоевского А.С. Долинина [ВЛИТ:2,3], Петра Быкова [ВЛИТ:2,4-5], А.Ф. Кони [ВЛИТ: 2,6 – 9] и др. В статье В.Б. Врасной «Достоевский о Пушкине» читатели знакомы с поступившими в ИРЛИ ранее неопубликованными фрагментами черновиков речи Достоевского о Пушкине на Пушкинском празднике 8 июня 1880 г. [ВЛИТ:2,5 – 6]. Видимо, для соблюдения объективности редактор журнала Е.А. Кауфман печатает в №10 журнала «Особое мнение» о Достоевском Ю.И. Айхенвальда, который пишет: «И потому создатель “Бесов” - живой, одушевлённый эпиграф к теперешней кровавой летописи; мы нынче как бы перечитываем, действительно и страдальчески перечитываем этот роман, претворившийся в действительность». Заданность «особого» мнения потребовала финала, противоречащего основному содержанию статьи: «<...> нам, гражданам социалистического отечества, с Достоевским не по пути» [ВЛИТ:10.1].

Эта ситуация раскрывается теорией «жанра» П.Н. Медведева. Дело не в том, что Достоевский предвидел революцию в России, а в том, насколько глубоко он проник в особенности русской жизни, которые развились в новые формы бытия: из частных черт превратились в общие, государственные.

Таким образом, в 1872 г. Достоевский «овладел» русской действительностью и «завершил» русскую действительность того времени в жанре «Бесов». Художественные образы этого романа помогли осмыслить сущность нового исторического этапа в России 1917 г.

В 1922 г. в Москве Центрархивом (и в Мюнхене) по корректурным листам под названием «Исповедь Ставрогина» впервые была издана глава романа Достоевского «Бесы» «У Тихона», изъятая из романа при публикации в «Русском Вестнике» [см.: Медведев: 1, 245]. В связи с этим развернулись дискуссии о прототипах Ставрогина (Нечаев? Бакунин? Спешнев?) и о возможности восстановления «усекновенной главы» «Бесов» в тексте романа при его переиздании. По этим вопросам появился ряд исследований: (А.С. Долинина - «Исповедь Ставрогина» [Долинин:], Н.Л. Бродского - «Угасший замысел» [Бродский], В.Л. Комаровича - «Неизданная глава романа “Бесы”» [Комарович], С.П. Бобров - «Я, Николай Ставрогин» [Бобров], Л.П. Гроссмана - «Стилистика Ставрогина» [Гроссман], его же - «Спешнев и Ставрогин» [Гроссман], Вяч. П. Полонского - «Николай Ставрогин и роман “Бесы”», [Полонский], Ал. Бёма - «Эволюция образа Ставрогина» [Бём], его же - «Сумерки героя» [Бём], С.И. Гессена - «Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина)» [Гессен].

Но П.Н. Медведев подчёркивает, что для Достоевского при создании произведений первоочередной задачей было не создание образа героя, не поиск его прототипа. Главным для писателя было «напасть на идею». Поэтому при исследовании творчества Достоевского главное внимание необходимо обращать на Идею. Критик проявляет особое внимание к свидетельствам Аверкиева и исследованию Б.М. Энгельгардта, опирается на них в своих выводах. Аверкиев сообщает: «По словам Фёдора Михайловича, при создании

художественного произведения важнее всего предварительно напасть на удачную идею. В этом – главная трудность. <...> Напасть на удачную идею для него значило уловить явление важное в общественном смысле, и притом, именно такое, на которое в настоящую минуту следовало обратить внимание» [Медведев: 2,392]. Не случайно П.Н. Медведев в сборнике «Достоевский. Статьи и материалы (Под ред А.С. Долинина. Пгр.: Мысль, 1925) выделяет статью Б.М. Энгельгардта.

«Как раз о роли идейного начала в творчестве Достоевского говорит Б.М. Энгельгардт в великолепной статье “Идеологический роман Достоевского”. Для автора Достоевский – историк “случайного племени”, изобразитель диалектики “идей”: для него романы Достоевского образуют своеобразную художественную “феноменологию духа русской интеллигенции” и “недушевная аналитика”, но духовная проблематика, опирающаяся на диалектический метод, дана в философских концепциях Достоевского. Исходя из этих общих положений, автор намечает интересную тематическую шкалу произведений Достоевского – от тем русского сверхчеловека (Раскольников, Кириллов) до темы русского праведника, оставшейся невоплощённой» [Медведев:1,248].

Таким образом, герой в творчестве Достоевского – воплощение идеи автора, происходящее, как подчёркивает П.Н. Медведев, в «муках творчества».

Один из разделов книги «В лаборатории писателя» назван «Муки творчества». Теоретические постулаты подкреплены многочисленными историческими фактами. Критик изучает эвристические аспекты творчества. Достоевский, наблюдавший как бы со стороны, за пределами творящего «Я» и одновременно постигавший драму «мук творчества», был особенно интересен исследователю.

Образ героя появляется и развивается в соответствии с внутренней логикой замысла писателя. П.Н. Медведев пишет: «Об этой внутренней логике творчества, часто противоречащей сознательным намерениям автора, свидетельствуют очень многие художники. Напомним Достоевского, Л. Толстого и Скрябина, свидетельства которых как ярких художников-индивидуалистов особенно знаменательны» [Медведев: 2, 316].

Особое внимание читателя П.Н. Медведев привлекает к материалам работы Достоевского над «Идиотом». Писатель сообщает в письме к Майкову от 12 января 1868 г. следующее: «В общем план создан. Мелькают в дальнейшем детали, которые очень соблазняют меня и во мне жар поддерживают. Но целое? Но герой?.. Потому что целое выходит у меня в виде героя. Так поставилось. Я обязан поставить образ. Разовьётся ли он под пером? И вообразите, какие сами собой вышли ужасы: оказалось, что кроме героя есть и героиня, а стало быть, два героя!! И, кроме этих героев, есть два характера – совершенно главных, т.е. почти героев. (Побочных характеров, в которых я обязан большим отчётом, – бесчисленное множество, да и роман в 8 частях.). Из четырёх героев – два обозначены в душе у меня крепко, один ещё совершенно не обозначился, а четвёртый, т.е. главный, т.е. первый герой чрезвычайно слаб. Может быть, в сердце у меня и не слабо сидит, но – ужасно труден» [Медведев: 2,316].

Таким образом, в подходах к изучению творчества Достоевского П.Н. Медведев выделяет два важнейших момента: сущность жанра произведения и его идейное начало. В статье «О литературном наследстве Достоевского критик ставит проблему и о третьей коренной черте произведений писателя. Медведев, очевидно, имеет в виду духовную сторону творчества Достоевского – Православное воззрение.

В страстную пятницу 1856 г. Достоевский пишет барону А.Е. Врангелю о статье,

которую он написал на каторге, видимо, мысленно - о христианстве в искусстве: «Всю её до последнего слова я обдумал ещё в Омске. Будет много оригинального, горячего. За изложение я ручаюсь. Может быть, во многом со мной будут не согласны многие. Но я в свои идеи верю и того доволен. Статью хочу просить прочесть предварительно Ап. Майкова. В некоторых главах будут страницы из памфлета. Это, собственно, о назначении христианства в искусстве. Только дело в том, где её поместить?» [Достоевский:28,1,229].

Эту статью, «на след которой удалось напасть», П.Н. Медведев считает «очень важной статьёй». «Это – написанная Достоевским на каторге большая, не менее двух печатных листов статья о христианстве в искусстве. Есть основания полагать, что именно этой статьёй хоть несколько раскрылась бы та духовная революция, которую, несомненно, пережил и выстрадал Достоевский в Сибири.

Во всяком случае без неё этот период, главнейший период жизни Достоевского как-то странно расколот: “Маленький герой”, написанный в 1849 г. в Петропавловской крепости, затем – “Дядюшкин сон” - 1859 г., в том же году “Село Степанчиково и его обитатели”, “Записки из мёртвого дома” - 1861 – 1862 гг. и вдруг – потрясающие “Записки из подполья” и “Преступление и наказание”.

Вышеуказанная статья о христианстве в искусстве, может быть, пролила бы свет на это, не вполне ожидаемое “вдруг”. Нет ли этой статьи в архиве вдовы Достоевского – Анны Григорьевны?» [Медведев:1,204-205]

В Полном собрании сочинений Достоевского к этой статье дан комментарий: «Статья “О назначении христианства в искусстве” была сочинена Достоевским на каторге, но не записана» [Достоевский: 28,1,229].

Если учесть замечание Достоевского, что о «назначении христианства в искусстве» речь идёт в некоторых главах, можно предположить, что впоследствии Достоевский свои мысли выразил в статье «Социализм и христианство».

Сто лет назад, в 1921 г. П.Н. Медведев писал: «Хочется верить, что столетняя годовщина Достоевского напомнит о долге, который не заплачен ещё величайшему нашему писателю, исследователям русской литературы о необходимости собрать, наконец, и подготовить к печати всё, написанное Ф.М. Достоевским о государственной власти – издать полное, действительно полное собрание его сочинений» [Медведев:1,206].

В настоящее время издаётся новое, Полное собрание сочинений Достоевского. Но проблема о «действительно полном» собрании сочинений писателя остаётся.

Изданием Собрания сочинений Павла Николаевича Медведева авторское право писателя юридически восстановлено. Но в Большой Российской энциклопедии в статье В.Л. Махлина «Бахтин Михаил Михайлович» [Махлин] работы П.Н. Медведева приписаны М.М. Бахтину. Та же не отвечающая действительности точка зрения высказана и в статье Д.А. Силичева в “Русской философии” [Силичев]. К сожалению, ложная версия авторства не устранена из каталогов крупнейших российских библиотек – РГБ, РНБ, БРАН; в библиотеках ИМЛИ и ИРЛИ книги П.Н. Медведева читатель может найти только в фонде М.М. Бахтина.

В 1929 г. П.Н. Медведев совершил гражданский подвиг: отредактировал и издал книгу «Проблемы творчества Достоевского» арестованного за участие в философско-религиозном кружке, приговорённого к Соловкам М.М. Бахтина. Позднее, по возвращении М.М. Бахтина из ссылки, П.Н. Медведев помог своему другу, у которого тогда не было документов не только о научной степени, но и об образовании, даже среднем, устроиться преподавателем в Мордовский университет. Помог П.Н. Медведеву его безоговорочный авторитет (ему верили

на слово) и книга «Проблемы творчества Достоевского». Таким образом, П.Н. Медведев спас для науки М.М. Бахтина. Содружество П.Н. Медведева, М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова способствовало при взаимной поддержке их индивидуальностей выработать общую научную концепцию языка и словесного творчества, но не для того, чтобы, воспользовавшись смертью двух из них, приписать все труды одному, пережившему своих друзей третьему!

Правда – и научная, и жизненная – должна быть восстановлена, хотя бы в наше время.

Литература

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. 1918. М.-Пг.: Русская мысль, С.41-80
2. Бём А.Л. Эволюция образа Ставрогина (К спору об «Исповеди Ставрогина»). // Труды 1-го Съезда Русских академических организаций за границей. 1931. С., С.177-213.
3. Бём А.Л. Сумерки героя. (Этюд к работе: Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Достоевского) // Научные труды Русского народного университета в Праге. 1931. Т. 4. С. 158-172
4. Бобров С.П. «Я, Николай Ставрогин...» // Красная новь. 1922. № 2. С.332-336.
5. Борщевский С.С. Новом лице в «Бесах» Достоевского//Слово о культуре. Сборник критических и философских статей. 1918. М.: Издание М. Гордон-Константиновой, С.21 – 46.
6. Бродский Н.Л. Угасший замысел. // Документы по истории литературы и общественности. Вып. Первый. Ф.М. Достоевский. 1. «Исповедь Ставрогина». 2. План «Жития великого грешника». 1922. М.: Изд-во Централхива РСФСР, С. 47-59.
7. Кауфман А.Е. Вестник литературы (ВЛИТ). Пгр: Четвертая государственная типография. 1921. Том 34. № 11.
8. Гессен С.И. Трагедия зла (Философский смысл образа Ставрогина). // Путь. П.. 1932. № 36. С.44 – 74.
9. Гроссман Л.П. Спешнев и Ставрогин. // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С.130-136.
10. Гроссман Л.П. Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы «Бесов». // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы /под ред. А.С. Долинина. Сб. статей. 1925. М.-Л.: Мысль, С. 139-148.
11. Дергачева И.В. Образы Италии в художественном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 4. С. 16–23. DOI:10.17759/langt.2019060403
12. Дергачева И.В. Образы Италии в эпистолярном наследии Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 1. С. 38–44. DOI:10.17759/langt.2019060106
13. Дергачева И.В. «А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 4. С. 9–13. DOI:10.17759/langt.2018050402
14. Дергачева И.В. Концепт Спасения в повести Е.Г. Водолазкина «Лавр» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 2. С. 24–33. DOI:10.17759/langt.2018050204
15. Долинин А.С. «Исповедь Ставрогина» (В связи с композицией «Бесов») // Литературная мысль. Вып. 1. 1933. Пг.: Мысль, С.139-162.
16. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. 1972 – 1990. Л.: Наука.
17. Комарович В.Л. Неизданная глава романа «Бесы» («Исповедь Ставрогина»). // Былое. 1922. № 18. С. 219-226.
18. Махлин В.Л. Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т.3. // Бахтин Михаил

Михайлович. 2005. М.: Большая Российская энциклопедия. С. 130-131.

19. Медведев П.Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т.1. 1918. СПб: Росток, 848 с.

20. Медведев П.Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т.2. 1918. СПб: Росток, 928 с.

21. Силичев Д.Ф. Бахтин Михаил Михайлович. // Русская философия. Энциклопедия. 2007. М.: Алгоритм., С. 41.

References

1. Berdyaev N.A. Duh russkoj revolyucii. *Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revolyucii*. 1918. Moscow-Petrograd: Russkaya mysl', pp.41-80. (In Russ.).
2. Byom A.L. Evolyuciya obraza Stavrogina (K sporu ob «Ispovedi Stavrogina»). *Trudy I-go S"ezda Russkih akademicheskikh organizacij za granicej*. Sofiya, 1931. pp.177-213. (In Russ.).
3. Byom A.L. Sumerki geroya. (Etyud k rabote: Otrazhenie «Pikovej damy» v tvorcestve Dostoevskogo). *Nauchnye trudy Russkogo narodnogo universiteta v Prage*. 1931. Vol. 4. pp. 158-172. (In Russ.).
4. Bobrov S.P. «YA, Nikolaj Stavrogin...». *Krasnaya nov'*, 1922, no. 2, pp.332-336. (In Russ.).
5. Borshchevskij S.S. Novom lico v «Besah» Dostoevskogo. *Slovo o kul'ture. Sbornik kriticheskikh i filosofskih statej*. 1918. Moscow: Publ. M. Gordon-Konstantinovej, pp.21 – 46. (In Russ.).
6. Brodskij N.L. Ugasshij zamysel. *Dokumenty po istorii literatury i obshchestvennosti*. Vol. 1. F.M. Dostoevskij. 1. «Ispoved' Stavrogina». 2. Plan «ZHitiya velikogo greshnika». 1922. Moscow: Publ. Centrarnhiva RSFSR, pp. 47-59. (In Russ.).
7. Kaufman A.E. Vestnik literatury (VLIT). 1921. Petrograd: Chetvertaya gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 34, no. 11. (In Russ.).
8. Gessen S.I. Tragediya zla (Filosofskij smysl obraza Stavrogina). *Put'*. Parizh, 1932. no. 36. pp. 44 – 74. (In Russ.).
9. Grossman L.P. Speshnev i Stavrogin. *Katorga i ssylka*. 1924. n. 4. pp.130-136. (In Russ.).
10. Grossman L.P. Stilistika Stavrogina. K izucheniyu novoj glavy «Besov». Dolinina A.S (eds.). *F.M. Dostoevskij. Stat'i i materialy*. 1925. Moscow-Leningrad: Mysl', pp. 139-148. (In Russ.).
11. Dergacheva I.V. Obrazy Italii v khudozhestvennom nasledii Dostoevskogo [Images of Italy in the artistic heritage of Dostoevsky]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 4, pp. 16–23. DOI:10.17759/langt.2019060403 (In Russ.).
12. Dergacheva I.V. Obrazy Italii v khudozhestvennom nasledii Dostoevskogo [Images of Italy in the artistic heritage of Dostoevsky]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 4, pp. 16–23. DOI:10.17759/langt.2019060403 (In Russ.).
13. Dergacheva I.V. Obrazy Italii v epistolyarnom nasledii Dostoevskogo [Images of Italy in Dostoevsky's epistolary heritage]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 1, pp. 38–44. DOI:10.17759/langt.2019060106 (In Russ.).
14. Dergacheva I.V. «A mne Rossiya nuzhna...»: mysli F.M. Dostoevskogo o Rodine [“And I need Russia ...”: thoughts of F.M. Dostoevsky about the motherland]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 4, pp. 9–13. DOI:10.17759/langt.2018050402 (In Russ.).
15. Dergacheva I.V. Kontsept Spaseniya v povesti E.G. Vodolazkina «Lavr» [The concept of Salvation in the novella "Laurus" by Vodolazkin E.G.]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 2, pp. 24–33. DOI:10.17759/langt.2018050204 (In Russ.).

Баталова Т.П., Федянова Г.В.
П.Н. Медведев о методологических основах
изучения творчества Ф.М. Достоевского
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 57–65.

Batalova T.P., Fedyanova G.V.
P.N. Medvedev on the Methodological Foundations of
the Study of the Work of F.M. Dostoevsky
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 57–65.

16. Dolinin A.S. «Ispoved' Stavrogina» (V svyazi s kompoziciej «Besov»). *Literaturnaya mysl'*. Vol. 1. 1933. Petrograd: Mysl', pp.139-162. (In Russ.).
17. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. V 30 t. 1972 – 1990. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
18. Komarovich V.L. Neizdannaya glava romana «Besy» («Ispoved' Stavrogina»). *Byloe*. 1922. no. 18. pp.219-226. (In Russ.).
19. Mahlin V.L. Bahtin Mihail Mihajlovich. Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya: in 35 vol. Vol.3. 2005. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, pp.130-131. (In Russ.).
20. Medvedev P.N. Sobranie sochinenij: in 2 vol. Vol. 1. 1918. Saint-Petersburg: Rostok, 848 p. (In Russ.).
21. Medvedev P.N. Sobranie sochinenij: in 2 vol. Vol. 2. 1918. Saint-Petersburg: Rostok, 928 p. (In Russ.).
22. Silichev D.F. Bahtin Mihail Mihajlovich. *Russkaya filosofiya. Enciklopediya*. 2007. Moscow: Algoritm. pp. 41. (In Russ.).

Информация об авторах

Баталова Тамара Павловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры литературы и русского языка Государственного социально-гуманитарного университета (ГСГУ), Коломна, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4282-3756>, e-mail: batalovatp@yandex.ru;

Федянова Галина Всеволодовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры литературы и русского языка Государственного социально-гуманитарного университета (ГСГУ), Коломна, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1146-5618>, e-mail: batalovatp@yandex.ru;

Information about the authors

Batalova Tamara Pavlovna, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literature and the Russian Language of the State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4282-3756>, e-mail: batalovatp@yandex.ru;

Fedyanova Galina Vsevolodovna, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Literature and the Russian Language of the State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1146-5618>, e-mail: batalovatp@yandex.ru

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE
STUDY OF LANGUAGES AND CULTURES

Особенности перевода произведений Ф.М. Достоевского на немецкий язык

Киселева И.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-3105>, e-mail: kiselyova-i.d@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности перевода двух произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Бедные люди» на немецкий язык. Автор статьи исследует два немецкоязычных перевода каждого романа (“Schuld und Sühne” и “Rodion Raskolnikoff”, а также два перевода со сходным названием “Arme Leute”), при этом рассматривает передачу реалий быта, русской картины мира, речь героев, и, таким образом, изучает полное отображение особенностей, которые присутствуют в немецкоязычных интерпретациях. В процессе изучения и сравнения выявляются лексические, синтаксические и стилистические расхождения между оригинальными текстами и немецкоязычными переводами и исследуются приёмы перевода в немецкоязычных текстах, которые используют переводчики, чтобы безошибочно передать реалии, отображенные в оригинальных произведениях. Автор статьи также обращается к сравнению самих переводов произведений Ф.М. Достоевского, посредством чего выявляются различия на разных уровнях языка, отображается своеобразие выбора приёмов перевода, которые указывают на стиль и манеры переводчиков.

Ключевые слова: перевод, Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», «Бедные люди», русский язык, немецкий язык.

Для цитаты: Киселева И.Д. Особенности перевода произведений Ф.М. Достоевского на немецкий язык [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 66—75. DOI:10.17759/langt.2020070106

The Distinctive Features of the German Translations of Works by F.M. Dostoyevsky

Irina D. Kiselyova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-3105>, e-mail: kiselyova-i.d@yandex.ru

The article considers the distinctive features of the German translations of two works

by F. M. Dostoyevsky “Crime and Punishment” and “Poor folk”. The author of the article studies two variations of German translations (“Schuld und Sühne” and “Rodion Raskolnikoff”, and also two translations with the similar name “Arme Leute”), moreover, the author takes into consideration the reproduction of the way of life and Russian view of world, characters’ speech, and that’s why explores the full representation of peculiarities that take place in German translations. During the examination and comparison lexical, syntactical and stylistic differences between the original texts and their translations are revealed. The methods of translation are studied in German works, and the author comes to a conclusion that the examined methods of translation allow to convey the way of life, depicted in the original works of the Russian writer. The author of the article also compares the German translations and finds out the differences on levels of language, the variety of methods of translation, which indicates the style of translators.

Keywords: Translation, F. M. Dostoyevsky, “Crime and Punishment”, “Poor Folk”, the Russian Language, the German Language.

For citation: Kiselyova I.D. The Distinctive Features of the German Translations of Works by F.M. Dostoyevsky. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 66—75. DOI:10.17759/langt.2020070106 (In Russ.).

Фёдор Михайлович Достоевский – русский писатель 19 века, перу которого принадлежат такие всемирно известные романы как «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные» и т.д. Автор считается признанным мастером социально-психологического романа, так как в своих произведениях поднимает острые глобальные темы, актуальные и по сей день, например, место личности в обществе, нравственность, судьба человека, несправедливость, жизнь и смерть, добро и зло, вера и атеизм и т.д. Многие критики, писатели и поэты (Белинский, Добролюбов, Майков, Салтыков-Щедрин и другие) отмечали его талант, а также ту оригинальность письма, с которой он изображал действительность социума.

Неудивительно поэтому, что творчество Ф.М. Достоевского известно во всем мире, а его произведения переведены на различные языки. Но так ли верен перевод произведений русского писателя? Правильно ли переданы на иностранных языках быт, речь, реалии русской картины мира, представленной в произведениях Ф.М. Достоевского? Чтобы ответить на эти вопросы, мы проанализировали произведения «Преступление и наказание» и «Бедные люди» в немецком переводе и сравнили их с оригиналами (для более точного анализа были использованы два перевода каждого романа), а также сопоставили немецкие переводы друг с другом.

Стоит отметить, что задача переводчика – сделать настолько близкий по содержанию текст, насколько это возможно при условии сохранения смысловой доминанты [5]. При переводе текста с одного языка на другой могут быть использованы различные приемы, то есть «переводческие операции, направленные на разрешение какой-то проблемы и предполагающие типизированную однотипность осуществляемых переводчиком действий» [9]. В число приёмов перевода входят:

- Конкретизация
- Генерализация

- Антонимический перевод
- Перестановки
- Замены форм слова, частей речи, замены членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении
- Добавления
- Опускания
- Объединение предложений
- Членение предложений и другие приёмы.

Несомненно, переводчики сталкиваются с разными трудностями, желая приблизить текст к оригиналу, например, необходимо правильно подобрать лексику, уметь представить реалии русского быта, передать речевые особенности героев, показать стиль общения и т.д.

Нужно отметить также и то, что существуют разные названия произведения на немецком языке, например, “Schuld und Sühne” («Вина и возмездие»/ «Преступление и наказание»)/ “Verbrechen und Strafe” («Преступление и наказание»/ “Rodion Raskolnikoff” («Родион Раскольников») и другие. Расхождения в переводах названий объяснимы разным пониманием глубокого смысла романа и манерой интерпретации, свойственной переводчику. Нами были рассмотрены перевод с названием “Schuld und Sühne”, и перевод Е.К. Разина под названием “Rodion Raskolnikoff” (“Schuld und Sühne”).

Одной из интересных особенностей переводов является транскрибирование фамилий и имён героев. Но, сравнивая немецкие переводы, мы можем отметить различие в написании фамилий, например, окончания фамилий на -ов могут транскрибироваться как -off или -ow. Замечательно отметить и различия в передаче фамилии одного из героев «Лужин» - Lushin/Лужин (по нормам немецкого языка “sh” означает звук «ж», но такое обозначение не всем немецкоязычным читателем является понятным, так как оно используется лишь в крайних мерах). Второй вариант написания данной фамилии – Luschin/Лу[ш/ж]ин (по нормам немецкого языка возможна и такая транслитерация буквы «ж», но в данном случае может происходить оглушение согласной в середине слова (возникает глухой согласный звук «ш»), и тогда пропадает резкость, отчасти указывающая на негативный оттенок фамилии). Начальные буквы «с» в переводе фамилии Свидригайлов и имени Соня (Сонечка, София) могут удваиваться, чтобы показать звук «с» и не спутать его со звуком «з», который является фонетически верным для слов с начальной “s” перед гласной буквой в немецком языке [10]. В таблице 1 представлено сравнение транслитераций фамилий и имён.

Таблица 1. Сравнение оригинальных фамилий, имён и транслитераций.

Оригинал “Schuld und Sühne” “Rodion Raskolnikoff”

Раскольников Raskolnikow Raskolnikoff

Мармеладов Marmeladow Marmeladoff

Сонечка Sonjetschka Ssonjetschka

Свидригайлов Swidrigailow Sswidrigailoff

Лужин Lushin Luschin

Кроме того, заметным представляется тот факт, что имеющие важную смысловую нагрузку фамилии (Раскольников, Лужин, Разумихин, Лебезятников, Мармеладов, Свидригайлов) невозможно передать в переводе, следовательно, образы героев не до конца раскрыты для немецкоязычных читателей.

Реалии европейского быта иногда вступают в противовес реалиям русской культуры. Так, например, в оригинальном тексте значится, что Родион Раскольников живёт «под крышей

пятиэтажного дома». Переводчику представляет некоторую трудность точный перевод семантики слова «пятиэтажный» так, чтобы фраза не утратила своего прямого значения, потому что в немецкой культуре принято называть второй этаж первым (erster Stock), а первый этаж называют das Erdgeschoß, хотя это зависит от типа здания. В “Schuld und Sühne” использована замена слова «пятиэтажный» на «четырёхэтажный»: “unter dem Dache des hohen, vierstöckigen Hauses” [13], что соответствует реалиям переводимого языка. А в “Rodion Raskolnikoff” не производится замены, переводчик оставляет слово пятиэтажный в соответствии с реалиями русского языка. Но немецкоязычные читатели могут неправильно интерпретировать фразу “unter dem Dache des hohen fünfstöckigen Hauses” [14].

Стоит обратить внимание на то, что другой трудностью при переводе могут стать просторечия или частицы, которые встречаются в речи героев. Например, в речи старухи-процентщицы встречаются слова с частицей –с (словоерс), которые указывают на услужливое поведение героини («Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.» [1]), но словоерс, указывающий на реалии русской культуры 19 века, не может быть передан в немецком переводе: “Anderthalb Rubel und die Zinsen vorweg, wenn es Ihnen so recht ist” [13], и при этом теряется важный элемент смысла текста оригинала.

Как уже было сказано ранее, переводчики используют разные приёмы, чтобы точнее передать реалии русского быта, образы героев, их ощущения и речь. Например, в словосочетании «близость Сенной» [1] Ф.М. Достоевский опускает слово «площадь», которое опытный переводчик добавляет для лучшего понимания фразы – “die Nähe des Neumarktes” [13]. В обоих исследованных нами переводах производится данное добавление.

Или, например, во фразе про дом, заселенный «портными, слесарями, кухарками, разными немцами» [1] при переводе расширяется понятие – «немцы разных профессий»: “Schneider, Schlosser, Köchinnen, Deutsche verschiedenen Berufes” [13].

Еще пример: в оригинале указано сложноподчинённое предложение, состоящее из главного и подчиненного предложений: «Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем» [1]. В немецком переводе “Schuld und Sühne” производится синтаксическая замена, поэтому можно увидеть одно сложное предложение и три простых предложений: “Das kleine Zimmer, in welches der junge Mann eintrat, war gelb tapeziert; an den Fenstern hingen Musselgardinen; auf den Fensterbrettern standen Geranientöpfe; in diesem Augenblick war das Zimmer von der untergehenden Sonne hell erleuchtet” [13].

В переводе “Rodion Raskolnikoff” в этом же предложении можно увидеть не только синтаксическую замену, но и такой приём как членение предложений: “Das kleine Zimmer, in das der junge Mann eintrat, hatte eine gelbe Tapete, Geranien standen dort und die Fenster umrahmten Mousselgardinen. In diesem Augenblick wurde es von der untergehenden Sonne hell erleuchtet” [14].

Мы также обнаружили, что переводчики часто заменяют части речи, например, вместо прилагательных «труслив и забит» используются существительные “Nicht daß Schüchternheit und Feigheit in seinem Charakter gelegen hätten” [13].

Можно обнаружить также и перестановки, которыми нередко пользуются переводчики из-за фиксированного порядка слов в немецком языке и особенностей коммуникативного членения предложений. Например, предложение «Он проснулся на другой день уже поздно...» [1] в переводе под названием “Schuld und Sühne” звучит как “Am andern Tage erwachte er erst spät...” [13].

Примечательны и различия переводов шуточных стихов, которые пел пьяный человек в распивочной. В переводе “Schuld und Sühne” заметно сохранение ритма и рифмы, но ради этого переводчик пожертвовал лексикой, применил необходимую перестановку и синтаксическую замену, замену существительного на местоимение (жену- ihr), генерализацию (вместо «на Подьяческой» – “auf dem Promenadenplatz”/на месте для прогулок), опущения («пошел»), добавления (“währte”/длилось, “Schatz”/возлюбленная), замены части речи (ласкал- “war zärtlich”/был ласковым), но общий смысл стихов сохранён. А в переводе “Rodion Raskolnikoff” заметно сохранение лексики с отсутствием ритма и рифмы, которые присутствовали в оригинале. В данном случае переводчик использует добавления и перестановки, связанные с грамматическим строем немецкого языка (“ich”, “geliebt”, “Weib”). Особенности переводов стихов и их сравнение с оригинальным текстом показаны в таблице 2.

Таблица 2. Сравнение стихов в оригинале и переводах.

Оригинал “Schuld und Sühne” “Rodion Raskolnikoff”

«Целый год жену ласкал,

Це-лый год же-ну лас-кал...

Или вдруг, проснувшись, опять:

По Подьяческой пошел,

Свою прежнюю нашел...» [1]

“Daß ich – zärtlich zu ihr – war,

Währte – wohl ein ganzes Jahr“.

Oder er wachte auf einmal auf und grölte:

„Auf dem Promenadenplatz

Traf ich meinen einst'gen Schatz”. [13]

„Ein ganzes Jahr hab’ ich mein Weib geliebt,

gehätschelt, / Ein gan-zes Jahr hab’ ich mein Weib ge-liebt, ge-hät-schelt ...“

Oder er erwachte plötzlich und sang:/ „Längs der Podjatscheskoi bin ich gegangen, / Hab’ mein

früheres Weib gefunden ...“ [14]

Как можно заметить, сами немецкоязычные переводы разнятся на уровнях языка.

Например, на лексическом уровне:

1. «Она справедливая...» [1] – „Sie ist eine Gerechte...“ [13] – „Sie ist gerecht...“ [14]

Переводчик в “Schuld und Sühne” выбирает субстантивированное прилагательное (Gerechte- справедливый, праведник), а переводчик в “Rodion Raskolnikoff” использует прилагательное.

2. «Прощайте...» [1] – „Adieu. . .“ [13] – „Leben Sie wohl...“ [14]

В переводе “Schuld und Sühne” можно увидеть слово французского происхождения, что не замечено в переводе “Rodion Raskolnikoff”.

3. «юродивые» [1] – „Gottesnärinnen“ [13] – „religiös wahnsinnig“ [14]

Переводчик в “Schuld und Sühne” использует существительное, в то время как в переводе с названием “Rodion Raskolnikoff” мы видим прилагательное.

На синтаксическом уровне можно также увидеть различия двух переводов, например:

1. «[часы] отцовские» [1] – „es ist ein Erbstück von meinem Vater“ [13] – „Sie hat meinem Vater gehört“ [14].

На семантическом уровне тоже видна разница между переводами “Schuld und Sühne” и “Rodion Raskolnikoff”:

1. «А вам какое до нее, батюшка, дело?» [1] – „Was wollen Sie denn von ihr, Väterchen?“ [13] – „Was geht Sie die an, Väterchen?“ [14]

В первом переводе заметно более вежливая форма обращения, чем во втором переводе.

2. «Давайте!» – сказал он грубо» [1]. – „Nun, dann geben Sie her!“ sagte er grob“ [13]. - „Geben Sie das Geld!“ sagte er grob“ [14]. А в данном сравнении глаголы hergeben и geben, hergeben подчеркивают грубый тон голоса Родиона Раскольникова.

Таким образом, можно отметить, что переводы романа «Преступление и наказание» – это интерпретации текста переводчиками. Переводы отличаются от оригинала, отмечаются также различия между самими немецкими переводами на уровне языка. Всё это может указывать на стиль переводчика, на его желание более точно и экспрессивно передать детали.

Обратимся к другому произведению Ф. М. Достоевского. Роман «Бедные люди» был написан в 1844-1845 гг., но впоследствии автор несколько раз дорабатывал произведение. Оно повествует о возвышенной и благородной любви чиновника Макара Девушкина к молодой бедной девушке Варваре Доброселовой. В немецком языке существует несколько переводов произведения. Стоит отметить, что вариаций названий перевода нет, и немецкоязычные читатели знают роман под названием «Arme Leute». Мы исследовали произведение в оригинале и сравнили его с переводом Арнольда Вассербауэра и переводом Германна Рёля.

Необходимо отметить транслитерацию имен и фамилий, например, имя Варенька в переводе А. Вассербауэра написано Warinka, а Г. Рёль не использует уменьшительно-ласкательной формы имени и оставляет полную форму – Warwara, но иногда полной форме имени сопутствуют ласковые слова, например, “liebe” (дорогая). Фамилия Доброселова у переводчика Вассербауэра передана как Dobroselowa, а в переводе Г. Рёля данная фамилия указана как Warwara Dobrosjolowa. Имя и фамилия одного из главных героев, Макара Девушкина, в переводе А. Вассербауэра указано как Makar Djewuschkin, а в переводе Г. Рёля – Makar Dewuschkin.

Анализируя немецкий перевод роман Ф.М.Достоевского «Бедные люди», мы обнаружили, что используются различные трансформации, например, оригинальное выражение звучит как «Голубчик мой, Варенька!» [1], в то время как в переводе А. Вассербауэра производится перестановка – „Warinka, mein Täubchen!” [11]. А в переводе Г. Рёля используется перестановка и добавление слова “liebe” – „Mein Täubchen, liebe Warwara!” [12].

Изучив оригинальное предложение «Ах, бедная, бедная моя матушка, если б ты встала из гроба, если бы ты знала, если б ты видела, что они со мною сделали!...» [1] и перевод Г. Рёля „Ach, meine arme, arme Mutter, wenn du aus dem Grabe aufständest und sähest, was man mit mir gemacht hat! ...“ [12], замечаем, что переводчик использует такой приём как опущение фразы «если бы ты знала».

Если рассматривать оригинальную фразу «Теперь уж я все-таки пообвык, а вот удивляюсь, как в таком содоме семейные люди уживаются» [1] и сравнивать её с переводами, то можно увидеть, что переводчики производят необходимые перестановки частей речи, синтаксические замены, а также добавления слов, нужных для точной передачи семантики фразы, например, в исходном тексте написано «содом», а в переводах есть добавления “Wohnung” и “und Gomorra”.

Перевод А. Вассербауэра: „Und trotzdem habe ich mich schon an all das gewöhnt, ich wundere mich bloß, wieso sogar verheiratete Leute in solch einem Sodom Wohnung nehmen können“ [11].

Перевод Г. Рёля: „Jetzt habe ich mich indessen schon daran gewöhnt; aber ich wundere mich, wie verheiratete Leute in einem solchen Sodom und Gomorra leben können“ [12].

Переводчики также используют приближенный перевод слова «маточка» [1], которым

Макар Алексеевич часто ласково называет Варвару Доброселову. Например, А. Вассербауэр употребляет „meine Teure“ [11], а Г. Рёль использует фразу „liebes Kind“ [12].

Как уже можно отметить, немецкоязычные переводы разнятся на уровнях языка. Приведём некоторые примеры разницы переводов на лексическом уровне:

1. Занавеска [1]- Vorhang [11]- Rouleau [12]

Во втором переводе заметно слово французского происхождения.

2. Платье [1] - Kleider [11] – Rocke [12]

В первом переводе используется собирательное слово одежда, а во втором переводе используется слово одежда в значении форма.

На синтаксическом уровне можно увидеть разницу двух переводов на примере предложения: «Я уже описывал вам расположение комнат; оно, нечего сказать, удобно, это правда, но как-то в них душно <...>» [1]. В своём переводе А. Вассербауэр разделяет сложное предложение на несколько простых, выделяя основные идеи: „Die Anordnung der Zimmer habe ich Ihnen schon beschrieben. Sie ist ganz annehmbar. Angenehm, das muß man zugeben, aber sie haben etwas Dumpfes an sich <...>“ [11]. Перевод Г. Рёля синтаксически близок к оригиналу: „Die Lage der Zimmer habe ich Ihnen bereits beschrieben; man kann nicht anders sagen, sie ist bequem, das ist die Wahrheit; aber es ist in ihnen eine drückende Luft <...>“ [12].

Обратимся к семантическому уровню языка и рассмотрим несколько примеров.

1. Чахлый [1] - schwächlich [11] - schwindsüchtig [12]

В первом переводе значение «болезненный, слабый» остаётся, как и в оригинале, а во втором переводе понятие изменяется, и состояние больного мальчика семьи Горшковых приобретает значение «чахоточный».

2. Засаленный [1] – schmierig [11] - vollgefettet [12]

Во втором переводе усиливается значение слова, так как приставка voll- имеет значение «абсолютное наполнение чего-либо».

В заключение можно отметить, что переводчики не всегда передают морфемы русского языка, например, уменьшительные суффиксы, которые могут много рассказать о герое и его отношении к окружающим. Также необходимо сказать, что в немецком языке не для всех русских слов можно подобрать эквиваленты.

Произведения Ф.М. Достоевского переводят на многие языки, и талант любого переводчика неоспорим, так как именно с его помощью читатели могут прикоснуться к шедеврам мировой литературы, однако перевод зависит от личности и мастерства переводчика, Произведения русского писателя являются глубоко нравственными, и малейшие детали играют важную роль при создании образов героев. Поэтому необходимо уделять внимание элементам, так как они могут оказывать кардинальное воздействие на перевод.

Рассмотренные романы в немецком переводе представляют собой образцы того, как бывают различны немецкоязычные переводы на разных уровнях языка и как опытные переводчики подбирают лексику и используют приёмы, чтобы приблизить свои переводы к исходным текстам.

Литература

1. *Бовшик А.С.* Аналоговая и семиотическая репрезентации в аспекте лингво-семиотического анализа [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Том 248. № 33. С. 222–224. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/248/vcsu11_33.pdf (дата обращения: 10.02.2020)
2. *Бурлакова И.И.* Красота человека русского и иностранного (по страницам произведений Ф.М. Достоевского) [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 1. С. 45–52. DOI:10.17759/langt.2019060107
3. *Дергачева И.В.* «А мне Россия нужна...»: мысли Ф.М. Достоевского о Родине [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 4. С. 9–13. DOI:10.17759/langt.2018050402
4. *Достоевский Ф.М.* Избранные сочинения. 1990. М.: Художественная литература, 604 с.
5. *Дудкин В.В.* Достоевский в немецкой критике (1882–1925). Достоевский в зарубежных литературах. 1978. Ленинград: Наука, 240 с.
6. *Казакова Т.А.* Практические основы перевода English <=> Russian. 2001. Санкт-Петербург: Изд-во Союз, 320 с.
7. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 1990. М.: Высшая школа, 253 с.
8. *Креницын А.Б.* Достоевский и XX век: в 2 т. Т.2. // Достоевский в Германии / Под ред. Т. А. Касаткиной. 2007. М.: ИМЛИ РАН, 574 с.
9. *Литвин Е.А.* Классическая литература на уроках иностранного языка: «Белые ночи» Достоевского и Висконти [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 3. С. 38–45. DOI:10.17759/langt.2018050305
10. *Махмудова С.М., Павлюк А.В.* Федор Достоевский. Страдания, облеченные во плоть [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 1. С. 59–66. DOI:10.17759/langt.2018010106
11. *Махмудова С.М.* Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха. 215 с.
12. *Ревзин И.И.* Структура немецкого языка. 2009. М.: О.Г.И, 400 с.
13. *Сдобников В.В.* Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. 2007. М.: АСТ: Восток-Запад, 448 с.
14. Транслитерация с русского на немецкий и с немецкого на русский язык онлайн: правила, таблицы, автоматический перевод имен, фамилий, букв русского и немецкого алфавита: [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-geld.de/german/transliteration.html>. (Дата обращения: 01.03.2020)
15. *Федор Достоевский* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/persons/8159/fedor-dostoevskii> (Дата обращения: 01.03.2020)
16. *Dostoewskij F.M.* Arme Leute: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/arme1/arme1.html>. (Дата обращения: 01.03.2020)
17. *Dostoewskij F.M.* Arme Leute: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/arme2/arme2.html>. (Дата обращения: 01.03.2020)
18. *Dostoewskij F.M.* Sämtliche Werke 1-2: Rodion Raskolnikoff (Schuld und Sühne) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/58238>. (Дата обращения: 01.03.2020)

19. *Dostoewskij F.M. Schuld und Sühne*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/schuldsu/schuldsu.html>. (Дата обращения: 01.03.2020)
20. *Kogut M. Dostoevskij auf Deutsch. Vergleichende Analyse fünf deutscher Übersetzungen des Romans Besy*. 2003. Frankfurt a. Mein: Peter Lang. 205 s.

References

1. Bovshik A.S. Analogovaya i semioticheskaya reprezentatsii v aspekte lingvo-semioticheskogo analiza. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie = Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2011. Vol 248, no. 33, pp. 222–224. Available at: http://www.lib.csu.ru/vch/248/vcsu11_33.pdf (Accessed: 10.02.2020). (In Russ.).
2. Burlakova I.I. Krasota cheloveka russkogo i inostrannogo (po stranitsam proizvedenii F.M. Dostoevskogo) [The beauty of a man of Russian and foreign (According to the works of FM Dostoevsky)]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2019. Vol. 6, no. 1, pp. 45–52. DOI:10.17759/langt.2019060107. (In Russ.).
3. Dergacheva I.V. «A mne Rossiya nuzhna...»: mysli F.M. Dostoevskogo o Rodine [“And I need Russia ...”: thoughts of F.M. Dostoevsky about the motherland]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 4, pp. 9–13. DOI:10.17759/langt.2018050402. (In Russ.).
4. Dostoevskii F.M. *Izbrannye sochineniya*. 1990. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 604 p. (In Russ.).
5. Dudkin V.V. *Dostoevskii v nemetskoj kritike (1882–1925). Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh*. 1978. Leningrad: Nauka, 240 p. (In Russ.).
6. Kazakova T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda English <=> Russian*. 2001. Sankt-Peterburg: Publ. Soyuz, 320 p. (In Russ.).
7. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* 1990. Moscow: Vysshaya shkola, 253 p. (In Russ.).
8. Krinitsyn A.B. *Dostoevskii i XX vek: v 2 t. T.2. / Dostoevskii v Germanii*. In Kasatkinoi T. A. (ed.). 2007. Moscow: IMLI RAN, 574 p. (In Russ.).
9. Litvin E.A. *Klassicheskaya literatura na urokakh inostrannogo yazyka: «Belye nochi» Dostoevskogo i Viskonti [Russian Literature at the Italian language lessons. "White nights" of Dostoevsky and Visconti]*. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol 5, no. 3, pp. 38–45. DOI:10.17759/langt.2018050305. (In Russ.).
10. Makhmudova S.M., Pavlyuk A.V. *Fedor Dostoevskii. Stradaniya, oblechennye vo plot' [Fedor Dostoevsky. Suffering, clothed in flesh]*. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 1, pp. 59–66. DOI:10.17759/langt.2018010106. (In Russ.).
11. Makhmudova S.M. *Frazeologicheskii slovar' rutul'skogo yazyka*, 2016. Makhachkala: Epokha, 215 p. (In Russ.).
12. Revzin I.I. *Struktura nemetskogo yazyka*. 2009. Moscow: O.G.I, 400 p. (In Russ.).
13. Sdobnikov V.V. *Teoriya perevoda: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov*. 2007. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 448 p. (In Russ.).
14. *Transliteratsiya s russkogo na nemetskii i s nemetskogo na russkii yazyk onlain: pravila, tablitsy, avtomaticheskii perevod imen, familii, bukv russkogo i nemetskogo alfavita: [Elektronnyi resurs]*. Available at: <https://ru-geld.de/german/transliteration.html>. (Accessed: 01.03.2020)
15. *Fedor Dostoevskii [Elektronnyi resurs]*. Available at:

<https://www.culture.ru/persons/8159/fedor-dostoevskii> (Accessed: 01.03.2020)

16. Dostoewskij F.M. Arme Leute: [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/arme1/arme1.html>. (Accessed: 01.03.2020)

17. Dostoewskij F.M. Arme Leute: [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/arme2/arme2.html>. (Accessed: 01.03.2020)

18. Dostoewskij F.M. Sämtliche Werke 1-2: Rodion Raskolnikoff (Schuld und Sühne) [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.gutenberg.org/ebooks/58238>. (Accessed: 01.03.2020)

19. Dostoewskij F.M. Schuld und Sühne: [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/schuldsu/schuldsu.html>. (Accessed: 01.03.2020)

20. Kogut M. Dostoewskij auf Deutsch. Vergleichende Analyse fünf deutscher Übersetzungen des Romans Besy. 2003. Frankfurt a. Mein: Peter Lang. 205 s.

Информация об авторах

Киселева Ирина Дмитриевна, магистрант 1 курса института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-3105>, e-mail: kiselyova-i.d@yandex.ru

Information about the authors

Kiselyova Irina Dmitrievna 1st year master of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-3105>, e-mail: kiselyova-i.d@yandex.ru

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE
STUDY OF LANGUAGES AND CULTURES

Достоевский, западные писатели и ученые

Губанова Л.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1965-8641>, e-mail: gubanovalv@mgppu.ru

Петрова М.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7225-8279>, e-mail: marina.petrova20208@gmail.com

Вейбер Е.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1838-5629>, e-mail: vejber2013@gmail.com

Статья посвящена обзору отношений великого русского писателя Ф.М. Достоевского, западных писателей и ученых. Рассматриваются взаимовлияния Достоевского на западную литературу и наоборот. Достоевский принадлежит к писателям, биография которых тесно связана с творчеством. Попытки Достоевского глубоко проникнуть в душу – это попытки понять самого себя. Вот почему ему удавалось так глубоко проникнуть и в душу своих героев. Несмотря на то, что Достоевский испытывал сильное влияние западноевропейских писателей (Диккенса, Шиллера, Гофмана и др.), он полагал, что европейский путь губителен для России и большое будущее России, которая спасет весь мир, возможно лишь во Христе, в Православии, в Церкви. Федор Михайлович Достоевский - писатель, создавший незабываемые реалистичные картины мира. Достоевского можно любить, восхищаться им, можно ненавидеть (как Набоков), но отрицать тот факт, что он – гениальный писатель, нельзя.

Ключевые слова: Достоевский, западные писатели, произведения, образ, герой, стиль.

Для цитаты: Губанова Л.В., Петрова М.О. Вейбер Е.Н. Достоевский, западные писатели и ученые [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 76—82. DOI:10.17759/langt.2020070107

Dostoevsky, Western Writers and Scholars

Larisa V. Gubanova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1965-8641>, e-mail: GubanovaLv@mgppu.ru

Marina O. Petrova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7225-8279>, e-mail: marina.petrova20208@gmail.com

Evgenija N. Vejber

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1838-5629>, e-mail: vejber2013@gmail.com

The article is devoted to the review of the relations of the great Russian writer F. M. Dostoevsky, Western writers and scientists. We consider the mutual influence of Dostoevsky on Western literature and Vice versa. Dostoevsky belongs to writers whose biography is closely connected with their work. Dostoevsky's attempts to penetrate deeply into the soul are attempts to understand himself. This is why he was able to penetrate so deeply into the soul of his characters. Despite the fact that Dostoevsky was strongly influenced by Western European writers (Dickens, Schiller, Hoffman, etc.), he believed that the European way is disastrous for Russia and the great future of Russia, which will save the whole world, is possible only in Christ, in Orthodoxy, in the Church. Fyodor Mikhailovich Dostoevsky is a writer who created unforgettable realistic pictures of the world. Dostoevsky can be loved, admired, and hated (like Nabokov), but the fact that he is a genius writer cannot be denied.

Keywords: Dostoevsky, Writer, Works, Image, Hero, Style.

For citation: Gubanova L.V., Petrova M.O. Vejber E.N. Dostoevsky, Western Writers and Scholars. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 76—82. DOI:10.17759/langt.2020070107 (In Russ.).

Fyodor Mikhailovich Dostoevsky is the Great Russian writer who created unforgettable realistic world pictures of many aspects of Russian life of the XIX century. He passionately dreamed of the advent of a new Golden age.

Ask any European or American having even a very slight idea about Russian literature; ask them who of our writers express the national spirit and they certainly name Dostoevsky.

Dostoevsky belongs to such writers, whose biography is closely connected with creativity, to such writers who could reveal themselves in works of art.

For many decades Dostoevsky ranks first with such great writers as L.N. Tolstoy and A. P. Chekhov.

Dostoevsky is one of the most widely read Russian writers abroad. His attempts to penetrate deep into his own soul are the attempts to understand himself. And that is why he managed to penetrate so deep into the mystery of a person. Revealing this mystery Dostoevsky comprehended not only his own personality but also projected his fate to the fates of his heroes.

Dostoevsky considered that the Great Future of Russia who could benefit all the mankind was

possible only if all estates unite headed by the Monarch and Orthodox Church. He thought that the European path after the French Revolution of 1789 was ruinous for Russia.

He was fully confirmed in the opinion his trips abroad in 1862 – 1863 and in 1867 – 1871. As a result of this experience in 1961 he published his novel “Humiliated and insulted” in magazine “The Time”.

All early works of Dostoevsky pass under the sign of two European writers: Dickens and Hoffman.

Hoffman was one of his first passions as he was close to Dostoevsky in his interest to everything incomprehensible in the sphere of psychic life: obsession and nightmares, visions, the ambivalence boarding on the madness of genius.

When we speak about the influence of Hoffman on Dostoevsky, we can find traces of Dostoevsky’s passion in the first part of “Netochka Nezvanova” where we can see the typical Hoffman’s image in genius, drunk and crazy musician Efimov.

The 2-d part of this story begins with the awakening of Netochka in some strange rich house. This scene is already in traditions of Dickens and calls in memory the analogous pictures from “Oliver Twist”, “David Copperfield” and “Dumbly and son”. The theme of poor people united these two authors.

But the influence on Dostoevsky is much more clearly seen in the novel “Humiliated and insulted” where the side storyline is the history of Nelly Valkovskaya that factually represents the fate of Nelly Trent from “Curiosity Shop” by Dickens.

Balsac is one of Dostoevsky’s favorite writers. In 1843 Balsac spent the whole winter in Petersburg. In the connection with his visit Dostoevsky was given to translate “Eugenia Grande”. Balsac’s prose became for Dostoevsky the first school of style and artistic skill.

The apogee of Balsac’s influence on Dostoevsky was the result of creating “Crime and punishment”.

The 3-d French realist who greatly influenced Dostoevsky was Victor Hugo. In his post-prison period Dostoevsky appreciated Hugo most of all for his humanistic pathos of creativity.

According to Dostoevsky, “images and heroes of the world literature were not copied only but instilled to our organisms, to our flesh and blood. We experienced and suffered something independently as those for whom there in the West all this was native”.

In the words of Jacques Catteau – one of leading modern Dostoevsky’s researchers, “his novels abound in literary allusions and reminiscences. Any his work is not often a direct, but hidden exegesis of literature, philosophy and history. ”

It can be said that before being a genius writer, Dostoevsky had become a genius reader. His interests and sympathy cover practically the whole literary process in the world.

Dostoevsky was inspired by such geniuses as Dante, Cervantes and Shakespeare.

In Dante’s works Dostoevsky kept finding the deepest analysis of human passion, vices and virtues in their last, apocalyptic manifestation. Don Quixote was the favorite hero of Dostoevsky in the whole world literature. This hero served as the main reference point for him while creating positively lovely person in the novel “Idiot”. Don Quixote’s and Myshkin’s enthusiastic idealism equally finds the reflection in inspired speeches of both when they glorify nature and all living things as the God’s creation. The religious consciousness of both is very enlightened.

Dostoevsky considered Shakespeare’s tragedies to be the highest fruit of all the mankind as it was, “the form of achieved beauty”. In his works Dostoevsky always relied on Shakespeare’s eternal images, his principles of building scenes and monologues. Shakespeare’s combinations of high

tragedy and grotesque were close to Dostoevsky. “Dostoevsky and Shakespeare – the phenomena that are most related, wrote L.S. Vygotsky. While reading both you feel the tragic abyss not in the consciousness, but in the artistic sensation.”

Dostoevsky also closely studied the works of French enlightenment. He had complicated connections of attraction and repulsion with Voltaire, G.-G. Rousseau and Diderot.

Dostoevsky considered Rousseau as a preacher of Western democracy with his call for freedom, equality and fraternity.

Rousseauism was some kind of implementation of the idea of European civilization in contrast to the idea of Russian – Orthodoxy. But at the same time Dostoevsky took a lot from Rousseau as from a writer. A confessional form of “Notes from the underground” by its characteristic tone of ecstasy clearly went back to Rousseau’s “Confession”.

Voltaire’s philosophical stories and poems were very close to Dostoevsky. Many arguments of “pro” and “contra” as to God’s existence in Voltaire’s works Dostoevsky put into the mouth of Ivan Karamazov.

From Diderot Dostoevsky took a special form of a subtly witty, but cynically reduced philosophical dialogue, a remarkable example of which was “Cousin Ramon”. Confessions of Marmeladov, Stavrogin and a talk of a devil with Ivan Karamazov are given in the same stylistic manner.

As to Hemingway, one of the famous foreign figures, he read Dostoevsky in translations. In America taste for Dostoevsky’s works was instilled by the translator, whose name was Constance Harriet. In that country there was a joke that the Americans liked not Russian classic, but Harriet. Hemingway confessed that even “ennobled” translation didn’t save the style of novels. But the idea, the spirit remained – the texts incredibly strong impacted on readers.

Franz Kafka, one of the shadowy writers, felt a kinship with Dostoevsky. He wrote to his lover Felicia Bauer that Dostoevsky was one of four writers in the world, with whom he felt a real “blood relationship”. With delight he read to his friend Max Brod parts from the novel “Teenager”. And Max Brod in his memories noted that namely the 5-th chapter in this Dostoevsky’s novel predetermined a peculiar style of Kafka.

Dostoevsky was highly appreciated not only by Western writers but by Western scholars as well.

Thus, Albert Einstein in his correspondence with a physicist Paul Ehrenfest called “The brothers Karamazov” the most poignant book that ever fell into his hands.

Sigmund Freud was interested not so in the artistic advantages of the Russian classic, but in his ideas. Freud put Dostoevsky in one row with Shakespeare.

Friedrich Nietzsche, a philosopher who learned from Dostoevsky, remarked that his acquaintance with Dostoevsky’s works was the happiest discovery in his life. He considered Dostoevsky a genius in tone with his worldview, a genius he had learned a lot. Especially he admired “The Notes from underground”. He wrote that while reading this book the instinct of kinship immediately began to speak. But, admiring, Nietzsche noted that he was not close to “Russian pessimism” and called Dostoevsky “a champion of the morality of slaves” and many writer’s conclusions were in contrast to his own “hidden instincts”.

And now some quotes by different famous men.

“At the age of 15 I attacked Dostoevsky and that was the true revelation. At once I felt that touched something enormous and rushed to read everything he wrote, book after book, as I read

Balsac before”

Antoine de Saint Exupery.

“I read Dostoevsky even in poor translations. Later I read him in French, he was translated by Russians and that was much better”.

Gabriel Garcia Marques.

“Dostoevsky gave me more than any thinker, more than Gauss”.

Albert Einstein.

“In the works by Dostoevsky every hero again and again solves his own problems, sets himself boundary pillars of good and evil by bloody hands. Every hero embodies his chaos and peace. Every his hero is a servant, a Herald of New Christ, Martyr and Herald of the third Kingdom. The primordial chaos wanders in them, but the dawn of the 1-st Day is breaking, that gave Light to the Earth and the premonitions of the 6-th Day, the Day when a New Person will be created. His heroes pave the ways for a New World. A novel by Dostoevsky is a myth of a New Person, his birth from the bosom of the soul”.

Stefan Zweig (from essay “Dostoevsky”).

You can like Dostoevsky, admire him, hate him (as Nabokov), but it is impossible to deny the fact that he was a GENUIS.

Литература

1. Бачинин А.Д. Достоевский: метафизика преступлений. 2001. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 412 с.
2. Басин Е.Я. «Странный» Достоевский. 2014. СПб.: Алетейя, 280 с.
3. Бем А. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского). 2012. Ижевск, ERGO, 92 с.
4. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. 2006. М.: АСТ, Хранитель, 171 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). 2007. М.: АСТ, Хранитель, 772 с.
6. Бурсов Б.И. Личность Достоевского. 1974. Л.: Советский писатель, 671 с.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. 1968. М.: Педагогика, 344 с.
8. Достоевский. Философское мышление, взгляд писателя. 2012. СПб, Изд-во «Дмитрий Буланин», 491 с.
9. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. 1993. М.: Наука, 454 с.
10. Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству. 2013. М.: ББИ, 180 с.
11. *Культурология.рф* [Электронный ресурс] // Мировые знаменитости, которые восхищались Достоевским и ненавидели его. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/020717/35083/>. (дата обращения: 01.02.2020)
12. Лебедев В.И., Кузнецов О.Н. Достоевский над бездной безумия. 2003. М.: Когито-Центр, 226 с.
13. Михайловский А.В. "Русское дополнение к сверхчеловеку": Эрнст Юнгер читает Достоевского [Электронный ресурс] // Достоевский. Материалы и исследования. 2007. Том 18. С. 309 – 317. URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_18/18_Михайловский_309.pdf (дата обращения: 01.02.2020)
14. Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru>. (дата обращения: 01.02.2020)
15. Попович И. Философия и религия Достоевского. 2007. Минск: «Издательский дом

Харченко», 311 с.

16. Степанян К.А. Шекспир, Бахтин и Достоевский. Герои и авторы в большом времени. 2016. М: Языки славянских культур, 296 с.
17. Уильямс Р. Достоевский: язык, вера, повествование. 2013. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 295 с.
18. Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. 2013. СПб., Издательство Русской христианской академии, 398 с.
19. Шульц фон О. Светлый, жизнерадостный Достоевский. 1999. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета. 366 с.
20. Lary N.M. Dostoevsky and Dickens. A Study of Literary Influence. 1973. London – Boston: Routledge and Kegan Paul. 172 p.

References

1. Bachinin A.D. Dostoevskii: metafizika prestuplenii. 2001. Saint-Petersburg: Publ. Sankt-Peterburgskogo universiteta, 412 p. (In Russ.).
2. Basin E.Ya. «Strannyi» Dostoevskii. 2014. Saint-Petersburg: Aleteiya, 280 p. (In Russ.).
3. Bem A. Dramatizatsiya brenda («Khozyaika» Dostoevskogo). 2012. Izhevsk, ERGO, 92 p. (In Russ.).
4. Berdyaev N. A. Mirosozertsanie Dostoevskogo. 2006. Moscow: AST, Khranitel', 171 p. (In Russ.).
5. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva (opyt opravdaniya cheloveka). 2007. Moscow: AST, Khranitel', 772 p. (In Russ.).
6. Bursov B.I. Lichnost' Dostoevskogo. 1974. Leningrad: Sovetskii pisatel', 671 p. (In Russ.).
7. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva. 1968. Moscow: Pedagogika, 344 p. (In Russ.).
8. Dostoevskii. Filosofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya. 2012. Saint-Petersburg: Publ. «Dmitrii Bulanin», 491 p. (In Russ.).
9. Dostoevskaya A.G. Dnevnik 1867 goda. 1993. Moscow: Nauka, 454 p. (In Russ.).
10. Zhirar R. Dostoevskii: ot dvoistvennosti k edinstvu. 2013. Moscow: BBI, 180 p. (In Russ.).
11. Kul'turologiya.rf [Elektronnyi resurs] // Mirovye znamenitosti, kotorye voskhishchalis' Dostoevskim i nenavideli ego. Available at: <https://kulturologia.ru/blogs/020717/35083/>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russ.).
12. Lebedev V.I., Kuznetsov O.N. Dostoevskii nad bezdnoi bezumiya. 2003. Moscow: Kogito-Tsentr, 226 p. (In Russ.).
13. Mikhailovskii A.V. "Russkoe dopolnenie k sverkhcheloveku": Ernst Yunger chitaet Dostoevskogo. Dostoevskii. Materialy i issledovaniya=Dostoevsky. Materials and research. 2007. Vol. 18. pp. 309 – 317. Available at: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_18/18_Mikhailovskii_309.pdf (Accessed: 01.02.2020). (In Russ.).
14. Obrazovatel'nyi portal «Slovo» [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru>. (Accessed: 01.02.2020). (In Russ.).
15. Popovich I. Filosofiya i religiya Dostoevskogo. 2007. Minsk: «Izdatel'skii dom Kharchenko», 311 p. (In Russ.).
16. Stepanyan K.A. Shekspir, Bakhtin i Dostoevskii. Geroi i avtory v bol'shom vremeni. 2016. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 296 p. (In Russ.).

17. Uil'yams R. Dostoevskii: yazyk, vera, povestvovanie. 2013. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 295 p. (In Russ.).
18. Fokin S.L. Figury Dostoevskogo vo frantsuzskoi literature XX veka. 2013. Saint-Petersburg: Publ. Russkoi khristianskoi akademii, 398 p. (In Russ.).
19. Shul'ts fon O. Svetlyi, zhizneradostnyi Dostoevskii. 1999. Petrozavodsk: Publ. Petrozavodskogo universiteta. 366 p. (In Russ.).
20. Lary N.M. Dostoevsky and Dickens. A Study of Literary Influence. 1973. London – Boston: Routledge and Kegan Paul. 172 p.

Информация об авторах

Губанова Лариса Васильевна кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1965-8641>, e-mail: Gubanovalv@mgppu.ru

Петрова Марина Олеговна студент 3 курса института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7225-8279>, e-mail: marina.petrova20208@gmail.com

Вейбер Евгения Николаевна студент 3 курса института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1838-5629>, e-mail: vejber2013@gmail.com;

Information about the authors

Gubanova Larisa Vasilievna Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1965-8641>, e-mail: Gubanovalv@mgppu.ru

Petrova Marina Olegovna 3st year student of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7225-8279>, e-mail: marina.petrova20208@gmail.com

Vejber Evgeniya Nikolaevna 3st year student of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1838-5629>, e-mail: vejber2013@gmail.com

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ |
INTERCULTURAL COMMUNICATION AND GLOBALIZATION ISSUES

Федор Достоевский в польской литературе, театре и кино

Олтушык А.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4435-9894>, e-mail: oltuszyk.alina.a@gmail.com

Фёдор Михайлович Достоевский — это русский великий писатель, мыслитель, философ и публицист. Его мастерство повлияло на литературу и культуру всего мира, в том числе и Польши. В данной статье рассматривается роль автора «Преступления и наказания» на польскую литературу и культуру, а также присутствие его работ в польском театре и кино. Многие польские писатели, обучавшиеся художественному мастерству Достоевского, были привлечены композицией и структурой его романа, самоанализом и отражением персонажей, показывающими межличностные отношения, «пограничное» состояние души. Еще более важным, чем признание польскими писателями художественности Достоевского, является влияние на них его философских концепций, прежде всего концепции личности. Специфика приема Достоевского связана также с тем, что русский писатель создал негативные стереотипы поляков. Нужно помнить, что прием Достоевского в Польше в первое десятилетие после Второй мировой войны был значительно ограничен. Сегодня работы русского писателя переносятся на театральные сцены, на основе которых снимаются сериалы, полнометражные или анимационные фильмы. В книжных магазинах есть много изданий его рассказов и романов, часто переводимых заново.

Ключевые слова: Фёдор Достоевский, литература, театр, польская культура.

Для цитаты: Олтушык А.Б. Федор Достоевский в польской литературе, театре и кино [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 83—89. DOI:10.17759/langt.2020070108

Fedor Dostoevsky in Polish Literature, Theater and Cinema

Alina B. Oltuszyk

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4435-9894>, e-mail: oltuszyk.alina.a@gmail.com

Fyodor Mikhailovich Dostoevsky is a Russian great writer, thinker, philosopher and publicist. His skill influenced the literature and culture of the whole world, including Polish. This article discusses the role of the author of Crime and Punishment in Polish literature and culture, including the presence of his works in Polish theater and cinema.

Many Polish writers, who studied the artistic skills of Dostoevsky, were attracted by the composition and structure of his novel, introspection and reflection of characters showing interpersonal relationships, a “borderline” state of mind. Even more important than the recognition by Polish writers of the artistry of Dostoevsky is the influence on them of his philosophical concepts, especially the concept of personality. The specificity of Dostoevsky’s technique is also related to the fact that the Russian writer created negative stereotypes of Poles. It must be remembered that the reception of Dostoevsky in Poland in the first decade after the Second World War was significantly limited. Today, the works of the Russian writer are transferred to theatrical scenes, on the basis of which series, full-length or animated films are shot. There are many editions of his short stories and novels in bookstores, often translated again.

Keywords: Fedor Dostoevsky, Literature, Theater, Polish Culture.

For citation: Oltuszyk A.B. Fedor Dostoevsky in Polish Literature, Theater and Cinema. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 83—89. DOI:10.17759/langt.2020070108 (In Russ.).

Достоевский — это целая эпоха в развитии не только литературы, но и всей мировой культуры. Идеино-художественный мир Достоевского нашел живой отклик у практически всех польских писателей XX века. Его идеи, образы и взгляд на мир вызывали восхищение, полемику, были сознательно или неосознанно поглощены и преобразованы в их собственные работы.

Многие польские писатели, обучавшиеся художественному мастерству Достоевского, были привлечены композицией и структурой его романа, самоанализом и отражением персонажей, показывающими межличностные отношения, «пограничное» состояние души.

Еще более важным, чем признание польскими писателями художественности Достоевского, является влияние на них его философских концепций, прежде всего концепции личности. Философия человека Достоевского была усвоена непосредственно через его художественные и публицистические тексты, а также через тех мыслителей, которые развивали его идеи или полемизировали с ним, начиная с конца XIX века и до наших дней.

Одна из книг Лешка Колаковского, выдающегося современного философа, оказавшего значительное влияние на польскую социальную и культурную мысль, озаглавлена - «Если Бога нет» (1986). Это мысль русского писателя, которая является кредо польского философа. Влияние Ф.М. Достоевского заметно и в работах другого известного мыслителя - Юзефа Тишнера (Философия драмы, 1990; Спор о существовании человека, 1998 и др.). Чтобы обосновать свои взгляды на природу человека, философ часто использует такие произведения Достоевского, как «Преступление и наказание».

Специфика приема Достоевского связана также с тем, что русский писатель создал негативные стереотипы поляков. Появившиеся у Достоевского карикатурные «полячки» связаны с негативным отношением писателя к Западу в целом, с его идеей о невозможности примирить православие с католицизмом, в котором он видел только зло и вырождение духа. Поэтому в Польше не случайно существует значительное количество диссертаций и заявлений писателей, касающихся именно польских фобий Ф.М. Достоевского.

Похоже, что польские писатели усвоили опыт, которого лишена была польская литература, расширив тем самым свое собственное поле зрения, обогатив психологический

язык литературы и создав собственные модели этого языка, то есть формы поведения, реакции и критерии, характерные для персонажей Достоевского.

Нужно помнить, что присутствие произведений Ф.М. Достоевского в Польше в первое десятилетие после Второй мировой войны было значительно ограничено. Только в 1955 году, после долгого перерыва, были опубликованы в Польше романы «Бедные люди» и «Преступление и наказание», в 1957 году - «Униженные и оскорбленные», а в 1955–1964 годах коллективное издание произведений Достоевского вышло в 11 томах под редакцией П. Герца. С конца 1950-х годов появляются также значительные публикации о работах Достоевского, основанные на монографических книгах А. Валицкого, Р. Пжибыльского и Т. Позняка.

Много публикаций польских исследователей появилось в связи с книгой Михаила Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (польский перевод - 1970), изданной в Москве в 1963 году. Понятие «многоголосия» или «полифонии», введенное Бахтиным в связи с романом Достоевского, также дало толчок исследованиям романа в целом, вошло в «повседневную жизнь» польской литературной мысли.

Свободны от цензуры были авторы в эмиграции. Трудно указать в польской эмиграционной литературе значимого автора, который не упоминал бы Достоевского в своих текстах. Ф.М. Достоевский по-разному появляется в очерках Густава Херлинга-Грудзинского, Чеслава Милоша, Александра Вата, Юзефа Чапского, Юзефа Виттлина, в журналах Яна Лехонь, Витольда Гомбровича и Анджея Бобковского,

Первой послевоенной польской монографией о Достоевском стала книга С. Мацкевича «Достоевский», изданная в 1947 году в Англии (в Польше - в 1957 году). Автор этой книги в первую очередь занимался биографией писателя, он также рассматривал традиционный стереотип «русская душа».

Одна из наиболее важных работ, написанных в изгнании, был „Inny świat” («Другой мир») Г. Херлинг-Грудзинского, впервые опубликованная в Лондоне на английском языке в 1951 году и в 1953 году на польском языке. „Inny świat” («Другой мир») - это не только шокирующий документ о советских трудовых лагерях, но и выдающееся литературное произведение со ссылкой на «Записки из Мертвого дома» Достоевского.

Достоевский сыграл значительную роль в формировании художественного сознания Витольда Гомбровича, который в своем последнем интервью по вопросу о том, какие писатели повлияли на него, из русских упомянул только Достоевского. Многие работы В. Гомбровича связаны с философскими и художественными идеями Достоевского, что, однако, не означает их повторения.

Станислав Лем писал о том, что он всегда был поглощен ужасными противоречиями человеческой психики, раскрытыми Достоевским, которые не утратили своей актуальности и сегодня. Вслед за Достоевским С. Лем стремился показать в своих работах, что человек действует не только и не столько рационально, но вовлекается в неконтролируемые эмоции, часто темные и плохо контролируемые, и так же часто против его собственного блага, в ущерб себе.

Славомир Мрожек жаловался на отсутствие проблем в духовной жизни человека в польских (по сравнению с русскими) произведениях. Писатель обвинил польскую литературу в том, что она не отразила в ней самого важного опыта человечества - отношения человека к тому, что «вообще можно назвать Богом».

Чеслав Милош, специалист по русской литературе и творчеству Достоевского, также думал о слабости польского романа по сравнению с русским романом. По словам Милоша, в

XIX веке польская литература не могла даже приблизиться к уровню, достигнутому русской литературой. «Кукла» Пруса, по его мнению, единственное великое произведение польской прозы.

В настоящее время наиболее популярным романом среди поляков (согласно опросу интернет-пользователей) является «Преступление и наказание», за которым следуют «Братья Карамазовы», затем «Идиот», а затем «Бесы» на четвертом месте. Произведения Достоевского вызывают у польских читателей разные ощущения, даже депрессивные мысли, но в то же время заставляют задуматься.

Подчеркивая влияние Достоевского на польскую литературу и культуру, следует также учитывать присутствие его работ в польском театре, кино, телевидении и других средствах массовой информации. Такое длительное присутствие Достоевского можно объяснить вечной актуальностью его «проклятых проблем».

Среди театральных экранизаций романов Достоевского «Преступление и наказание» занимает лидирующую позицию как по количеству, так и по популярности выставок. Этот факт представляется вполне оправданным с учетом выдающегося положения этой работы в творчестве Достоевского. Из всех великих русских романов именно «Преступление и наказание» Федора Достоевского чаще всего используются театральными режиссерами, в том числе и польскими. Это самый театральный роман из всех произведений автора из-за сюжетных конструкций, образов персонажей и драматургии диалоговых сцен.

Среди послевоенного периода следует упомянуть спектакль режиссера Казимежа Брейдыганта (Варшава, 1976) и постановку Анджея Вайды.

Известный режиссер Анджей Вайда также снял фильм «Бесы» по Достоевскому и поставил в театре «Бесы», «Преступление и наказание» и ряд других произведений этого писателя на сценах разных стран мира. Анджей Вайда считает постановки Достоевского своим самым важным достижением в театре.

Федор Достоевский является одним из наиболее признанных писателей, его работы по-прежнему популярны и имеют влияние на формирование сегодняшней реальности. Работы русского писателя переносятся на театральные сцены, на основе которых снимаются сериалы, полнометражные или анимационные фильмы. В книжных магазинах Польши много изданий его рассказов и романов, часто переводимых заново. Трудно уследить за количеством книг и научных статей, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского, появляющихся в Польше практически без перерыва. Все это – свидетельство бессмертности работ гениального мыслителя.

Литература

1. Дьяков В. А. Каторжные годы Ф. М. Достоевского (По новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири XIX — начала XX вв. 1987. Н.: Историография и источники. С. 196-220.
2. Клементьев С.В. Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями (Очерки). 2012. М.: Индрик, 240 с. рецензия // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 1. С. 205–209. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18900842_33503549.pdf (дата обращения 10.12.2019)
3. Лазари А.де, Сухарски Т. Достоевский в польской литературе, литературоведении и философской мысли с 1970-х гг. по настоящее время // Достоевский. Материалы и

исследования: в 22 т. Т. 20. 2013. СПб: Нестор-История. С. 25-43.

4. Мальцев Л. Достоевский о поляках — поляки о Достоевском: метастереотипность как имагологическая проблема [Электронный ресурс] // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2017. Р.: Adam Mickiewicz University Press. Vol. 42. P. 55-65. DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2017.42.5>
5. Новикова Е.Г. Дорогами Ф. М. Достоевского: поляки в Сибири Рецензия на книгу *Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles* / by Elizabeth A. Blake (Boston 2019) [Электронный ресурс] // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 190-197. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4281
6. Подрезов М.В. Идеиные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире [Электронный ресурс] // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 49. С. 170-177. DOI: 10.17223/1998863X/49/17
7. Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. 1990. М.: Художественная литература. 642 с.
8. *Balcerzan E. Zuchwalstwa samoświadomości*. 2005. L.: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 322 s.
9. *Błoński J. Mroźek S. Listy 1963-1996*. 2004. K.: Wydawnictwo Literackie. 224 s.
10. *Borowski M. M., Ptaszyński T. Recepcja twórczości dostojewskiego wśród polskich i rosyjskich użytkowników internetu (aspekt religijno-etyczny)* // *Slavia Orientalis*. 2017. Tom 66. № 4. S. 607-617. URL: <http://www.journals.pan.pl/dlibra/publication/125370/edition/109394/content> (Accessed 10.12.2019)
11. *Burkot S. Proza powojenna 1945-1987*. 1991. W.: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne. S. 112.
12. *Choriew W. Polscy pisarze drugiej połowy XX wieku o Fiodorze Dostojewskim* // *Postscriptum*. 2006. Tom 52. № 2. S. 92-108. URL: [http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Postscriptum/Postscriptum-r2006-t-n2\(52\)/Postscriptum-r2006-t-n2\(52\)-s93-108/Postscriptum-r2006-t-n2\(52\)-s93-108.pdf](http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Postscriptum/Postscriptum-r2006-t-n2(52)/Postscriptum-r2006-t-n2(52)-s93-108/Postscriptum-r2006-t-n2(52)-s93-108.pdf) (Accessed 10.12.2019)
13. *Drągowska D. "Zbrodnia i kara" Fiodora Dostojewskiego w warszawskich powojennych inscenizacjach* // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1980. Tom 14. S. 29-42 URL: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14-s29-42/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14-s29-42.pdf (Accessed 10.12.2019)
14. *Grossman L. Dostojewski*, tłum. S. Pollak. 1968. W.: Czytelnik. 280 s.
15. *Jarzębski J. Wszechświat Lema*. 2002. K.: Wydawnictwo Literackie. 301 s.
16. *Miłosz Cz. Abecadło Miłosza*. 1997. K.: Wydawnictwo Literackie. 99 s.
17. *Przybylski R., Janion M. Sprawa Stawrogina*. 1996. W.: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne. S. 40.
18. *Semczuk M. Proza rosyjska na scenach polskich po roku 1989: "Zbrodnia i kara" Fiodora Dostojewskiego* // *Acta Polono-Ruthenica*. 2009. Tom 14. S. 245-252. URL: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Acta_Polono_Ruthenica/Acta_Polono_Ruthenica-r2009-t14/Acta_Polono_Ruthenica-r2009-t14-s245-252/Acta_Polono_Ruthenica-r2009-t14-s245-252.pdf (Accessed 10.12.2019)
19. *Sucharski T. Dostojewski w polskiej powojennej refleksji humanistycznej* // *Napis*. 2018. Tom 24. S. 56-83. DOI: 10.18318/napis.2018.1.5
20. *Wyka K. O potrzebie historii literatury*. 1969. W.: Czytelnik. 238 s.

References

1. D'yakov V. A. Katorzhnye gody F. M. Dostoevskogo (Po novym istochnikam). *Politicheskaya ssylka v Sibiri XIX — nachala XX vv*, 1987. Novosibirsk: Istoriografiya i istochniki. pp. 196-220. (In Russ.).
2. Klement'ev S. V. Khorev V. A. Vospriyatie Rossii i russkoi literatury pol'skimi pisatelyami (Ocherki) [Perceptions of Russia and Russian Literature by Polish Writers (essays)], 2012. Moscow: Indrik, 240 s. retsenziya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya= Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 2013, no. 1, pp. 205–209. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18900842_33503549.pdf (Accessed 10.12.2019). (In Russ.).
3. Lazari A. de, Sukharski T. Dostoevskii v pol'skoi literature, literaturovedenii i filozofskoi mysli s 1970-kh gg. po nastoyashchee vremya. Dostoevskii. Materialy i issledovaniya: v 22 t. T. 20, 2013. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 25-43. (In Russ.).
4. Mal'tsev L. Dostoevskii o polyakakh — polyaki o Dostoevskom: metastereotipnost' kak imagologicheskaya problema [Fyodor Dostoyevsky in jerzy stempowski's reception: the imagological aspect]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 2017. Poznan: Adam Mickiewicz University Press. Vol. 42. pp. 55-65. DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2017.42.5>. (In Russ.).
5. Novikova E. G. Dorogami F. M. Dostoevskogo: polyaki v Sibiri Retsenziya na knigu Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles / by Elizabeth A. Blake (Boston 2019) [Following F. M. Dostoevsky's Ways: The Poles in Siberia The Review of the Book Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles / by Elizabeth A. Blake (Boston 2019)]. *Neizvestnyi Dostoevskii=Unknown Dostoevsky*, 2019, no. 4, pp. 190-197. DOI: 10.15393/j10.art.2019.4281. (In Russ.).
6. Podrezov M. V. Ideinye vozzreniya F. M. Dostoevskogo na mesto Pol'shi v Rossii i mire [Fyodor Dostoevsky's ideological views on the place of poland in russia and in the world]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya=Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 49, pp. 170-177. DOI: 10.17223/1998863Kh/49/17. (In Russ.).
7. Yanovskii S.D. Vospominaniya o Dostoevskom. F.M. Dostoevskii v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t. T. 2, 1990. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 642 p. (In Russ.).
8. Balcerzan E. Zuchwalstwa samoświadomości, 2005. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 322 s. (In Russ.).
9. Błoński J. Mrozek S. Listy 1963-1996, 2004. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 224 s.
10. Borowski M. M., Ptaszyński T. Recepcja twórczości dostojewskiego wśród polskich i rosyjskich użytkowników internetu (aspekt religijno-etyczny). *Slavia Orientalis*, 2017. Tom 66, no. 4. S. 607-617. Available at: <http://www.journals.pan.pl/dlibra/publication/125370/edition/109394/content> (Accessed 10.12.2019)
11. Burkot S. Proza powojenna 1945-1987, 1991. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, ss. 112.
12. Choriew W. Polscy pisarze drugiej połowy XX wieku o Fiodorze Dostojewskim. *Postscriptum*, 2006. Tom 52, no. 2, ss. 92-108. Available at: [http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Postscriptum/Postscriptum-r2006-t-n2\(52\)/Postscriptum-r2006-t-n2\(52\)-s93-108/Postscriptum-r2006-t-n2\(52\)-s93-108.pdf](http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Postscriptum/Postscriptum-r2006-t-n2(52)/Postscriptum-r2006-t-n2(52)-s93-108/Postscriptum-r2006-t-n2(52)-s93-108.pdf) (Accessed 10.12.2019)
13. Drągowska D. "Zbrodnia i kara" Fiodora Dostojewskiego w warszawskich powojennych

inscenizacjach [Crime and punishment by Fiodor Dostoievsky in warsaw in the stagings after the second world war]. *Studia Rossica Posnaniensia*, 1980. Tom 14, ss. 29-42 Available at: http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Studia_Rossica_Posnaniensia/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14-s29-42/Studia_Rossica_Posnaniensia-r1980-t14-s29-42.pdf (Accessed 10.12.2019)

14. Grossman L. *Dostojewski*, tłum. S. Pollak, 1968. Warszawa: Czytelnik, 280 s.
15. Jarzębski J. *Wszecławiat Lema*, 2002. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 301 s.
16. Miłosz Cz. *Abecadło Miłosza*, 1997. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 99 s.
17. Przybylski R., Janion M. *Sprawa Stawrogina*, 1996. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, ss. 40.
18. Semczuk M. Proza rosyjska na scenach polskich po roku 1989: „Zbrodnia i kara” Fiodora Dostojewskiego [Russian prose on the Polish stage after 1989. „Crime and Punishment” by Fyodor Dostoevsky]. *Acta Polono-Ruthenica*, 2009. Tom 14, ss. 245-252. Available at: http://bazhum.muzhp.pl/media//files/Acta_Polono_Ruthenica/Acta_Polono_Ruthenica-r2009-t14/Acta_Polono_Ruthenica-r2009-t14-s245-252/Acta_Polono_Ruthenica-r2009-t14-s245-252.pdf (Accessed 10.12.2019)
19. Sucharski T. Dostojewski w polskiej powojennej refleksji humanistycznej [Dostoevsky in Polish post-war humanist reflection]. *Napis*, 2018. Tom 24, ss. 56-83. DOI: 10.18318/napis.2018.1.5
20. Wyka K. *O potrzebie historii literatury*, 1969. Warszawa: Czytelnik, 238 s.

Информация об авторах

Олтушык Алина Барбара аспирант 1 курса института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4435-9894>, e-mail: oltuszyk.alina.a@gmail.com;

Information about the authors

Oltuszyk Alina Barbara postgraduate student of the Institute "Foreign Languages, Modern Communications and Management", Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4435-9894>, e-mail: oltuszyk.alina.a@gmail.com

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

Достоевский в Твиттере: лингводидактический взгляд на феномен твиттературы

Бовшик А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

В статье рассматриваются лингводидактические возможности твиттературы, относительно новой формы литературного творчества, как средства освоения иностранного языка в контексте любительского чтения. Последний концепт получил широкое развитие в трудах авторитетного американского методиста Стивена Крашена, который признавал свободное чтение по интересам эффективным инструментом повышения иноязычной коммуникативной компетенции и мотивации читательской деятельности. С целью оценки потенциала твиттературы в качестве учебного материала автором статьи предпринимается попытка количественного и качественного анализа пародийной книги Александра Асимана и Эмметта Ренсина. Для определения формальной сложности текста используются формулы читабельности: индекс Фога и индекс Колмана-Лиау. Для измерения сложности текста на семантическом и прагматическом уровнях применяется не претендующая на совершенно объективный результат техника медленного (внимательного) чтения. В исследовании делается вывод о целесообразности применения твиттературы как средства автодидактики наряду с комиксом, графическим романом и адаптированной литературой повышенной сложности.

Ключевые слова: лингводидактика, количественный анализ, качественный анализ, свободное чтение по интересам, сложность текста, формулы читабельности, удобочитаемость, твиттература.

Для цитаты: Бовшик А.С. Достоевский в Твиттере: лингводидактический взгляд на феномен твиттературы [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 90—100. DOI:10.17759/langt.2020070109

Dostoevsky on Twitter: Twitterfiction as a Learning Tool in SLA

Aleksandr S. Bovshik

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

The article examines the benefits of twitterfiction, a relatively new form of literary production, as a means of second language acquisition in the context of recreational reading. Pushed forward by the influential American educational researcher Stephen Krashen, free voluntary reading (FVR) has been proven to be an extremely powerful factor in developing various aspects of second language competence and getting students committed to reading more. This paper attempts to evaluate both quantitative and qualitative complexity measures of twitterfiction as in the case of TWITTERATURE by Alexander Aciman and Emmett Rensin to better understand the educational potential of the above type of prose. Readability formulas such as the Gunning Fog index and the Coleman-Liau index are deployed to evaluate the structural complexity of the text. ‘Attentive reading’, being a subjective factor in many ways, is a tool we apply to assess the text on the levels of semantics and pragmatics. The research concludes that twitterfiction, as demonstrated in the book, is an adequate ESL supplementary material alongside comics, graphic novels and level 4 graded readers.

Keywords: Applied Linguistics, Qualitative Analysis, Quantitative Analysis, Free Voluntary Reading, FVR, ESL, Text Complexity, Readability Formulas, Readability Formulae, Twitterfiction, Twitterature.

For citation: Bovshik A.S. Dostoevsky on Twitter: Twitterfiction as a Learning Tool in SLA. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 90—100. DOI:10.17759/langt.2020070109 (In Russ.).

Явление «твиттература» приобрело популярность после выхода в свет в 2009 г. одноименной книги Александра Асимана (Alexander Aciman) и Эмметта Ренсина (Emmet Rensin). В ней в формате микроблогов, состоящих из «твитов», сообщений объемом не более 140 п. з., были опубликованы пародии на шедевры всемирной литературы.

В англоязычной традиции художественное произведение особо малого объема принято называть “flash fiction”. Ни малая проза, ни “flash fiction” в частности, конечно, не являются чем-то принципиально новым. Так, организаторы ежегодного фестиваля “Twitterfiction” вдохновителем и родоначальником твиттературы называют состоящий из шести слов рассказ Эрнеста Хемингуэя, который писатель предположительно создал на спор и таким образом выиграл \$10: “For sale. Baby shoes. Never worn” (Продаются детские ботиночки, неношенные) [8].

Представляется интересным тот факт, что англоязычное литературное сообщество проявляет активный интерес к твиттературе. Например, лауреат Пулитцеровской премии писательница Дж. Иган (J. Egan) сама экспериментирует в новом кибер-формате. Ее триллер-новелла «Черный ящик» (“Black Box”) была первоначально опубликована в 2012 году в виде серии твитов с интервалом в один час [9].

В Японии рынок литературы, существующей в формате микроблогов, оценивается в \$36 млн. В 2007 г. опубликованный в Твиттере рассказ «Небо любви» японского автора Ибуки Ханэда, известной под псевдонимом Мика, стал бестселлером №1 [8]. Финансовый успех произведения, возможно, обязан современному образу жизни японцев: работа в сверхурочном режиме, отсутствие полноценного досуга.

Эстетические причины существующей и возможной критики обсуждаемого явления ясны и, возможно, оправданы. Не вдаваясь в подробности этих причин, попробуем, напротив,

увидеть возможности и достоинства данного дискурса с точки зрения прикладной лингвистики и, в частности, лингводидактики.

Попробуем оценить потенциал твиттературы как материала для дополнительного (факультативного) чтения при изучении иностранного языка. Согласно выдающемуся американскому методисту Стивену Крашену (S. Krashen), свободное чтение по интересам является одним из ключевых способов совершенствования родного языка и овладения иностранным языком [6]. Обширное исследование по данному вопросу представлено в книге Крашена “The Power of reading: insights from the research”. Вот как определяет данный вид входного материала (далее – инпута) автор книги: «Свободное чтение по интересам означает чтение по собственному желанию: никаких отчетов о прочитанных книгах, никаких вопросов на понимание в конце главы. Вам не нужно заканчивать книгу, если она Вам не понравилась» [6].

Книгу А. Асимана и Э. Ренсина с ее пародиями на классическую литературу можно отнести к категории легкого чтения, которой посвящены несколько глав в исследовании С. Крашена. Такие признаки, как разговорная речь, сленг, небольшой объем текста, наличие графических элементов, позволяют поставить произведение упомянутых авторов в один ряд с комиксами, манго и графическими романами.

Интересна в этой связи судьба комиксов в США. Весьма популярный в первое десятилетие своего существования жанр комиксов практически прекращает своего существование после публикации книги Фредерика Вертама (F. Wertham) «Соблазнение Невинных» (Seduction of the Innocent (1954)). В этой книге американский психиатр предостерегает общество о возможном антисоциальном влиянии чтения комиксов на детей и высказывает мысль о том, что экстенсивное чтение комиксов способствует возникновению серьезных нейрофизиологических расстройств, препятствующих дальнейшему развитию навыков чтения [6]. Вызванные книгой опасения привели к созданию «Кодекса издателей комиксов» – руководства, которое историк комиксов Б. Брока (B. Broca) называет «самой жесткой формой цензуры, примененной к средству массовой информации в Соединенных Штатах». По словам исследователя, вместо комиксов долгое время публиковались «скучные и повторяющиеся истории о призраках и забавных зверьках» [6].

Впоследствии ученые не смогли подтвердить тезисы Ф. Вертама. Напротив, обнаружилось веские доказательства того, что чтение комиксов стимулирует интерес к более «серьезной» литературе [7].

По мнению исследователя Р. Л. Торндайка (R. L. Thorndike), «с учетом потребности учащихся старших классов начальной школы и младших классов средней школы в экстенсивном чтении и расширении словарного запаса, этим источником (комиксами) не следует пренебрегать» [6]. Текущие комиксы в среднем содержат около 2000 слов за выпуск (не считая рекламы). Таким образом, один комикс в день означал бы более полумиллиона слов в год, что составляет половину среднегодового объема чтения детей среднего класса [2].

Мы полагаем, что похожим образом обстоят дела и с чтением такой альтернативной прозы, как твиттература: ее чтение не просто не препятствует, но может способствовать развитию перехода к «серьезному» чтению.

В этой связи интересен опыт К. Бауэрс (K. Bowers) – медиа-куратора «Североамериканского Общества Достоевского», а также участницы Круглого стола «Teaching Dostoevsky in the 21st century». Только в данном случае речь идет не об инпуте, а о практике порождения речи. Кэтрин давала студентам задание писать и выкладывать в

Твиттере сообщения от лица персонажей повести или романа Ф. М. Достоевского. Допускалась определенная доля импровизации, при условии, что студенты не будут выходить из образа. Результатом события, согласно собственным наблюдениям Кэтрин, стал возросший интерес к оригинальным произведениям писателя [3].

Естественным образом возникает вопрос: насколько серьезным можно считать чтение твиттературы, в частности «Твиттературы» А. Асимана и Э. Рэнсина?

Для оценки сложности текста иногда прибегают к формулам читабельности (удобочитаемости). Это очень перспективный механизм для выбора подходящей литературы для изучающих иностранный язык. Тем более, что существует значительный разрыв между последним уровнем адаптированной литературы и «большой» классикой на языке оригинала.

Исследователь Р. Л. Торндайк использовал формулу Лорджа применительно комиксам и сообщил, что «Супермен» и «Бэтмен» написаны примерно на уровне пятого или шестого класса. Другой исследователь Г. Райт использовал формулу Фрая. Его результаты для комиксов о супергероях (например, «Супермен», «Невероятный Халк») согласуются с данными Торндайка в таблице 1[6].

Таблица 1

Индекс читабельности текста по Фраю

Название	Текстовый фрагмент 1	Текстовый фрагмент 2	Текстовый фрагмент 3	Среднее значение
The Amazing Spiderman # 187	7,4	3,0	2,8	4,4
Archie # 274	2,0	1,7	1,7	1,8
Batman # 299	7,9	4,0	8,5	6,4
Bugs Bunny # 201	2,9	1,9	1,7	2,1
Casper the Friendly Ghost # 200	1,9	1,7	1,7	1,8
Chip and Dale # 55	2,9	1,9	1,8	2,2
Dennis the Menace # 158	2,8	3,0	4,7	3,5
The Incredible Hulk # 74	5,5	9,2	1,9	5,5
Mighty Mouse # 53	1,9	3,3	1,9	2,4
Sad Sack # 265	2,4	1,9	1,9	2,1
Spidey Super Stories	2,7	1,8	1,9	2,1
Star Hunters # 7	6,0	7,3	3,3	5,5
Star Wars # 16	7,5	7,4	3,3	6,1
Superman # 329	7,3	8,3	3,5	6,4
Tarzan # 18	7,6	4,4	4,5	5,5
Tom and Jerry # 311	1,9	2,0	1,8	1,9
Wonder Woman # 245	5,5	5,5	3,5	4,8
Woody Woodpecker # 172	2,4	2,4	3,0	3,1
Yogi Bear # 7	3,2	3,5	2,4	3,0

* Цит. по: [6].

Для анализа твиттературы обратимся к опубликованной у А. Асимана и Э. Рэнсина пародии на роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [1].

В таблице 2 приведем часть текста в оригинале и в переводе:

Таблица 2

Перевод фрагмента текста из пародии А. Асимана и Э. Ренсина на роман Ф. М.
 Достоевского «Преступление и наказание»

<p>Crime and Punishment by Fyodor Dostoevsky @RobPeterPayPaul</p> <p>It's hard being a poor student – lots of work, crappy room, and I have the ugliest hat this side of the Urals.</p> <p>Man at the bar telling me a story. In essence: 'Now my daughter's a prostitute, and I know why (yeah, yeah) because I got high.' Or drunk.</p> <p>Though I must say, his daughter is quite the lady. Very comforting, though a bit pushy with the Jesus stuff.</p> <p>It is a bit of a rut being so miserably impoverished. I need something to lighten up my life, something exciting...</p> <p>I've got it. Rather than accept financial aid from my friend, I'll murder an elderly money-lender in cold blood. Why? I'm not telling.</p> <p>Really, I'm not telling. Probably something to do with the hack Turgenev and that hip nihilism shit, but my lips are sealed.</p> <p>However, if you'd like to guess at my psychological and ideological motivations for the next couple of hundred years, be my guest.</p> <p><...></p>	<p>Преступление и наказание Ф. М. Достоевский @RobPeterPayPaul</p> <p>Тяжко быть бедным студентом – куча работы, дрянная комнатуха, а в придачу – самая безобразная шляпа по эту сторону Урала.</p> <p>Мужик в баре рассказывает мне историю. Вкратце: теперь моя дочь проститутка, и я знаю почему (ну-ну), да потому что торчу. Точнее пью*.</p> <p>Хотя признаюсь: дочь его – настоящая леди. Умеет утешить, хотя и несколько навязчиво рассказывает об Иисусе.</p> <p>Как же меня гнетет моя нищета! Хочу чего-то такого, что бы облегчило мою жизнь, чего-то по-настоящему захватывающего...</p> <p>Понял. Вместо того, чтобы принять финансовую помощь от друга, я лучше хладнокровно убью пожилую ростовщицу. Зачем? Не скажу.</p> <p>Правда, не скажу. Вероятно, это как-то связано с этим фейковым Тургеневым или же тем хипстерским нигилизмом... Все. Рот на замок.</p> <p>Однако же, если желаете разгадать все мои психологические и идеологические мотивы, тогда милости прошу: надеюсь, у вас имеется в запасе пара сотен лет.</p> <p><...></p> <p>* аллюзия на песню "Because I Got High" американского рэпера Afroman</p>
---	--

1) Индекс читабельности текста по Г. Фогу

Формула Фога определяет уровень формального образования (класс обучения), необходимый для понимания текста при первом прочтении. Индекс 12, например, требует навыков чтения американского старшеклассника, ученика выпускного класса (около 18 лет) [10].

Индекс Фога = $0,4 \times (\text{СДП} + \text{ПСС})$,

где СДП = средняя длина предложения (т.е. количество слов, разделенное на количество предложений);

ПСС = процент сложных слов.

Сложные слова: слова с количеством слогов 3+. Сюда не включаются имена собственные, распространенный жаргон, слова из нескольких основ. Наиболее распространенные суффиксы (-es, -ed, -ing) не учитываются при подсчете слогов.

Итак, по формуле Фога индекс читабельности разбираемого текста – 7,1.

Сложные слова по формуле, которые брались в расчет, приведены в таблице 3:

Таблица 3

Сложные слова согласно индексу читабельности текста по Г. Фогу

Financial	Minimum
Impoverished	Evidence
Nihilism	Suspicion
Psychological	Fortitude
Ideological	Intricate
Motivations	Dilemma
Introspective	Religion
Miserably	Alienation
Monologues	Testament

2) Индекс читабельности текста по Колман – Лиану (также определяет класс обучения)

В то время как в некоторых формулах читабельности используется количество слогов, в этой формуле используется количество символов в словах [4].

Индекс Колман – Лиану = $5,89 \times \text{СКЗ} - 0,3 \times \text{количество предложений} / (100 \times \text{количество слов}) - 15,8$,

где СКЗ = среднее количество печатных знаков на одно слово (количество печатных знаков, разделенное на количество слов).

Индекс читабельности анализируемого текста равен 7,0.

Сравнивая индексы читабельности твиттературы и комиксов, мы видим, что сложность текста про Раскольников (индекс 7 / 7.1) несколько превышает сложность оригинального англоязычного комикса (графического романа) про Бэтмана и Супермена (индекс 6,4 по среднему значению) и значительно превышает сложность прочих комиксов (также по среднему значению).

Для сопоставления: среднее значение индекса читабельности адаптированного англоязычного романа Дж. Конрада “The Secret Agent”, созданного для образовательных целей и являющегося наиболее сложным в оксфордской серии адаптированных книг “Dominoes”, – 6,6 по формуле Фога и 7 по формуле Колман – Лиану в таблице 4.

Таблица 4

Индекс читабельности адаптированного романа “The Secret Agent”

Индекс читабельности	Текстовый фрагмент 1 (143 слова; стр. 10 - 11)	Текстовый фрагмент 2 (142 слова; стр. 37)	Текстовый фрагмент 3 (143 слова; стр. 67)	Среднее значение
По формуле Г. Фога	7,5	7,1	5,3	6,6
По формуле Колман – Лиану	7	8	6	7

Заметим в скобках, что помимо названных формул читабельности существует множество других. Кроме того, в арсенале методиста имеются специальные методики для расчета лексической сложности текста: коэффициент информативности текста (lexical density) и коэффициент лексического разнообразия текста (lexical diversity).

Сложность текста на уровнях семантики и прагматики, однако, является в некотором смысле субъективным параметром. Действительно, все, что имеет отношение к миру смыслов, едва ли поддается простому количественному анализу. Однако именно эта сфера представляет особый интерес для читателя.

В пародии на роман «Преступление и наказание», например, нет и намёка на полифонию Достоевского. Слышим только один голос, и тот, говоря словами Ж. Бодрийяра, существует лишь на уровне «рекламной тождественности», как нечто лишённое глубины и аутентичности [14]. Намеренно или случайно, в тексте получили отражение тенденции современной культуры «селфи» с заикленностью на себе и «выключенностью» из живого общения:

Casually off'd that old maid while typing this. <...>

(Мимоходом прикончил старуху, набирая этот текст. <...>)

I'M REALLY UPSET RIGHT NOW BECAUSE I KILLED AN OLD WOMAN AND THOUGH I TWEET IT MY LIPS CAN'T SPEAK IT.

(СЕЙЧАС Я ПО-НАСТОЯЩЕМУ РАССТРОЕН, ПОТОМУ ЧТО УБИЛ ПОЖИЛУЮ ЖЕНЩИНУ. И ХОТЯ И ТВИТЧУ, МОИ УСТА НЕ СПОСОБНЫ ЭТО ПРОИЗНЕСТИ.)

У читателя формируется стойкое ощущение, что внутренний мир повествователя не просто скрыт от нас, но скрыт и от самого героя, а возможно вообще отсутствует. Герой при этом оказывается жертвой случайных дискурсивных практик:

<...> Probably something to do with that hack Turgenev <...>

Нетрудно заметить, что отсутствие глубокой интроспекции и вообще хоть сколько-нибудь содержательного психологического измерения обыгрывается как намеренное. Возможно, это значимое отсутствие? Возможно, герой не очень хорошо понимает собственные ценностные установки и идеалы, поскольку воспринимает себя через призму абстрактной целевой (медиа-)аудитории «фолловеров»?

Sorry about the rant there. Will try to keep that long, introspective monologues to a minimum.

(Извиняюсь за разглагольствования. Постараюсь свести утомительные интроспективные монологи к минимуму)

Очевидно то, что данное произведение, как и вся книга писателей Асимана и Ренсина, является интеллектуальной провокацией и, быть может, пародией на аспекты современного общества, связанные, например, с «поверхностной коммуникацией». Это, а также большое

количество культурных аллюзий (Dostoevsky, Turgenev, Napoleon, etc.), сознательное смешение стилистических регистров (“The carnal expression of the spirit of Venus: to enjoy the consummation of affection, to make love, to get it on”) углубляют текст в смысловом отношении.

Изобилующую сленгом книгу молодых писателей можно использовать также как дополнительное пособие для изучения сленга, например, в рамках лексикологии английского языка. Понятно, что освоение сленга – как и любого лексического материала – целесообразно (потому что эффективно) производить в контексте историй, понятных и интересных обучающемуся.

Глоссарий книги представляет особый интерес с точки зрения осмысления и определения маргинальных речевых явлений молодого поколения. Приводимые здесь дефиниции содержат такие сугубо лингвистические термины, как “glossary”, “semi-intelligible”, “semiotics”, “multi-syllabic”, etc. Однако, несмотря на относительную полезность тезауруса, нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело с псевдо-лексикографией, и глоссарий представляет собой фарс в духе постмодернизма.

GLOSSARY

A guide to this book's obscure and esoteric terminologies and idioms for the benefit of luddites and old-timers that they may understand and enjoy the humor and wordplay herein contained.

(Глоссарий

Руководство по неясной и эзотерической терминологии и идиомам этой книги на благо луддитов (т.е. противников новой технологии; это слово с уничижительным значением в английском языке) и старожилов, чтобы они могли понять и по достоинству оценить юмор и игру слов, содержащиеся в этой книге.)

Учитывая маргинальный статус сленга, книги подобного содержания, на наш взгляд, следует отнести к категории свободного чтения по интересам. Интерес к молодежному сленгу естественен среди студентов и не нуждается в специальном подкреплении. Университетской библиотеке достаточно иметь данную литературу в наличии. Так, согласно проведенным исследованиям, обогащение книжной среды в классах приводит к большему объему чтения [7].

В заключение отметим, что твиттература в том виде, в котором она была представлена в книге А. Асимана и Э. Ренсина, не является эрзацем или субститутом классики, но попыткой осмыслить шедевры классической литературы в контексте современной ценностной парадигмы. Тем более что оценить по достоинству данное пародийное произведение можно только при условии, что знаком с первоисточником. Эстетическое значение данной беллетристики не бесспорно, однако ее прикладное значение как факультативного входного материала, на наш взгляд, вполне очевидно.

Литература

1. *Бовшик А.С.* Аналоговая и семиотическая репрезентации в аспекте лингво-семиотического анализа [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Том 248. № 33. С. 222–224. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/248/vcsu11_33.pdf (дата обращения: 10.02.2020)
2. *Бовшик А. С.* Особенности поликодового постмодернистского дискурса (на материале романов Д. Коупленда “Generation X” и “Generation A”): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2012. Челябинск, 21 с.

3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 2000. М.: Добросвет, 258 с.
4. Зенкевич И.В., Михайлова А.Е. Учебный процесс в современном ВУЗе: массовая культура и критическое мышление [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2014. Том 1. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n3/72256.shtml> (дата обращения: 28.02.2020)
5. Зенкевич И.В. Состояние русистики в США в XXI веке: место русского языка в системе американского образования [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Том 184. № 7. С. 117-123. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-117-123
6. Зенкевич И.В. Сербская романтическая поэма первой половины XIX века [Электронный ресурс] // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 2. С. 27-32 https://psyjournals.ru/files/33072/philology_2010_2_Zenkevich.pdf (дата обращения: 28.02.2020)
7. Курсанов А.И. С. Хантингтон о "Столкновении цивилизаций" в контексте глобальных трансформаций [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2008. Том 51. № 3. С. 32-43. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130197/> (дата обращения: 10.02.2020)
8. Курсанов А.И. Наркомания и наркобизнес как глобальная угроза. 2008. М.: МГАДА, 207 с.
9. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха. 215 с.
10. Микк Я.А. Методика разработки формул читабельности // Советская педагогика и школа. Т.: Изд-во Тарту, 1974. № 9. С. 78–163.
11. Оборнева И.В. Автоматизированная оценка сложности учебных текстов на основе статистических параметров: дис. ... канд. пед. наук. 2006. М., 120 с.
12. Aciman A., Rensin E. Twitterature: The World's Greatest Books Retold Through Twitter. 2009. Oxford: Penguin books, 146 p.
13. Anderson R., Wilson P., Fielding L. Growth in reading and how children spend their time outside of school. 1988. Illinois: Research Quarterly. P. 285–303.
14. Bowers K. Twitterature in the Dostoevsky Classroom // NYU Jordan Center for the Advanced Study of Russia. 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: http://jordandrussiacenter.org/news/twitterature-in-the-dostoevsky-classroom/#.Xm0f_Xgue1s (Accessed 06.03.2020)
15. Coleman M., Liau T. L. A computer readability formula designed for machine scoring // Journal of Applied Psychology. 1975. Vol. 60. P. 283–284.
16. Conrad J. The Secret Agent. 2010. Oxford: Oxford University Press, 84 p.
17. Krashen S. D. The Power of Reading: Insights from the Research. 2004. Devon: Libraries Unlimited, 214 p.
18. Morrow L., Weinstein C. Increasing children's use of literature through program and physical changes // Elementary School Journal. 1982. Vol. 83. P. 131–137.
19. Rudin M. From Hemingway to Twitterature: The Short and Shorter of It // The Journal of Electronic Publishing. 2011. Vol. 14. Issue 2. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://quod.lib.umich.edu/j/jep/3336451.0014.213?view=text;rgn=main> (Accessed: 06.03.2020)
20. Stone B. Black Boxes: On Reading Jennifer Egan's Twitter Story // NC Magazine. Nonfiction. 2012. Vol. 3. № 6. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://numerocinqmagazine.com/2012/06/20/black-boxes-on-reading-jennifer-egans-twitter-story-bruce-stone/> (Accessed 06.03.2020)
21. Tanaka-Ishii K., Tezuka K., Terada H. Sorting texts by readability // Computational Linguistics. 2010. Vol. 36. № 2. P. 203–227. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/J10-2002.pdf> (Accessed 06.03.2020)

22. Wright G. The comic book: A forgotten medium in the classroom // *Reading Teacher*. 1979. Vol. 33. P. 158–161.

References

1. Bovshik A.S. Analogovaya i semioticheskaya reprezentatsii v aspekte lingvo-semioticheskogo analiza. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie = Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2011. Vol 248, no. 33, pp. 222–224. Available at: http://www.lib.csu.ru/vch/248/vcsu11_33.pdf (Accessed: 10.02.2020). (In Russ.).
2. Bovshik A. S. Osobennosti polikodovogo postmodernistskogo diskursa (na materiale romanov D. Kouplenda “Generation X” i “Generation A”). Avtoref. dis. kand. filol. nauk. 2012. Chelyabinsk, 21 s. (In Russ.).
3. Bodriyar Zh. Prozrachnost' zla. 2000. Moscow: Dobrosvet, 258 p. (In Russ.).
4. Zenkevich I.V., Mikhailova A.E. Uchebnyi protsess v sovremennom VUZe: massovaya kul'tura i kriticheskoe myshlenie [The educational process in a modern university: mass culture and critical thinking]. *Yazyk i tekst = Language and text*, 2014. Vol. 1, no. 3, pp. 1-6. Available at: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n3/72256.shtml> (Accessed: 28.02.2020) (In Russ.).
5. Zenkevich I.V. Sostoyanie rusistiki v SShA v XXI veke: mesto russkogo yazyka v sisteme amerikanskogo obrazovaniya [Russian studies in the USA in the XXI century: the Russian language in American education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk state pedagogical university bulletin*, 2017. Vol 184, no. 7, pp. 117-123. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-117-123. (In Russ.).
6. Zenkevich I.V. Serbskaya romanticheskaya poema pervoi poloviny XIX veka [Serbian Romantic Poem of the First Half of XIX Century]. *Problemy filologii: yazyk i literatura = Problems of Philology: Language and Literature*, 2010, no. 2, pp. 27-32. Available at: https://psyjournals.ru/files/33072/philology_2010_2_Zenkevich.pdf (Accessed: 28.02.2020). (In Russ.).
7. Kirsanov A.I. S. Khantington o "Stolknovenii tsivilizatsii" v kontekste global'nykh transformatsii. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*, 2008. Vol. 51, no. 3, pp. 32-43. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130197/> (Accessed: 10.02.2020). (In Russ.).
8. Kirsanov A.I. Narkomaniya i narkobiznes kak global'naya ugroza, 2008. Moscow: MGADA, 207 p. (In Russ.).
9. Makhmudova S.M. Frazeologicheskii slovar' rutul'skogo yazyka, 2016. Makhachkala: Epokha, 215 p. (In Russ.).
10. Mikk Ya.A. Metodika razrabotki formul chitabel'nosti. *Sovetskaya pedagogika i shkola*. Tartu: Publ. Tartu, 1974, no. 9, pp. 78–163. (In Russ.).
11. Osborneva I.V. Avtomatizirovannaya otsenka slozhnosti uchebnykh tekstov na osnove statisticheskikh parametrov. Dis. kand. ped. nauk. 2006. Moscow, 120 p. (In Russ.).
12. Aciman A., Rensin E. *Twitterature: The World's Greatest Books Retold Through Twitter*, 2009. Oxford: Penguin books, 146 p.
13. Anderson R., Wilson P., Fielding L. Growth in reading and how children spend their time outside of school, 1988. Illinois: Research Quarterly, pp. 285–303.
14. Bowers K. *Twitterature in the Dostoevsky Classroom*. *NYU Jordan Center for the Advanced Study of Russia*, 2019. [Elektronnyi resurs]. Available at: http://jordanrussiacycenter.org/news/twitterature-in-the-dostoevsky-classroom/#.Xm0f_Xgue1s

(Accessed 06.03.2020)

15. Coleman M., Liao T. L. A computer readability formula designed for machine scoring. *Journal of Applied Psychology*, 1975. Vol. 60, pp. 283–284.
16. Conrad J. *The Secret Agent*, 2010. Oxford: Oxford University Press, 84 p.
17. Krashen S. D. *The Power of Reading: Insights from the Research*, 2004. Devon: Libraries Unlimited, 214 p.
18. Morrow L., Weinstein C. Increasing children's use of literature through program and physical changes. *Elementary School Journal*, 1982. Vol. 83, pp. 131–137.
19. Rudin M. From Hemingway to Twitterature: The Short and Shorter of It. *The Journal of Electronic Publishing*, 2011. Vol. 14, Issue 2. [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/jjep/3336451.0014.213?view=text;rgn=main> (Accessed: 06.03.2020)
20. Stone B. Black Boxes: On Reading Jennifer Egan's Twitter Story. *NC Magazine. Nonfiction*, 2012. Vol. 3, no. 6. [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://numerocinqmagazine.com/2012/06/20/black-boxes-on-reading-jennifer-egans-twitter-story-bruce-stone/> (Accessed 06.03.2020)
21. Tanaka-Ishii K., Tezuka K., Terada H. Sorting texts by readability. *Computational Linguistics*, 2010. Vol. 36, no. 2, pp. 203–227. Available at: <https://www.aclweb.org/anthology/J10-2002.pdf> (Accessed 06.03.2020)
22. Wright G. The comic book: A forgotten medium in the classroom. *Reading Teacher*, 1979. Vol. 33, pp. 158–161.

Информация об авторах

Бовшик Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, современных коммуникаций и управления, Московский городской психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru;

Information about the authors

Bovshik Aleksandr Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor, Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Получена 05.03.2020

Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020

Accepted 13.03.2020

Достоевский в учебниках русского языка для американцев

Зенкевич И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

В статье исследуются учебники русского языка, написанные американскими авторами, с целью выявления отношения их авторов к творчеству и личности Ф. М. Достоевского. В статье раскрываются причины, побудившие американских ученых пропагандировать введение преподавания русского языка в учебную программу американских вузов, одними из ключевых среди которых явились причины, связанные с ролью русской литературы на мировой арене. В этой связи в статье изучается вопрос о том, насколько жизнь и творчество одного из ведущих русских писателей второй половины XIX века, Ф. М. Достоевского, нашли отражение в учебниках русского языка для американцев. Автор статьи исследует более 50 учебников русского языка как иностранного, изданных в США в период с начала XX века до нашего времени. Методом сплошной выборки автор данной статьи отбирает контексты в учебниках, посвященные Достоевскому, делит их на группы и раскрывает степень и характер заинтересованности американских составителей учебников русского языка в Достоевском-писателе и человеке. Автор статьи приходит к выводу, что, несмотря на взаимодействие культур в современном мире и интерес к русской литературе в США, количество упоминаний Достоевского в американских учебниках русского языка невелико, а наполнение контекстов о нем – мало информативно.

Ключевые слова: учебники русского языка для американцев, взаимодействие культур, лингводидактический потенциал, творчество Достоевского, общемировой контекст.

Для цитаты: *Зенкевич И.В.* Достоевский в учебниках русского языка для американцев [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 101–108. DOI:10.17759/langt.2020070110

Dostoevsky in Russian Language Textbooks for Americans

Irina V. Zenkevich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

The article examines Russian language textbooks written by American authors in order to identify the attitude of their authors to the work and personality of F. M. Dostoevsky. The article reveals the reasons that prompted American scholars to promote the introduction of teaching of the Russian language in the curriculum of American universities, one of them being appreciation of the role of Russian literature in the world. Therefore, this article examines the issue of how the life and work of one of the leading Russian writers of the second half of the XIX century Dostoevsky reflected in the textbooks of the Russian language for Americans. The author of the article examines more than 50 textbooks of Russian as a foreign language published in the United States in the period from the beginning of the twentieth century to our time. Using the method of continuous sampling, the author selects contexts in the textbooks in focus dedicated to Dostoevsky, divides them into groups, and reveals the degree of interest of American compilers of Russian textbooks in Dostoevsky - the writer and the person. The author concludes that, despite the interaction of cultures in the modern world and the interest in Russian literature in the United States, the number of references to Dostoevsky in the American textbooks of the Russian language is small, and the contexts containing his name – not very informative.

Keywords: Russian Language Textbooks for Americans, Interaction of Cultures, Linguodidactic Potential, Dostoevsky's Creativity, Global Context.

For citation: Zenkevich I.V. Dostoevsky in Russian Language Textbooks for Americans. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 101—108. DOI:10.17759/langt.2020070110 (In Russ.).

Непрерывное взаимодействие культур разных народов современности является основой нашего мира. Каждая культура представляет собой деятельность народа, его создавшего, связанную с освоением и осмыслением окружающей действительности. Общение внутри одной культуры и между разными культурами происходит, в том числе, при помощи языковых средств. Литература как вид искусства, представляющий собой осмысление действительности посредством художественных образов, переданных в письменной форме, является одним из важнейших видов творческой деятельности человека. Литературные тексты способны выступать не только как ценное художественное произведение, но и как компонент учебного процесса по овладению иностранным языком: они могут служить материалом языкового, страноведческого, культурологического характера для обучающихся. Поскольку литературными текстами считаются такие, которые созданы конкретным автором (или авторами), мы можем говорить о важности личности самого автора как реального исторического лица и как творца конкретного текста, транслятора определенных идей и эстетических взглядов. Таким образом, говоря о лингводидактическом потенциале литературного текста, мы не можем не учитывать значимость его автора для представителей его родной культуры и для культуры иностранных обучающихся.

Преподавание русского языка и литературы в системе образования в США началось в конце XIX века, когда курсы русского языка и русской литературы стали появляться как учебная дисциплина в вузах США. Уже в это время энтузиасты введения преподавания русского языка и литературы в вузовскую программу прибегали к аргументам, связанным с богатством русской культуры, в частности, литературы, для обоснования необходимости

появления таких дисциплин в американских вузах. В 1892 г. в Чикагском университете была предпринята первая попытка ввести преподавание русского языка в программу подготовки студентов. Натан Хаскелл Доул (N. Dole), переводчик, редактор, писатель, журналист, полиглот, самостоятельно выучивший русский язык, автор труда по истории русской драмы и некоторых других работ, посвященных России, обратился к президенту университета Уильяму Рейни Харперу с просьбой ввести преподавание русского языка, своевременность и необходимость которого он объяснил так: «Русский язык богат, а русская литература прекрасна. Если в России публикуется 7 000-8 000 книг в год, совершенно очевидно, что среди определенного количества неудачных найдутся те, которые заслуживают внимания всего мира. В русской литературе, которую читают шесть или семь миллионов россиян, американцы смогут обнаружить многие созвучные им идеи. Поэтому я считаю, что можно будет найти определенное количество заинтересованных студентов, которые бы хотели изучить русский язык под руководством преподавателя-энтузиаста... К тому же, это даст великолепный шанс опередить Гарвард и другие институты» [9; с. ii]. И хотя руководство Чикагского университета в это время не увидело необходимости во внедрении курсов русского языка и литературы в учебную программу и не выделило финансового обеспечения на такого рода курсы (Гарвардский университет, как и опасался Доул, стал первым вузом США, в котором появился русский язык как учебная дисциплина), сама попытка Доула и ее обоснование говорят о том, что в американском обществе конца XIX века существовало понимание того, что русская литература имеет мировое значение, что она вписана в общемировой литературный контекст и исследует проблемы общечеловеческого характера [2].

Немного позже, а именно в начале XX века начали издаваться первые учебники русского языка, которые были составлены американскими авторами и предназначались для американской учебной аудитории [1]. Преподавание русского языка входило в систему американского образования довольно медленно. Это связано прежде всего с тем, что русский язык воспринимался в США как трудный для изучения носителями английского языка. Данная трудность, по мнению американских авторов некоторых учебников русского языка, изданных в начале и середине XX века, может компенсироваться культурной значимостью самого языка и русской литературы, поскольку российская культура является, по их мнению, достоянием не только русского народа, но и всего человечества, а значит неизбежно представляет интерес для американских обучающихся. Особенно значимой идея составителей учебников о вписанности русского языка и литературы в общемировой культурный контекст выглядит в период, когда СССР был изолирован от западного мира, находился в антагонистических отношениях с США во время существования «железного занавеса» между этими странами. Приведем несколько примеров. В предисловии к учебнику 1960 г. издания читаем следующее: «Изучивший русский сможет читать одну из величайших литератур мира и понимать образ жизни людей, живущих в той части света, чье влияние на человечество неизбежно и сильно» [7; с. 1-4]; [2]. Несмотря на завершение политики маккартизма в конце 1950-х гг., отношение к коммунизму в США оставалось враждебным. В этой связи признание авторами американских учебников русского языка того факта, что русская литература, живопись, музыка, театр являются частью мирового контекста и представляют интерес для американцев, является особенно ценным и значимым: «На русском языке создана глубокая интересная литература. Кроме всеми почитаемого Пушкина, эта литература представлена такими писателями как Толстой, Достоевский, Чехов, которые оказали существенное влияние на западную литературу. Мировое искусство и наука были обогащены трудами таких русских как

Глинка, Мусоргский, Чайковский, Рахманинов, Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Станиславский, Нижинский, Репин; Ломоносов, Менделеев, Павлов и многие другие. В настоящее время советские ученые на равных конкурируют с европейскими и американскими. Русский – не только язык одной из ведущих мировых стран, которая оказывает существенное влияние на развитие современного мира, но и язык существенных достижений в искусстве и науке» [6; с. 1]; [2].

При таком подходе к обоснованию необходимости изучения русского языка составители американских учебников русского языка, очевидно, не могли не представить произведения русской литературы и их авторов в учебной литературе, предназначенной для американских студентов. Нами было исследовано около 50 учебников русского языка, составленных американскими авторами для американской учебной аудитории. Судя по частотности упоминаний в учебниках фамилий русских писателей и названий их произведений, Ф. М. Достоевский не является самым популярным русским писателем в США. Самыми частотными именами собственными русских писателей в учебниках русского языка для американцев, созданных американскими авторами, являются фамилии Толстой и Пушкин, третья по частотности – фамилия Чехов, следом идут Достоевский, Горький и Тургенев, т.е. фамилия «Достоевский» упоминается в ограниченном количестве контекстов, которые можно разделить на несколько групп.

Первую группу контекстов составляют те, которые связаны с биографией, личностью самого писателя и его творческой манерой. Информации подобного рода в учебниках немного. В основном, их авторы ограничиваются сухой справкой о временном интервале жизни и деятельности писателя, например, в таком: Ф. М. Достоевский родился 30 октября 1821 г. и умер в 1881 г. в январе [12; 238, 240]. Очевидно, данный контекст помещен в учебнике не с целью ознакомить обучающихся с биографией Достоевского, а для отработки числительных при изучении дат: он не содержит значимой информации о биографии писателя. Личность писателя Достоевского описывается следующим образом: Ф. М. Достоевский – глубокий психолог и большой знаток человеческой души [4; с. 263]. Использование именных словосочетаний «глубокий психолог» и «большой знаток» выводит на первый план обширность знаний и масштабность Достоевского-писателя, которые особо подчеркиваются конечной фразой данного предложения – «человеческая душа». Поскольку русскую литературу и ее авторов создатели американских учебников, в основном, воспринимали как принадлежащих общемировому литературному процессу, обучающийся понимает, что смысл сочетания «человеческая душа» состоит в том, что произведения Достоевского будут понятны и интересны читателям вне зависимости от национальности, а не только русским. Таким образом, творчество Достоевского приобретает наднациональный характер и общечеловеческую значимость. В то же время предмет интереса Достоевского-писателя, по мнению авторов учебников, может быть обозначен так: Вместо героев русского общества, Достоевского главным образом интересовали несчастливые и больные люди [8; 204]. В русском восприятии Достоевский представляет собой писателя-гуманиста, верившего в духовность человека, его достоинство, радевшего за развитие человеческой личности и чувства ответственности. Авторы американских учебников русского языка, судя по приведенному выше контексту, видят в нем, прежде всего, писателя, изображавшего несчастья и боль. Сложно сказать, видится ли американцам в подобном спектре интересов писателя позитивное или негативное начало, хотя антитеза «герои русского общества» -- «несчастливые и больные люди», скорее всего, свидетельствует о некотором осуждении творческого подхода

писателя. Нами был найден всего один короткий контекст, прямо свидетельствующий о положительном отношении к творчеству Достоевского: По-моему, Достоевский – очень хороший писатель [13; с. 73].

Во вторую группу контекстов мы относим те, которые связаны с названиями произведений писателя и именованим их жанра. Отметим, что в учебниках русского языка для американцев упомянуты самые известные произведения писателя: «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Записки из мертвого дома». Контексты, содержащие их, предоставляют мало информации для анализа отношения к творчеству писателя, поскольку построены на констатации факта наличия того или иного произведения в творчестве Достоевского: в основном, они создаются при помощи сказуемого, выраженного глаголом «написать»: Достоевский написал роман «Преступление и наказание» [5; с. 90]; Федор Михайлович Достоевский написал роман «Братья Карамазовы» [10; с. 178, 179] [11; с. 178, 179]. Синонимичным им по выраженной идее является предложение: Ф. М. Достоевский автор романа «Идиот» [10; с. 178, 179] [11; с. 178, 179]. Встречаются среди них единичные контексты, более нагруженные информацией, например, такой: Мой сосед, хорошо знающий русский язык, переводит роман – или скорее длинный рассказ – Достоевского «Бедные люди» [12; с. 238, 240]. Из него очевидно, что в Америке люди интересуются творчеством Достоевского настолько, что читают в оригинале и переводят его произведения. Эту мысль подтверждает такой контекст: Мы читаем «Идиота» [12; с. 137].

Третью группу составляют отрывки или цитаты из произведений Достоевского. Надо отметить, что эта группа малочисленна. Очевидно, произведения писателя являются сложными для чтения и понимания на первых этапах обучения русскому языку до достижения порогового продвинутого уровня, поэтому авторы американских учебников практически не помещают даже отрывков из его работ в разделы, посвященные чтению. Небольшой текст, содержащий описание каморки Раскольникова и озаглавленный составителями учебников «Комната», был обнаружен нами только в двух учебниках, созданных, однако, одним и тем же коллективом авторов [7]; [8; с. 70]. Также в одном из первых учебников русского языка, изданных в США, есть цитата из произведения «Записки из мертвого дома» со ссылкой на него: «И все это от тоски, от праздности, от нечего делать (Достоевский «Записки из мертвого дома»)» [3; с. 283]. В то же время эта цитата не сопровождается какими-либо объяснениями значений входящих в него слов.

Таким образом, мы можем констатировать, что интерес к Достоевскому американских авторов-составителей учебников русского языка как иностранного носит ограниченный характер. С одной стороны, его творчество воспринимается авторами в общемировом контексте, с другой – в учебниках дается мало информации о писателе: будь то биографические сведения или информация о творчестве и своеобразии его произведений: это видно по краткости предложений, содержащих упоминания о писателе и его произведениях, а также по практически полному отсутствию цитат и отрывков из работ Достоевского.

Литература

1. *Бовшик А.С.* Аналоговая и семиотическая репрезентации в аспекте лингво-семиотического анализа [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Том 248. № 33. С. 222–224. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/248/vcsu11_33.pdf (дата обращения: 10.02.2020)

2. Зенкевич И.В. А.К. Кулидж – популяризатор русистики в США [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 3. С. 78-85. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Zenkevich.shtml> (дата обращения: 10.02.2020)
3. Зенкевич И.В. Факторы интереса к изучению русского языка в США [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2019. № 4. С. 99-106. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.4.30343
4. Махмудова С.М. Фразеологический словарь рутульского языка. 2016. М.: Эпоха. 215 с.
5. Boyer P., Speransky N. Russian Reader. Accented Texts, Grammatical and Explanatory Notes. 1915. С.: The University of Chicago Press, 386 p.
6. Cornyn W.S. Beginning Russian. Revised Edition. 1961. N. H. and L.: Yale University Press, 312 p.
7. Davis P.A., Oprendeck D.V. Making Progress in Russian. A second-year course. 1973. L.: Xerox College Publishing, 518 p.
8. Doherty J.C., Lamoureux C. Lander M.R. Russian: Book One. 1968. B.: D. C. Heath and Company, 303 p.
9. Doherty J.C., Lander M.R. First Course in Russian. Part One. 1960. B.: D.C.Heath and Company, 226 p.
10. Doherty J.C., Lamoureux C. Lander M. R. Russian: Book Two. 1970. L.: D. C. Heath and Company, 382 p.
11. Dole N.H. A Plea for the study of Russian: in 42 vol. Vol. 1894. B.: Harvard Graduate's Magazine. 636 p.
12. Lunt H.G. Fundamentals of Russian (First Russian Course). 1958. The H.: Mount and Co. Publishers, 320 p.
13. Nummikoski M. Troika A Communicative Approach to Russian Language, Life and Culture. 2011. N. Y.: John Wiley and Sons Inc., 676 p.
14. Pei M., Nikanov F.I. Getting along in Russian. A Holiday Magazine Language Book. 1960. N. Y.: Bantam Books, 228 p.
15. Perry J.W. Scientific Russian. A Textbook for Classes and Self-Study. 1950. N. Y.: Interscience Publishers, 816 p.
16. Prince J.D. Russian Grammar for Class and Reference Use. A Progressive Method of Learning Russian. 1919. N. Y.: Columbia University, 218 p.
17. Richard M.R., Karen E.-R., Galina S. Golosa: A Basic Course in Russian, Book One. 2012. USA: Pearson, 426 p.
18. Richards I.A., Gibson Ch.M., Jasiulko E. Russian through Pictures. Book One. 1961. N. Y.: Washington Square Press, 189 p.
19. Robin R., Robin J., Henry K. Golosa: A Basic Course in Russian, Book One: in 2 vol. Vol. 1. 1993. N. J.: Prentice Hall, 448 p.
20. Robins L. Russian for Travelers. 1963. N. Y.: Collier Books, 128 p.
21. Senn A., Rozhdestvensky A. Cortina's Russian in 20 lessons. With Illustrations. 1964. N. Y.: R.D.Cortina Co. Inc. Publishers, 444 p.
22. Sergievsky N.N. How to Read, Write and Speak Modern Russian. Second, Revised Edition. 1947. N. Y.: Frederick Ungar Publishing Co., 291 p.

References

1. Bovshik A.S. Analogovaya i semioticheskaya reprezentatsii v aspekte lingvo-

semioticheskogo analiza. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*= *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2011. Vol 248, no. 33, pp. 222–224. Available at: http://www.lib.csu.ru/vch/248/vcsu11_33.pdf (Accessed: 10.02.2020). (In Russ.).

2. Zenkevich I.V. A.K. Kulidzh – populyarizator rusistiki v SShA [Recollection about the Sign of The Most Holy Mother Of God]. *Yazyk i tekst=Language and text*, 2016. Vol. 3, no. 3, pp. 78-85. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Zenkevich.shtml> (Accessed: 10.02.2020). (In Russ.).

3. Zenkevich I.V. Faktory interesa k izucheniyu russkogo yazyka v SShA. *Filologiya: nauchnye issledovaniya=Philology: scientific research*, 2019, no. 4, pp. 99-106. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.4.30343. (In Russ.).

4. Makhmudova S.M. *Frazeologicheskii slovar' rutul'skogo yazyka*, 2016. Makhachkala: Epokha, 215 p. (In Russ.).

5. Boyer P., Speransky N. *Russian Reader. Accented Texts, Grammatical and Explanatory Notes*. 1915. Chicago: The University of Chicago Press, 386 p.

6. Cornyn W.S. *Beginning Russian. Revised Edition*. 1961. New Haven and London: Yale University Press, 312 p.

7. Davis P.A., Oprendeck D.V. *Making Progress in Russian. A second-year course*. 1973. Lexington: Xerox College Publishing, 518 p.

8. Doherty J.C., Lamoureux C. Lander M.R. *Russian: Book One*. 1968. Boston: D. C. Heath and Company, 303 p.

9. Doherty J.C., Lander M.R. *First Course in Russian. Part One*. 1960. Boston: D.C.Heath and Company, 226 p.

10. Doherty J.C., Lamoureux C. Lander M. R. *Russian: Book Two*. 1970. Lexington: D. C. Heath and Company, 382 p.

11. Dole N.H. *A Plea for the study of Russian: in 42 vol. Vol. 1894*. Boston: Harvard Graduate's Magazine. 636 p.

12. Lunt H.G. *Fundamentals of Russian (First Russian Course)*. 1958. The Hague: Mount and Co. Publishers, 320 p.

13. Nummikoski M. *Troika A Communicative Approach to Russian Language, Life and Culture*. 2011. New York: John Wiley and Sons Inc., 676 p.

14. Pei M., Nikanov F.I. *Getting along in Russian. A Holiday Magazine Language Book*. 1960. New York: Bantam Books, 228 p.

15. Perry J.W. *Scientific Russian. A Textbook for Classes and Self-Study*. 1950. New York: Interscience Publishers, 816 p.

16. Prince J.D. *Russian Grammar for Class and Reference Use. A Progressive Method of Learning Russian*. 1919. New York: Columbia University, 218 p.

17. Richard M.R., Karen E.-R., Galina S. *Golosa: A Basic Course in Russian, Book One*. 2012. USA: Pearson, 426 p.

18. Richards I.A., Gibson Ch.M., Jasiulko E. *Russian through Pictures. Book One*. 1961. New York: Washington Square Press, 189 p.

19. Robin R., Robin J., Henry K. *Golosa: A Basic Course in Russian, Book One: in 2 vol. Vol. 1*. 1993. New Jersey: Prentice Hall, 448 p.

20. Robins L. *Russian for Travelers*. 1963. New York: Collier Books, 128 p.

Зенкевич И.В.
Достоевский в учебниках русского языка для
американцев
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 101–108.

Zenkevich I.V.
Dostoevsky in Russian Language Textbooks for
Americans
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 101–108.

21. Senn A., Rozhdestvensky A. Cortina's Russian in 20 lessons. With Illustrations. 1964. New York: R.D.Cortina Co. Inc. Publishers, 444 p.
22. Sergievsky N.N. How to Read, Write and Speak Modern Russian. Second, Revised Edition. 1947. New York: Frederick Ungar Publishing Co., 291 p.

Информация об авторах

Зенкевич Ирина Валерьевна, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Московский городской психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Information about the authors

Zenkevich Irina Valerievna, Assistant professor of the chair «Linguodidactics and Cross-Cultural Communication» Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE
HISTORICAL LINGUISTICS

Лабиялизация в эгейских и нахско-дагестанских языках

Тардиво Дж.

Падуанский университет, г. Падуя, Итальянская Республика

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

Данная статья состоит из трех частей: 1. Субстрат греческого языка; 2. Синхронные исследования лексики нахско-дагестанских языков; 3. Диахрония. Общеизвестно, что языки одной и той же группы или даже одной семьи подвергаются фиксированному процессу звуковых изменений. Греческая письменная форма субстратных слов законсервировала свой оригинальный звук; или, в любом случае, он показывает свою заключительную стадию развития, вызванную совместной артикуляцией и монофтонгированием. Нет никаких оснований утверждать «плохую вокальную систему» для этих языков. Однако есть серьезные основания считать, что слова догреческого субстрата, сохраняющиеся в современном греческом языке, и некоторые исконные слова нахско-дагестанской подгруппы иберийско-кавказских языков могут иметь общую историю или восходить к одной и той же форме. Например, лакский язык демонстрирует ту же ситуацию, что и до-греческий, как пишет И. Церцвадзе в статье «К вопросу о гласных е и о в лакском языке».

Ключевые слова: Эгейский падеж, Нахско-Дагестанский падеж, диахрония, догреческие слова, лабиализация.

Для цитаты: Тардиво Дж. Лабиялизация в эгейских и нахско-дагестанских языках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 109—120. DOI:10.17759/langt.2020070111

Labialization in Aegean and Nakh-Dagestani Languages

Tardivo Giampaolo

Padua State University, Padua, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com

This article consists of three parts: 1. the Substratum of the Greek language; 2. Synchronous studies of the vocabulary of the Nakh-Dagestani languages; 3. Diachrony. It is well known that languages of the same group or even of the same family undergo a fixed process of sound changes. The Greek written form of substratum words has preserved its original sound; or, in any case, it shows its final stage of development, caused by joint articulation and monophthonging. There is no reason to claim a "bad vocal system" for these languages. However, there are serious reasons to believe that the words of the pre-Greek substratum preserved in modern

Greek, and some native words of the Nakh-Dagestan subgroup of the Iberian-Caucasian languages may have a common history or go back to the same form. For example, the Lak language shows the same situation as pre-Greek, as I. Tsertsvadze writes in the article " On the question of vowels e and o in Lak.

Keywords: The Aegean case, The Nakh-Dagestanian case, Diachrony, Pre-Greeks words, Labialization.

For citation: Tardivo G. Labialization in Aegean and Nakh-Daghestanian Languages. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 109—120. DOI:10.17759/langt.2020070111 (In Russ.).

The Aegean case.

As previously mentioned, R. S. P. Beekes (based on Furnée observations) devoted several pages on Pre-Greek language and its phonological feature. It is remarkable how labialization deeply affected that language, a set of phonologic features unusual for an Indo-European language.

Any dictionary transliterates υ as [y], so θύμον [thymon] ‘thyme, a kind of aromatic herb’.

As Beekes stated in “Pre-Greek loanwords in Greek”, there are three different set of consonants: *plain*, *palatalized* and *labialized*. Last one is the core of this script.

“Further, the signs *two*, *twe*, *dwo*, *dwe*, *nwa*, *swa*, *swi*, point to labialization as a distinctive feature, i.e. *t^wo*, *t^we*, *d^wo*, *d^we*, *n^wa*, *s^wa*, *s^wi*. Note that palatal and labial forms of graphemes are found both with resonants and stops, which is a phenomenon alien to Indo-European languages”.

Phonological analyses will continue with some examples, how labialization works on Pre-Greek language:

“We can now use this insight in explaining the surfacing Greek forms. Thus, δάφνη δαυχν(α)- can now be explained from a Pre-Greek form **dak^wn*-. In the former form, the labiovelar yields a labial stop φ. In the latter, it is rendered by -υχ-, with anticipation of the labial feature, while the labiovelar turns up as a velar, possibly by dissimilation from *uk^w*.”.

The interpretation is further confirmed by the parallel development of labialized consonants. Thus, I suppose that *ar^w* resulted in -α(υ)ρ-. In this way, we may understand καλαῦροϋ beside κολόροβον from a preform *kalar^w-op*-. Another form which shows the remarkable interchange α/αυ is ἀρασχάδες / αῦροσχάς;. Here one might assume a pre-form **ar^wask-at*-. Note that the labial element would at the same time explain the *o* as a variant of *a* in both cases.”.

This observation will be at the centre of the theme.

Beekes’ first assertion, it narrow vowels number:

“Originally, I thought that Pre-Greek only had three vowels: *a*, *i*, *u*. The Greek words concerned often have ε and ο, but this would not be surprising, as the three vowels have a wide phonetic range, and the phoneme [a] may have sounded like [e] or [o] in many environments. The main reason for me to assume this simple three vowel system was the fact that the system of suffixes has *a*, *i*, *u*, but not *e*, *o*.”.

Then, a re-thinking how it could be:

“Recently, I have become more inclined to assume a system with the usual five vowels, because there seems to be a distinction between the two variations α / ε and α / ο, on the one hand, and a stable, not interchanging α, on the other. This would point to a system with *a*, *e* and *o*. On the other hand, it is difficult to explain why the suffixes do not show the same variation that we find in the root vowels. It is essential that the palatalized and labialized consonants coloured an adjacent α to ε and ο, respectively. On the effects of palatalized consonants see Beekes 2008: 46-55. Furnée 340 has a rule

$\alpha > o$ before o, ω, υ (e.g. $\kappa\alpha\lambda\upsilon\beta\acute{o}\varsigma$ $\kappa\omicron\lambda\upsilon\beta\acute{o}\varsigma$); this can now be understood as the o -like realization of /a/ before high rounded vowels in the following syllable

So, e and o originally were variants of the phoneme /a/.”

“There are several instances where a diphthong varies with a single vowel. [...] Most frequent is $\alpha/ \alpha\iota$, but this is due to the effect of a following palatalized consonant. We further find $\alpha/ \alpha\upsilon, \varepsilon/ \varepsilon\upsilon$, and $o\upsilon/ \upsilon$ and $o\iota/ \upsilon$.

“Relatively frequent in Pre-Greek words are sequences of a more closed vowel followed by a more open one, sequences that are not found in Indo-European. They would be rising diphthongs if they formed one syllable, but in fact we may have to do with two syllables”.

The conclusion is very short:

“I assume two diphthongs, ai and au . If there were no e and o , we do not expect other diphthongs.”

To resume this part of the script, the letter υ might be represent a labial sound, either with vowel or consonant.

The Nakh-Dagestani case.

It is well known that Nakh-Daghestanian languages have few vowels and a – variably – number of co-articulated consonants, that’s include palatalized (C^j), labialized (C^w) and glottalized (C^s).

The number may vary between languages, and even more, between dialects of the same language.

It is relevant that Nakh (Chechen-Ingush) group has a rich vowels inventory, meanwhile Eastern languages (Daghestanian) are less abundant of. A deep analysis reveals how this process works; at the end, after careful considerations, co-articulation is the key factor of vowels number.

Some articles on Nakh-Daghestanian phyla are quoted here.

Система гласных и регрессивно-дистанционная их ассимиляция в Чеченском и Ингушском языках / Vowel system and its regressive-distant assimilation in Chechen and Ingush” by D. S. Imnaishvili:

1. In Chechen and Ingush the structure of the simple words and derivative stems can be monosyllable and two syllables. The syllable in its turn may be open or closed : 1) CVC; CVCC; 2) CV; 3) $CV_1CV_2(C)$, CV_1CCV_2C . Monosyllable words and stems may turn into two-syllable words by adding some affixes.

2. The distribution of vowels and combinatory phonetic changes in Chechen and Ingush are conditioned by the above mentioned system.

In Chechen and Ingush the system of V_1 vowel phonemes is different from the system of V_2 vowel phonemes: the former is complex system, the latter is simple. The system is reflected in dialects.

3. Comparatively old system of V_1 and V_2 are found in the Makazhga subdialect of Cheberlo dialect (the Chechen language). Here the system of V_1 is simple, and the system of V_2 is complex. E.g.: the system of V_1 – **a, a:, je, je:, i, i:, wo, wo:, u, u:**; the system of V_2 – **a, e, i, o, u.,**

Besides the above mentioned vowels of V_1 system in the dialect of Chechen some other vowels are also found; they must have appeared later, as result of the influence of V_2 system (see below, point 4). These vowels are in the plainsmen’s speech – **ü, ü:, (u, u:); ü (i^w), ü: (i^w) ← i, i:; ö, ö: (← wo, wo:); ö (je^w), ö: (je^w) ← je, je:; e (ε) ← a, e (ε) ← a:, o ← a; o: (oa) ← a:.. In the mountaineer’s speech, in Khildikharo subdialect – **vi, vi:←u, u:** (cf. the Shar subdialect : **uj, u:j;** Veden and Itumkal: **wi, wi:), vje, vje:←wo, wo:** (cf.: Veden and Itumkal **we, we:), jo, jo: (←je, je:);** in Khildikharo, Shar, Veden and Itumkal: **e ← a, e:← a:, o ← a, o: ← a:**. V_2 system: in contrast to**

Makazha, in Khildikhar the vowels **i, e, o, u** are shortened in Auslaut and in Shar **e** of the V_2 system (sometimes **o** as well) turns into **a**. In the plainsmen's speech of Chechen V_2 system is simpler (**a, u, i**) – complication of the first syllable and simplification of the following one is a general tendency in Chechen-Ingush languages.

4. Complication of V_1 is caused by **i, e, u, o** of the V_2 system. Besides, some vowels of V_2 system has undergone further changes.

e of V_2 can cause palatalization, **o** can cause labialization; **i** of V_2 can cause: a) the palatalization of **a, a:, u, u:** (and **wo** in the plainsmen's dialects); b) the narrowing and palatalization of **o** (in Khildikhar and Shar) and **wo:**. **u** can cause : a) the labialization of **a, a:, je, je:** (plainsmen's dialects, Khildikhar and Myst) and **i, i:** (plainsmen's speech, Myst ...); b) the narrowing of **je, je:** (in Shar) and the narrowing and palatalization of **je, je:** (Akk. dialect). **i** and **u** may inflict the narrowing of mid-vowels of their own row (**je, je:**→**i:**; **wo, wo:**→**u, u:**). In Vedeno, Itumkal and P. Uslar's materials there are no examples of the labialization of front vowels: **i, i:, je, je:**.

In the Makazha subdialect **a** can be turned into **e** or **o** (only in certain cases).

5. The V_1 system represented in the Makazha subdialect is the historical modification of a simpler system consisting of **a:, a, u** and **i**. The latter must have been typical for all the Chechen-Ingush languages.

e and **o** of the V_2 system must also be considered as secondary vowels.”.

Then, a step into Lezghian group with

лабиализованные звуки и фонемы в Табасаранском и Агульском языках / Labialized sounds and phonemes in Tabasaran and Agul”, by A. A. Magometov

Both bilabialization and dentolabialization are characteristics for Tabasaran and Agul (It must be noted here that if labialization is very common in all Daghestanian languages, dentolabialization is generally rare).

Bilabialization in Tabasaran has much been changed (and is gradually vanishing): in the southern dialect it has been still preserved while in the northern one it is already lost:

Southern dialect *jek^w*, cf.: northern dialect (Khanag subdialect) *jak* «axe»

Southern dialect *x^war*, cf.: northern dialect (Khanag subdialect) *xar* «mare».

Table 1

In Tabasaran bilabialized are the back sounds and pharyngeals

g^w :	k^w	k^w :	k^w '
γ^w	x^w		
	q^w	q^w :	q^w '

In Agul bilabialization has been preserved in every subdialect, though with some differences in each of them.

Taking into consideration the data of different subdialects, we may state that bilabialized sounds are found among front and back sounds and pharyngeals as well:

Table 2

Bilabialized sounds are found among front and back sounds and pharyngeals as well:

		t^w :	t^w '	
z^w	s^w		$\widehat{ts}^w$ '	$[\widehat{dz}^w]$

ʒ^w	$\widehat{\text{tʃ}}^w$		$\widehat{\text{tʃ}}^{w'}$	$\widehat{\text{dʒ}}^w$
g^w	k^w	k^w :	$\text{k}^{w'}$	
ɣ^w	x^w	x^w :		
	q^w	q^w :	$\text{q}^{w'}$	

There are some restrictions for bilabialization: a) correlation by labialization does not concern labial consonants, b) labialized sounds are not found before labial vowels and in the auslaut after the vowel «u» (N. Trubetskoy)

$$V^w + C^w \rightarrow V^w + C$$

$$C^w + V^w \rightarrow C + V^w$$

(C^w – labialized consonant, V^w – labial vocal, C – not labialized consonant, V – not labial vocal).

In Tabasaran and Agul the complex «not labial vocal + labialized consonant» may give the complex «labial vocal + not labialized consonant» and viceversa (the same is said in special literature about other languages having labialization):

$$V + C^w \rightarrow V^w + C$$

$$C^w + V \rightarrow C + V^w$$

Dentolabialization is found in all the subdialects of the Tabasaran language and in Agul – only in the speech of two villages (Arsug and Burshag) of the Koshan dialect. Dentolabialization consonants are phonemes, they are found among hissing sounds:

$$\widehat{\text{dʒ}}^w \text{ʃ}^w \text{ʃ}^w : \widehat{\text{dʒ}}^w \widehat{\text{tʃ}}^w \widehat{\text{tʃ}}^w : \widehat{\text{tʃ}}^w$$

(adding the third row to them;- N. Trubetskoy)

Hissing sounds in Tabasaran are never bilabialized.

Whistling sounds correspond to the dentolabialized hissing sounds. On the basis of velarization labialized hissing sounds may become the basis for the corresponding back sounds,

$$\text{ʃ}^w : \text{ʃ}(\text{ʃ}^w) : \text{x}^j (\text{x}^{wj})$$

$$\widehat{\text{tʃ}}^w : \widehat{\text{tʃ}}(\widehat{\text{tʃ}}^w) : \text{k} (\text{k}^w)$$

$$\widehat{\text{tʃ}}^{w'} : \widehat{\text{tʃ}}(\widehat{\text{tʃ}}^{w'}) : \text{k}' (\text{k}^{w'})$$

$$\widehat{\text{dʒ}}^w : \text{ʒ}(\text{ʒ}^w) : \text{g} (\text{g}^w)$$

Such feature are quite evident in synchronic analyses of Lezghian; as explained in the following article:

О некоторых общих моментах изменения лабиализованных согласных в Лезгинском и других Дагестанских языках / Some common peculiarities in the changes of the labialized consonants in Lezghian languages and other Daghestanian languages, by A. G. Gjulmagomedov

The labialized consonants g^w , ʒ^w , $\text{k}^{w\cdot}$, k^w , $\text{k}^{w'}$, $\text{q}^{w\cdot}$, s^w , $\text{t}^{w\cdot}$, t^w , $\text{t}^{w'}$, x^w , q^w , x^{wj} , $\widehat{\text{ts}}^w$, $\widehat{\text{ts}}^w$, $\widehat{\text{ts}}^{w'}$, $\widehat{\text{tʃ}}^w$, ʃ^w , which are met in modern Lezghian may be qualified as being «primary» and «secondary» sounds. The «primary» labialized consonants are called such sounds which occur in initial forms of the nouns, and, as rule, do not undergone any modifications with the change of the latter. The «secondary» labialized consonants are such sounds which appear in the bases of imperative mood (inclusive, exclusive), the absolute and preterites of verbs with **-un**, **-ün** in the Masdar form. Both the

«primary» and the «secondary» labialized consonants are common almost to all Daghestanian languages and occur before **a** and **e**.

There are some common features found in the changes of this consonantal sounds in the Lezgian subdialects and other Daghestanian languages. Here are some of them:

1. The labialization feature (sign) of a root consonant disappears without any trace.
2. The labialization feature is transferred from a consonant into the neighbouring unrounded vowels **a**, **e**, **i** which results in the emergence of new vowels as **o**, **ö** or **u**, **ü**.
3. Observations over the regulations under which the labialized consonants change enable us to make some probable predictions as to the further fate of the non-labialized consonants – on the one hand, and in certain cases to re-interpret the vowels **o**, **ö**, **u**, **ü** – on the other hand”.

As external evidence, it worth to read what M. Kumakhov wrote “On the correlation of diphthongs and vowels in the Adyghe languages” quoted here:

“In the Adyghe languages the so-called long vowels **e**, **i**, **o**, **u** are of heterogeneous origin. They appeared as a result of phonetic process of contrary tendencies. In some cases the vowels **e**, **i**, **o**, **u** are got as result of reduction of diphthongs, in other cases – as result of phonetic changes of the vowels **ä**, **ə**, in the position before the sonants **j**, **w**. Though the vowels **e**, **i**, **o**, **u** show a strong tendency toward phonologization but they still remain to represent phonetic variants of either diphthongs or the vowels **ä**, **ə**. The process of the reduction of the diphthongs in the Adyghe languages differ as to their intensity. In the final position biphonemic diphthongs are the steadiest in the Adyghe languages. The same should be said of vowels in the position before sonants, where the Adyghe **ä**, **ə** seem to be less expose to changes than the long vowels. Phonetic change of the vowels **ä**, **ə** into the long ones before the sonants **j**, **w** is a new process of Kabardian origin”.

Back to Daghestan, Lak language show the same situation of Pre-Greek, as I. Tsertsvadze stated in his article “On the question of the vowels **e** and **o** in the Lak language”,

“As we stated by P. Uslar, in the Lak there are three main vowel phonemes: **a**, **i**, **u**.

The Lak language lacks the vowel of middle range **e** and **o**.

As a result of comparing Lak with the Avar language in which all the above-mentioned vowels are present (though not in all positions and dialects) it can be stated that the Lak language has lost the vowels **e** and **o**, having replaced them by their reflex **a** ($e > a$, $o > a$).

Table 3

Thus in Lak the vowel *a* should be regarded as a reflex of three different vowels: *a*, *e*, *o*.

Авар (Аварский)		Лак (лакский)		
a	<i>raḱ</i>	a	<i>daḱ</i>	heart/ сердце
e	<i>beter</i>	a	<i>baḱ</i>	head/ голова
o	<i>ros</i>	a	<i>las</i>	husband/ муж

Even A. Magometov’s article for Dargwa fit the case with “Peculiarities of the conjugation of verbs containing in their stems pharyngalized and labialized consonants in Dargwa.”; as follow

1. P. Uslar notes the existence of the following three suffixes of the infinitive in the Urakhi dialect of Dargwa: **-is**, **-as**, **-es**. According to P. Uslar verbs with the infinitive suffixes **-as**, **-es** «makes exceptions to the regular conjugation».

This exception is due to the influence of pharyngeal root consonants (and pharyngalized **h**: or **ʔ** as well) on vowels following the said consonants when a pharyngalized root consonant is followed

by the vowels **a** or **u**, the latter are changed : **i** → **ε**, **u** → **wε**. This fact, in its turn, results in the change of suffixes (or stem building elements) of the main conjugational forms:

Past tense, 3rd PLUR.-ur → wεr (1st conjunction)

-ib → -εb (2nd conjunction)

-un → wεn (3rd conjunction)

Present tense, absolutive :-u-li → wε-li

2. P. Uslar includes in the number of «exceptions to the regular conjugation» verbs forming their infinitive by means of the suffix -wis. Such are verbs containing labialized consonants (**w** is considered by P. Uslar a suffixal element, is in reality the reflex of a labialized consonant).

The labialized root consonant becomes delabialized before the labial vowel **u**: Cw + u → Cu (Cw being a labialized consonant).

Thus, the exceptions to the regular conjugation of the Urakhi dialect notes by P. Uslar can be explained by the natural root of consonants: in one case by pharyngalized consonants (or pharyngeals: **h**:, **ʔ**), in the other – by labialized ones”.

Again, in Lak language with a scrutiny in morphology, as G. Burchuladze wrote in “Concerning the vowel Ablaut in Lak nouns”:

1. Examples of the inner vowel-flexion in Lak nouns were noted earlier (by P. Uslar, V. Topuria, L. Zhirkov). Latter researches yielded more examples and, what is important, the morphological function of the inner vowel-flexion has been ascertained. Namely:

The inner vowel-flexion in nouns serves to distinguish the nominative from the oblique case stem. Hence in most cases with the inner vowel-flexion a thematic vowel is not used. e.g:

bark’ «shield»– oblique case stem : burk’-a-

barts’ «wolf»– oblique case stem: burts’-i-

2. The indicated morphological function of the inner vowel-flexion is secondary, being the result of certain phonetic changes, namely:

(a) as result of the assimilation with the connective vowel **u** in the oblique case stem **a** → **u**,

e.g.:

ts’ats’ «dog-rose» – oblique case stem: ts’uts’-u → *ts’ats’-u-

k’alaf’ «charcoal»– oblique case stem: k’ulf’-u ← *k’alf’-u-

(b) as result of the assimilation with the original labialized consonant in the stem-vowel **a** →

u, e.g.:

nax^w «chaff»– oblique case stem: nux^w-a ← *nax^w-a-;

martf^w «wind»– oblique case stem: murtf^w-a ← *martf^w-a-.

If the original labialized consonant is immediately followed by an assimilated **u**, then C^w → C as result of the dissimilation of the labialized consonant under the influence of the stem vowel **u** (←**a**), e.g:

q^war «udder»– oblique case stem: qur-a ← *q^wur-a ← *q^war-a-;

k^wartf^ʔ «laziness»– oblique case stem: kurtf^ʔ-i ← *k^wurtf^ʔ-i ← *k^wartf^ʔ-i- .

(c) sometimes the original vowel may be manifested in the oblique stem while in the nominative the vowel is changed, e.g:

x^wulu «hay» – oblique case stem: x^wal-a- (cf. x^wala «hay», dialectal form);

ts’u «fire, flame» – oblique case stem: ts’ar-a- (cf. Andi, Botlikh, Bagwalal, Karata, Tindi: ts’aj ← *ts’ar; Akhvakh: tʃ^ʔar-i ← *ts’ar-i; Udi ar-ux ← *ts’ar-ux “id.”).

After all these articles, it is clear that **wa** > labial vowel (**o**, **u**) within Nakh-Daghestanian languages.

Then, next chapter will be entirely dedicated to this Rule in Diachronic field.

Diachrony.

It is well known that languages of the same group, or even more, same family abide fixed process of sound articulations.

Substantially, Greek written form of a substrata language, it actually hiding its original sound; or, in any case, it shows its final stage caused from co-articulation to monophthongization; at the end, there are no reasons to affirm “poor vocalic system” for those languages.

There are several instances where Nakh-Daghestanian co-articulated words ends up to secondary vowels in Pre-Greek, labial(s) in the case.

Let start with κόλλαβος, κόλλου ‘a kind of bread or cake / хлеб; торт, пирожное’, κολλύρα, κολλούρα ‘cake / торт, пирожное’ and κόλλιξ, -ικος ‘round, coarse bread / круглый хлеб, крупный хлеб’. It is undeniable a common root in *κόλλ- ~ *κολλ-, all of them having ‘bread / хлеб’ as main theme. In Archi (Арчинский) appear χ^w:állì ‘bread / хлеб’; and then, Tindi (Тиндинский) χ:olí and Chamalal (Чамалинский) χ:ol ‘толокно / porridge’; where’s labialization it already developed in labial vowel. Such word is also attested in ancient time, with Luwian hu-ul-li-ti-iš ‘a kind of bread / хлеб’, where *hu-ul-li- reflect in full the Pre-Greek form (esp. κόλλιξ).

As seen in all these languages, it is possible to formulate Labialized consonant + vowel > Consonant + labial vowel.

Rule: -wa- > o, u

To resume this step:

Rule: -wa- > o, u

Table 4

To resume rule: -wa- > o, u

Archi	-wá-
Pre-Greek, Tindi, Chamalal’	-o-
Luwian	-u-

It is symptomatic that Lak language do the same in Oblique form:

q^war «udder»– oblique case stem: qur-a←*q^wur-a←*q^war-a-

Table 5

Other words equally proceed in this direction, like κοδομεύς

Chechen (Чеч.)	<i>xudar</i>	каша / porridge
Andi (Анди.)	<i>χuder</i>	крупa / groat
Rutul	<i>gudi</i>	Блюдо из муки и меда
Tsakhur (Цах.)	<i>q’awit, q’awut</i>	толокно, изделие из
Inkhokvarian (Инк.)	<i>k’edo</i>	толокна / a kind of porridge
Hinuq (Гин.)	<i>gude</i>	(oatmeal)
Tabasaran (Таб.)	<i>gawit</i>	солод / malt
Lak (Лак.)	<i>k’ut</i>	
Pre-Greek	κοδομεύς	

- Notably Hinuq ‘изделие из толокна / oatmeal’.

Andi (Анди.)	<i>t²or, lora, t:ora, ʔora</i>	колос / spiga
Avar (Авар.)	<i>t²or</i>	
Akhwakh (Ахв.)	<i>t²ar</i>	
Godoberi (Год.)	<i>lala (< * lara)</i>	
Karata (Кар.)	<i>t²ara</i>	
Lezgian (Лезг.)	<i>t^war, t^wari</i>	зерно / grain
Khinalug (Хин.)	<i>t²ar</i>	просо / millet
Pre-Greek	τορύνη	
In Avar (Gidatlin) <i>t²ori</i> . In southern Akhwakh and Karata (Enkheli) <i>t²ara</i> ‘ib.’. According to Kibrik&Kodzasov, <i>t²a:r</i> in Khinalug.		

Andi (Анди.)	<i>χ^wami</i>	fish
Chamalal (Чам.)	<i>χ^wam</i>	/?????/
Tindi (Тинди.)	<i>χ^wã</i>	/
Karata (Кар.)	<i>χ^wãj</i>	/&&&,,,
Lak (Лак.)	<i>ħawa</i>	
Pre-Greek	<i>χ^wami.κομαρίδες</i>	

κόλλαβος, κόλλου ‘a kind of bread or cake / хлеб; торт, пирожное’	Archi (Арчинский): <i>χ^w:álli</i> ‘bread / хлеб’
κολλύρα, κολλούρα ‘cake / торт, пирожное’	
κόλλιξ, -κος ‘round, coarse bread / круглый хлеб, крупный хлеб’.	
κοδομεύς ‘one who roast barley / жарить - ячмень’	Inkhokvarian (Инх.): <i>k^wedo</i> ‘толокно, изделие из толокна / a kind of porridge (oatmeal)’ Andi (Анди.): <i>χ^wami</i> ‘fish’

Back to Daghestan, Lak language show the same situation of Pre-Greek, as I. Tsertsvadze stated in his article “On the question of the vowels *e* and *o* in the Lak language”,

Литература

1. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. 2003. М.: Academia, 262 с.
2. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. 1961. М.: Эпоха, 100 с.

3. Бурчуладзе Г.Т. Основные вопросы падежного состава и процессов склонения имен существительных в лакском языке. 1986. Т.: Мецниереба, 132 с.
4. Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности пеласгийского догреческого слоя [Электронный ресурс] // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 44-53. URL: <http://vja.ruslang.ru/archive/1971-1.pdf> (дата обращения: 12.12.2019)
5. Дешериева Т. И. Категория модальности в нахских и иноструктурных языках. 1988. М.: Наука, 208 с.
6. Дешериева Т.И. Исследование видовременной системы в нахских языках (с привлечением материала иносистемных языков). 1979. М.: Наука, 271 с.
7. Имнайшвили Д.С. Об одном типе контактной и регрессивно-дистанционной ассимиляции гласных в нахских языках и диалектах чеченского языка (лабиализация с сужением) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18801> (дата обращения: 12.12.2019)
8. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. 1988. М.: МГУ, 226 с
9. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. 1990 М.: Изд-во МГУ, 366 с.
10. Кондратов А. М., Шеворошкин В. В. Когда молчат письма. Загадки древней Эгеиды. 1970. М.: Наука. 228 с.
11. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. 1984. Н.: Эльбрус, 326 с.
12. Магомедов А.А. Агульский язык. Исследования и тексты. 1970. Т.: Мецниереба, 244 с.
13. Магомедов А.А. Табасаранский язык. Исследования и тексты. 1965. Т.: Мецниереба, 398 с.
14. Махмудова С.М. Моноконсонантность рутульского глагольного корня. // IV Международный симпозиум лингвистов-кавказоведов Вопросы структуры и корня в иберийско-кавказских языках. Материалы. Грузия: Тбилиси, 2015. С. 152-153.
15. Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. 2001. М.: Институт языкознания РАН, 256 с.
16. Махмудова С.М. Основы духовности и народной философии рутулов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2017. Том 4. № 4. С. 3–11. DOI:10.17759/langt.2017040401
17. Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. № 2. С. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213
18. Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. 1988. М.: Наука, 188 с.
19. Откупщиков Ю.В. Догреческий субстрат. У истоков европейской цивилизации. 1988. Л.: Изд-во ЛГУ, 256 с.
20. Beekes R.S. Pre-Greek loanwords in Greek. 2010. L.: Brill. pp.46-55.

References

1. Alekseev M.E. Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya nakhsko-dagestanskikh yazykov. Kategorii imeni. 2003. Moscow: Academia, 262 p. (In Russ.).
2. Bokarev E.A. Vvedenie v sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie dagestanskikh yazykov. 1961. Makhachkala: Epokha, 100 p. (In Russ.).

3. Burchuladze G.T. Osnovnye voprosy padezhnogo sostava i protsessov skloneniya imen sushchestvitel'nykh v laskskom yazyke. 1986. Tbilisi: Metsniereba, 132 p. (In Russ.).
4. Gindin L.A. K probleme geneticheskoi prinadlezhnosti pelasgiiskogo dogrecheskogo sloya. *Voprosy yazykoznaniya=Linguistics Issues*, 1971, no. 1. pp. 44-53. Available at: <http://vja.ruslang.ru/archive/1971-1.pdf> (Accessed: 12.12.2019) (In Russ.).
5. Desherieva T.I. Issledovanie vidovremennoi sistemy v nakhsikh yazykakh (s privlecheniem materiala inosistemnykh yazykov). 1979. Moscow: Nauka, 271 p. (In Russ.).
6. Desherieva T. I. Kategoriya modal'nosti v nakhsikh i inostrugurnykh yazykakh. 1988. Moscow: Nauka, 208 p. (In Russ.).
7. Imnaishvili D.S. Ob odnom tipe kontaktnoi i regressivno-distantionnoi assimilyatsii glasnykh v nakhsikh yazykakh i dialektakh chechenskogo yazyka (labializatsiya s suzheniem). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern problems of science and education*, 2015, no. 1. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18801> (Accessed: 12.12.2019) (In Russ.).
8. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izucheniye dagestanskikh yazykov. Glagol. 1988. Moscow: MGU, 226 p. (In Russ.).
9. Kibrik A.E., Kodzasov S.V. Sopostavitel'noe izucheniye dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika. 1990 Moscow: Publ. MGU, 366 p. (In Russ.).
10. Kondratov A. M., Shevoroshkin V. V. Kogda molchat pis'mena. Zagadki drevnei Egeidy. 1970. Moscow: Nauka. 228 p. (In Russ.).
11. Kumakhov M.A. Ocherki obshchego i kavkazskogo yazykoznaniya. 1984. Nal'chik: El'brus, 326 p. (In Russ.).
12. Magometov A.A. Agul'skii yazyk. Issledovaniya i teksty. 1970. Tbilisi: Metsniereba, 244 p. (In Russ.).
13. Magometov A.A. Tabasaranskii yazyk. Issledovaniya i teksty. 1965. Tbilisi: Metsniereba, 398 p. (In Russ.).
14. Makhmudova S.M. Monokonsonantnost' rutul'skogo glagol'nogo kornya. *IV Mezhdunarodnyi simpozium lingvistov-kavkazovedov Voprosy struktury i kornya v iberiisko-kavkazskikh yazykakh*. Materialy. Gruzija: Tbilisi, 2015, pp. 152-153. (In Russ.).
15. Makhmudova S.M. Osnovy dukhovnosti i narodnoi filosofii rutulov [Basics of Spirituality and Popular Philosophy of Rutul]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2017. Vol. 4, no. 4, pp. 3–11. DOI:10.17759/langt.2017040401. (In Russ.).
16. Makhmudova S.M. Morfologiya rutul'skogo yazyka. 2001. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN, 256 p. (In Russ.).
17. Makhmudova S.M. Yazykovaya reprezentatsiya aksiologicheskoi dominanty kontsepta 'Etika' ('Abyr') v natsional'noi kartine mira rutulov [Language representation of the axiological dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in the national picture of the world of Rutul]. *Yazyk i tekst=Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 2, pp. 75–81. DOI:10.17759/langt.2018050213. (In Russ.).
18. Molchanov A.A., Neroznak V.P., Sharypkin S.Ya. Pamyatniki drevneishei grecheskoi pis'mennosti. Vvedeniye v mikenologiyu. 1988. Moscow: Nauka, 188 p. (In Russ.).
19. Otkupshchikov Yu.V. Dogrecheskii substrat. U istokov evropeiskoi tsivilizatsii. 1988. Leningrad: Publ. LGU, 256 p. (In Russ.).
20. *Beekes R.S.* Pre-Greek loanwords in Greek. 2010. Leiden: Brill. pp.46-55.

Тардиво Дж.
Лабиялизация в эгейских и нахско-дагестанских
языках.
Язык и текст 2020. Том 7. № 1. С. 109–120.

Tardivo G.
Labialization in the Aegean and Nakh-Dagestan
languages.
Language and Text 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 109–120.

Информация об авторах

Джампаоло Тардиво, Преподаватель лингвистики, Падуанский университет, Италия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com;

Information about the authors

Tardivo Giampaolo, Professor of linguistics, Padua State University, Italy, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-9398-762X>, e-mail: gtardivo@googlemail.com;

Получена 05.03.2020
Принята в печать 13.03.2020

Received 05.03.2020
Accepted 13.03.2020

Концепт «anger» в лексикографическом описании

Яровикова Ю.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Статья посвящена описанию содержания концепта «anger» в английском языке по данным лексикографических источников: одно- и двуязычных этимологических, толковых, фразеологических и идиоматических словарей. Предмет исследования составила семантическая структура лексемы «anger» – репрезентанта одноименного концепта в английском языке. В результате этимологического, дефиниционного и контекстуального анализа выявлены диахронические трансформации лексемы, обусловившие ее семантическую структуру в современном английском языке; эксплицирован широкий спектр узуальных когнитивных признаков, формирующих понятийную составляющую исследуемого концепта. Обращение к данной проблематике обусловлено, прежде всего, неослабевающим интересом лингвистов к проблеме языковой репрезентации категорий, отражающих мир человека. Настоящее исследование вносит определенный вклад в изучение активно разрабатываемых в настоящее время проблем языкового выражения внутренней сферы бытия человека в современной германистике с позиций лингвокогнитивного и антропоцентрического подходов.

Ключевые слова: anger, концепт, лексема, архисема, узуальные когнитивные признаки.

Для цитаты: Яровикова Ю.В., Концепт «anger» в лексикографическом описании [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 121–127. DOI:10.17759/langt.2020070112

A Lexicographic Description of the Concept “Anger”

Yulia V. Yarovikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

The paper seeks to outline the content of the concept “anger” as it is represented both in print and online lexicographic resources. The study is based upon the data gained directly from mono- and bilingual thesauruses, dictionaries of etymology, phraseology and idioms. The subject of the study is the semantic structure of the lexeme “anger” that names the corresponding concept in the English language. Etymological,

definitional and contextual analyses revealed the lexeme’s diachronic transformations that underlie its semantics in Modern English. The data obtained in the analyses also contributed to identifying a wide range of usual cognitive characteristics that constitute the notional component of the concept. The choice of this issue is determined primarily by linguists’ continuing interest in representing a person’s interior by language means. The findings of the study make a contribution to the further development of issues relating to the linguistic expression of the human inner world in Modern Germanic languages from linguocognitive and anthropological perspectives.

Keywords: anger, concept, lexeme, archiseme, usual cognitive characteristics.

For citation: Yarovikova Y.V. A Lexicographic Description of the Concept “Anger”. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 121–127. DOI:10.17759/langt.2020070112 (In Russ.).

В когнитивных науках «концепт» – это термин, обозначающий единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающий знание и опыт человека. Это – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, а также всей картины мира, отраженной в человеческой психике [1].

Взяв за основу теорию Ю.С. Степанова о «слоистом» строении концепта, автор анализирует два основных слоя концепта anger: 1) внутренняя форма концепта (этимология), существующая как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений; 2) актуальный слой концепта, в котором он существует для всех пользующихся данным языком как средство их взаимопонимания и общения [9].

Поскольку концепт дает понятийное обобщение некоторой номинации, бытующей в сознании обычных носителей языка [2; 10], в лингвокогнитивных исследованиях чрезвычайной значимостью обладает этимологический анализ внутренней формы слова-номинанта концепта, которая выступает как источник сведений о структуре исследуемого концепта [7]. В этой связи первоочередной задачей видится установление происхождения и выявление возможных диахронических трансформаций лексемы «anger», репрезентирующей одноименный концепт в английском языке. Как свидетельствуют этимологические словари [8; 24; 26; 20], лексема «anger» восходит к древнескандинавскому слову *angr*, в котором можно выделить несколько схожих по тональности значений *distress*, *grief*, *sorrow*, объединенных общей семей *feeling (unhappy, worried, upset)*. Следовательно, первым, основополагающим этимологическим признаком концепта «anger» является (1) архисема чувство (в древнескандинавском – чувство печали, скорби, сопряженное с горем, страданием).

Этимологический анализ также показал, что лексема «anger» как слово-номинант эмоции гнева закрепляется лишь к концу среднеанглийского периода [26]. Полученные данные свидетельствуют об определенных диахронических трансформациях лексемы «anger», способствующих наполнению ее смыслового объема. Кроме этимологических значений, упомянутых выше, в середине XIII в. лексема «anger» представлена рядом иных значений: *suffering*, *agony* с общей семей родового значения *rain (mental, physical, emotional)*, детерминирующих когнитивный признак, представленный (2) архисемой боль (душевная, физическая, эмоциональная); а также *hostile attitude*, *ill will*, *surliness*, эксплицирующих (3) архисему недружелюбие, враждебность (*unfriendliness*).

Лишь к началу XIV в. за лексемой закрепляется значение, ставшее впоследствии основным: *rage*, *wrath*. Таким образом установлена семантическая структура лексемы «anger» на разных исторических этапах развития английского языка.

Далее перейдем к выделению актуальных когнитивных признаков, детерминирующих содержание концепта «anger». Данный этап работы предполагал обращение к современным словарным дефинициям соответствующей лексемы и фразеологическим единицам, репрезентирующим гнев.

Анализ словарных дефиниций лексемы «anger» позволил эксплицировать набор следующих узуальных когнитивных признаков:

1) эмоциональное состояние: emotion [19]; an emotional reaction [16; 29]; feeling [20; 22; 23; 28];

2) высокая интенсивность: a strong feeling of displeasure [16; 18]; a strong passion or emotion [19]; violent vindictive passion [27];

3) каузальность, обусловленная негативными явлениями, событиями, действиями. В семантике исследуемой лексемы обнаруживаются такие причины возникновения гнева, как неудовлетворенность кем/чем-либо: displeasure [14; 17; 28]; несправедливость, ненадлежащее обращение, жестокость с чьей-либо стороны: when one sees cruelty or injustice [21]; as a result of injury, opposition or mistreatment [27]; the strong feeling that you have when smth has happened that you think is bad or unfair [22];

4) агрессия (физическая, вербальная), направленная против того, кто вызвал эту эмоцию: makes you want to hurt someone, be unpleasant, shout at someone, etc. [15]; makes people want to quarrel or fight [21];

5) сопряженность с мезтью: violent vindictive passion [27]; the feeling of strong displeasure mixed with resentment or desire for revenge [28]. Данный узуальный когнитивный признак имеет следующее этимологическое обоснование. В 1570-х гг. было зафиксировано слово «nemesis» греческого происхождения с семантикой «праведный гнев»: just indignation, righteous anger [26]. В современном английском языке основным его значением является возмездие: just punishment for wrong doing [21]. Как имя собственное – Немезида – оно служит наименованием богини возмездия, в греческой мифологии олицетворяющей божественный гнев: goddess of vengeance [21]. В этой связи целесообразно учесть и философский аспект проблемы. Эмоциональная сфера, привлекавшая внимание ученых начиная с античных времен, нашла свое отражение в работах выдающихся мыслителей разных эпох: Сократа, Аристотеля, Сенеки, Р. Декарта, Б. Спинозы, Дж. Локка, Д. Юма, Д. Дидро, И. Канта, И.В. Гете, Ф. Ницше и др. Гнев зачастую оценивался философами как эмоция деструктивного характера, сопряженная с болью, страданием, беспокойством, и побуждающая человека к мести, борьбе [12;13]. В числе тех, кто усматривал прямую связь между гневом и мезтью, были Р. Декарт, отмечавший, что с гневом связано настойчивое желание уничтожить источник вреда и отомстить [3], и Дж. Локк, называвший гнев «беспокойством или волнением души при получении какого-нибудь оскорбления, которому сопутствует намерение немедленно отомстить» [6, с. 283].

Следующий этап работы по лексикографическому описанию концепта «anger» предусматривал обращение к фразеологическому фонду языка. Анализ корпуса фразеологизмов (88 единиц), репрезентирующих эмоцию гнева в современном английском языке, позволил эксплицировать ряд дополнительных когнитивных признаков, формирующих содержание исследуемого концепта. К ним отнесены:

6) направленность, подчеркивающая объект, на которого направлен гнев: become the victim of smb’s anger, blow off at smb, vent one’s spleen on smb, pour out one’s bile to smb, spend one’s spite on smb [4];

7) экспрессия, характеризующаяся внешними формами проявления эмоции. В

лексикографических источниках зафиксированы языковые средства, репрезентирующие миремические и фонационные проявления гнева. К первым отнесен фразеологизм *look daggers* [5], соответствующий русскоязычному эквиваленту «метать гневные взгляды». Фонационные фразеологические единицы передают голосовые характеристики человека, испытывающего гнев, к примеру, повышение тона: *in a loud voice* [23] и срыв голоса: *have an edge to one’s voice* [25];

8) потеря самообладания – наиболее репрезентативный узуальный когнитивный признак, акцентирующий аффективную природу гнева. В частности, состояния типа: *рассвирепеть, взбеситься, взбелениться, кипеть от гнева* и т.п. передают такие фразеологические единицы, как *explode with anger, be beside oneself, make smb lose his temper, lose control of oneself, lose one’s balance, fly off the handle, go crazy, let off (blow off) steam, let off the pressure, get (have) smb’s blood up* [4], *hit the ceiling / roof, raise the roof, blow one’s top, lose one’s shirt* [5], *cool off* [11];

9) транзитивность, эксплицированная фразеологизмом «менять гнев на милость»: *convert one’s anger into good humour, forgive and forget* [4].

Подытоживая вышесказанное, отметим следующее. Понятийная составляющая концепта «anger» представлена двумя основными слоями: этимологическим и актуальным. В результате анализа лексикографических источников установлена семантическая структура лексемы, номинирующей концепт, и выявлены его этимологические признаки: архисемы *feeling, pain, unfriendliness*. Все они являются древнескандинавским наследием языкового влияния, определившим специфику внутренней формы лексемы «anger» на разных исторических этапах развития английского языка.

В результате анализа значений слова-номинанта на основе толковых, фразеологических и идиоматических словарей эксплицирован широкий спектр узуальных когнитивных признаков, конституирующих актуальный слой исследуемого концепта и характеризующих его как лингвокогнитивный феномен. Специфика осмысления понятия, за которым стоит концепт, раскрывается посредством анализа оязыковленных сущностных характеристик гнева. В словарных дефинициях и фразеологизмах гнев представлен как высокоинтенсивное эмоциональное состояние, продуцируемое негативными явлениями и характеризующееся внешними (физиологическими) проявлениями, агрессивным поведением, потерей самообладания. Гнев всегда направлен на кого-то, иногда сопряжен с мстостью, иногда переходит в полярные эмоциональные состояния.

Учет в лексикографическом описании концепта «anger» диахронического аспекта позволяет сделать вывод о том, что актуальные когнитивные признаки, к числу которых отнесены «эмоциональное состояние», «агрессия» и «сопряженность с мстостью», носят опосредованный характер, восходя к этимологическим. Все они, как видно из приведенных лексикографических данных, отражены с разной степенью актуальности. Наиболее актуальным, основным признаком в содержании концепта «anger» является узуальный когнитивный признак «эмоциональное состояние», восходящее к архисеме *feeling*, обусловившей семантику номинанта исследуемого концепта в современном английском языке.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 2010. М.: Флинта, Наука, 224 с.
2. *Блох М.Я.* Слово и его воплощения // Вестник Иркутского государственного

- лингвистического университета. 2012. № 2. С. 6–15.
3. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т.1. 1989. М.: Мысль, 654 с.
  4. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. 2000. М.: Рус. яз., 705 с.
  5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 2001. М.: Рус. яз., 512 с.
  6. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. 1985. М.: Мысль, 621 с.
  7. Мальнева Е.Ю. Концепт DREAM в идиостиле Эдгара Аллана По: дис. ... канд. филол. наук. 2011. Хабаровск, 280 с.
  8. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историческим и этимологическим словарем. 1953. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 288 с.
  9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2004. М.: Академический Проект, 992 с.
  10. Уткина Л.Н., Ковалевич Д.С. Концепт «время» в англоязычных пословицах и поговорках [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2018. Том 5. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Utkina_Kovalevich.shtml (дата обращения: 08.04.2020).
  11. Шехтман Н.А. Практикум по фразеологии современного английского языка: пособие для студентов пед. институтов (на английском языке). 1971. Л.: Изд-во «Просвещение», 181 с.
  12. Яровикова Ю.В. Функционально-семантическая категория «anger» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. 2013. Хабаровск, 184 с.
  13. Яровикова Ю.В. Эмоции как объект лингвистических исследований // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 7. С. 5.
  14. The American Heritage Dictionary. 1985. Boston: Houghton Mifflin Company., 671 p.
  15. Cambridge International Dictionary of English. 1995. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 773 p.
  16. Collins National Dictionary. 1969. Lnd: William Collins Sons & Co. Ltd., 542 p.
  17. Collins World English Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 11.12.19).
  18. Merriam-Webster Online Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 11.12.19).
  19. The New Merriam–Webster Dictionary. 1989. Massachusetts: Merriam–Webster INC., Publishers Springfield, 989 p.
  20. New Webster’s Dictionary of the English Language. 1989. Dehli: Surjeet Publications, 1824 p.
  21. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. 1974. Oxford: Oxford Univ. Press, 1055 p.
  22. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. 2000. Oxford: Oxford Univ. Press, 1539 p.
  23. Oxford Basic English Dictionary. 1981. Oxford: Oxford. Univ. Press, 297 p.
  24. The Oxford Dictionary of English Etymology. 1985. Oxford: Oxford Univ. Press, 1024 p.
  25. Oxford Dictionary of English Idioms. 1993. Oxford: Oxford Univ. Press, 685 p.
  26. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 11.12.19).
  27. Standard Dictionary of the English Language. 1963. N. Y.: Funk & Wagnalls Company, 2816 p.
  28. Webster’s New World Dictionary. 1982. N.Y.: Simon & Schuster, 1692 p.
  29. Webster’s School Dictionary. 1980. USA: Merriam-Webster, 1167 p.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya. Cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: ucheb. posobie

- [Linguoculturology. The value-semantic space of language]. 2010. Moscow: Flinta, Nauka, 224 p.
2. Bloh M.Ya. Slovo i ego voploshcheniya [On the incarnations of the word] Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [The Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2012. No 2, pp. 6–15.
  3. Dekart R. Sochineniya: v 2 t. T.1. [Essays: in 2 vol. Vol. 1]. 1989. Moscow: Mysl', 654 p. (In Russ.).
  4. Kvesevich D.I. Russko-anglijskij frazeologicheskij slovar' [Russian-English phraseological dictionary]. 2000. Moscow: Rus. yaz., 705 p.
  5. Kunin A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' [English-Russian phraseological dictionary]. 2001. Moscow: Rus. yaz., 512 p.
  6. Lokk Dzh. Sochineniya: v 3 t. T. 1. [Essays: in 3 vol. Vol. 1]. 1985. Moscow: Mysl', 621 p. (In Russ.).
  7. Mal'neva E.Yu. Koncept DREAM v idiostile Edgara Allana Po. Dis. ... kand. filol. nauk. [The concept DREAM in Edgar Allan Poe's fiction. Ph. D. (Philology) diss.]. 2011. Habarovsk, 280 p.
  8. Smirnickij A.I. Hrestomatiya po istorii anglijskogo yazyka s VII po XVII v. s grammaticheskimi tablicami i istoricheskim i etimologicheskim slovarem [Specimens of English from the 7th to the 17th century with a summary of Old and Middle English inflections and a historical and etymological glossary]. 1953. Moscow: Publ. lit. na inostr. yaz., 288 p.
  9. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. 2004. Moscow: Akademicheskij Proekt, 992 p.
  10. Utkina L.N., Kovalevich D.S. Koncept «vremya» v angloyazychnyh posloviach i pogovorkah [Concept “time” in English proverbs and sayings]. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2018. Vol. 5, no. 2, С. 82-90. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Utkina_Kovalevich.shtml (Accessed 08.04.2020).
  11. Shekhtman N.A. Praktikum po frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka: posobie dlya studentov ped. institutov (na anglijskom yazyke) [Practical course of Modern English phraseology]. 1971. Leningrad: Publ. «Prosveshchenie», 181 p.
  12. Yarovikova Yu.V. Funkcional'no-semanticheskaya kategoriya “anger” v sovremennom anglijskom yazyke. Dis. ... kand. filol. nauk. [The functional semantic category anger in Modern English. Ph. D. (Philology) diss.]. 2013. Habarovsk, 184 p.
  13. Yarovikova Yu.V. Emocii kak ob"ekt lingvisticheskikh issledovanij [Emotions as an object of linguistic researches]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal=International Research Journal*], 2013, no. 7, p. 5.
  14. The American Heritage Dictionary. 1985. Boston: Houghton Mifflin Company, 671p.
  15. Cambridge International Dictionary of English. 1995. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 773 p.
  16. Collins National Dictionary. 1969. Lnd: William Collins Sons & Co. Ltd., 542 p.
  17. Collins World English Dictionary [Elektronnyj resurs] Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (Accessed 11.12.19).
  18. Merriam-Webster Online Dictionary [Elektronnyj resurs] Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed 11.12.19).
  19. The New Merriam–Webster Dictionary. 1989. Massachusetts: Merriam–Webster INC., Publishers Springfield, 989 p.
  20. New Webster's Dictionary of the English Language. 1989. Dehli: Surjeet Publications, 1824 p.
  21. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 1974. Oxford: Oxford Univ. Press, 1055 p.
  22. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2000. Oxford: Oxford Univ. Press,

Яровикова Ю.В.
Концепт «anger» в лексикографическом описании
Язык и текст. 2020. Том 7. № 1. С. 121–127.

Yarovikova Y.V.
A Lexicographic Description of the Concept “Anger”
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 1, pp. 121–127.

1539 p.

23. Oxford Basic English Dictionary. 1981. Oxford: Oxford Univ. Press, 297 p.

24. The Oxford Dictionary of English Etymology. 1985. Oxford: Oxford Univ. Press, 1024 p.

25. Oxford Dictionary of English Idioms. 1993. Oxford: Oxford Univ. Press, 685 p.

26. Online Etymology Dictionary [Elektronnyj resurs] Available at: <https://www.etymonline.com/> (Accessed 11.12.19).

27. Standard Dictionary of the English Language. 1963. N. Y.: Funk & Wagnalls Company, 2816 p.

28. Webster’s New World Dictionary. 1982. N.Y.: Simon & Schuster, 1692 p.

29. Webster’s School Dictionary. 1980. USA: Merriam-Webster, 1167 p.

Информация об авторах

Яровикова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной и русской филологии Московский городской психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Information about the authors

Yulia V. Yarovikova, PhD in Philology, Associate professor of the department of foreign and Russian philology, Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2097-8597>, e-mail: yarovikovayuv@mgppu.ru

Получена 05.03.2020

Received 05.03.2020

Принята в печать 13.03.2020

Accepted 13.03.2020

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ | CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Международная научная конференция «Достоевский в Италии и славянский вопрос»

Махмудова С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

International Scientific Conference “Dostoevsky in Italy and the Slavic Question”

Svetlana M. Mahmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

7 марта 2020 года кафедра "Лингводидактика и межкультурная коммуникация" института ИЯСКУ Московского государственного психолого-педагогического университета совместно с Московским государственным университетом культуры провели Международную научную конференцию "Достоевский в Италии и славянский вопрос", посвященную 200-летию Ф.М. Достоевского.

Прозвучали доклады как иностранных, так отечественных специалистов из Санкт-Петербурга и Москвы, так, выступили известные специалисты по творчеству Ф.М. Достоевского д.ф.н.,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный институт культуры»
Московский государственный психолого-педагогический университет

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ДОСТОЕВСКИЙ В ИТАЛИИ И
СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС»

Конференция проводится при финансовой поддержке РФФИ № 18-012-90034

7 марта 2020 года
г. Москва

профессор, почетный президент международного общества Достоевского В.Н. Захаров; д.ф.н., заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского в Санкт-Петербурге Б.Н. Тихомиров; д.ф.н., профессор, зав. кафедрой литературы Московского государственного института культуры, проректор по научной деятельности МГИК А.Н. Ужанков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой лингвистики МГИК И.В. Дергачева, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького Б.Н. Тарасов и др.

От МГППУ выступили с интересными докладами д.ф.н., профессор С.М. Махмудова, доценты Губанова Л.В., Головяшкина М.А. и А.С. Бовшик, аспиранты кафедры "Лингводидактика и межкультурная коммуникация" А.Б. Олтушук и И.Л. Кравченко, магистрант И. Киселева, студенты Е. Вейбер и М.Петрова.

На конференции присутствовал и выступил с докладом о неизвестных архивных документах праправнук Ф.М. Достоевского А.Д. Достоевский.